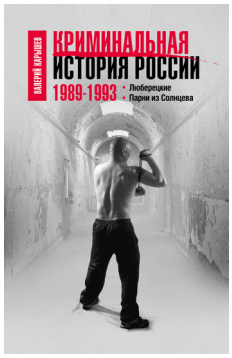
ВАЛЕРИЙ ИВАНЦОВ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ РОССИИ
1989-1993
Люберецкие
Парни из Солнцева

Валерий Михайлович Карышев

Криминальная история России. 1989–1993. Люберецкие. Парни из Солнцева

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174623
Криминальная история России. 1989-1993. Люберецкие. Парни из Солнцева: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26740-8

Аннотация

Самодельные штанги в подвальных «качалках» Люберец, Солнцева, Орехово-Борисова, группки подростков в одинаковых кожанках, драки улица на улицу, район на район… Еще не скоро эти ребята сформируют легендарные криминальные бригады, которые будут потрясать не только Москву, но и всю страну грандиозными разборками и громкими убийствами. Пока же их удел – мелкий рэкет, «крышевание» ларечников, дележ территории. В хаосе, охватившем страну, молодые волчата дерутся за место под солнцем. И все всерьез: «стрелки», «разборки», адреналин в крови, головокружительные взлеты и стремительные падения…

Содержание

Люберецкие 4
Глава 1 4
Глава 2 21
Глава 3 26
Глава 4 48
Глава 5 82
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Валерий Карышев
Криминальная история России. 1989–1993. Люберецкие. Парни из Солнцева

Люберецкие

Эта история основана на подлинных событиях и фактах. Имена многих участников изменены по понятным причинам.

Глава 1
Подозреваемый в убийстве

Московская обл., г. Люберцы, август, 1998 год

Стеклянная кафешка стояла на окраине Люберец и ничем не выделялась, за исключением, пожалуй, того, что в этот поздний час около кафе стояли четыре машины. Два одинаковых «шестисотых» «Мерседеса», черные, длинные, бронированные. Отличались они только тем, что на ветровом стекле одной из машин был прикреплен небольшой картонный пропуск с названием какого-то банка. Кроме того, на крыше у этого «Мерседеса» виднелась большая антенна для радиотелефона.

Второй же «Мерседес» был практически полной копией первого, только названных предметов на нем не было. Вместо пропуска на лобовом стекле был прикреплен обычный талон техосмотра.

Около «Мерседесов» стояли два джипа. Один из них – квадратный «пятисотый» «Мерседес». Рядом с ним находились двое мужчин, одетых в черные костюмы, белые рубашки с галстуками. Оба держали в руках рации. Было ясно, что это охранники какого-то крупного бизнесмена, приехавшего сюда на встречу.

Недалеко от «пятисотого» джипа «Мерседес» был припаркован джип «Чероки» с тонированными стеклами, возле которого прохаживались трое ребят крупного телосложения, в кожаных куртках, коротко стриженные, очень похожие на бандитов или спортсменов. Было нетрудно догадаться, что эти крепкие ребята из личной охраны владельца второго «Мерседеса».

Охранники между собой не разговаривали. Время от времени они лишь бросали взгляды то в сторону соседних машин, то друг на друга.

В этот поздний час около кафе никого не было. На дверях висела табличка «Закрыто».

Кафе представляло собой небольшое квадратное помещение столиков на десять-двенадцать. Справа от столиков находилась стойка бара. За ней бойко орудовала буфетчица Верка. Она протирала рюмки и фужеры, иногда украдкой поглядывая на мужчин, сидевших за столиком. Наконец, улучив момент, она обратилась к одному из них:

– Михаил Васильевич, может, я больше вам не нужна и потихонечку буду собираться домой? Кафе-то закрыто…

Мужчина, к которому обратилась Верка, крупный здоровяк лет сорока, с массивной шеей, коротко стриженный, одет был в темный костюм и черную водолазку. Он нехотя повер-

нул голову в сторону буфетчицы. Сделав небольшую паузу, как бы обдумывая ее слова, он, кашлянув, сказал:

– Почему ты ко мне обращаешься? Я что, твой директор?

– Нет, Михаил Васильевич! Но вы – человек уважаемый, авторитетный, поэтому я и спрашиваю вашего согласия.

Плотный мужчина слегка усмехнулся.

– Ради бога, иди, я тебя не держу. Только принеси по паре бутылочек пива моим ребятам. Заждались они, наверное, у машины. Скажи, что мы скоро заканчиваем, пусть машины прогревают.

Верка сразу засуетилась, вытащила из-под прилавка три бутылки импортного пива и шесть пакетиков соленых орешков. Она уже хотела выйти из кафе, как плотный мужчина неожиданно остановил ее.

– Послушай, – раздраженно сказал он, – выключи свою балалайку! Заколебала нас эта музыка!

Верка заспешила к видеодвойке, стоящей в углу. Неожиданно из-за столика поднялся другой мужчина и, остановив буфетчицу, сказал:

– Иди, Вера, иди. Я сам музыку уберу.

Он медленно подошел к видеомагнитофону и, нажав на кнопку, вытащил кассету, но тут же вставил в прорезь другую.

– Не возражаешь, – обернулся он к собеседнику, – если я поставлю другую музыку, более спокойную?

Мужчина кивнул головой.

– А я пока пойду в туалет, – добавил вставший и направился к боковой двери.

К тому времени Верки в кафе уже не было. Она, выйдя на улицу, разговаривала возле машины с ребятами, которые с удовольствием открывали бутылки пива и пачки орешков.

Не прошло и пяти минут, как из «стекляшки» вышел мужчина, держа в руке какой-то предмет, завернутый в газету и напоминающий книгу. Он быстро подошел к своей машине и сел на переднее сиденье. Обратившись к охране, сказал:

– Быстро уходим!

Ребята, разговаривавшие с Веркой, вопросительно взглянули на него. Один из них спросил:

– А Кузя скоро будет?

Но мужчина ничего не ответил и только с силой захлопнул дверцу «Мерседеса». Машины рванулись по направлению к Москве.

Один из охранников Кузи почувствовал неладное. Он поставил на тротуар недопитую бутылку пива и быстро направился в сторону кафе. Через несколько минут он выскочил из дверей, держа в руке пистолет и крича:

– Убили! Кузю убили! Падлы, суки! Догнать, быстро!

Он стал стрелять в сторону уже уехавшего «Мерседеса».

Остальные ребята тотчас рванули в «стекляшку». Их взглядам предстала жуткая картина. За столиком неподвижно сидел их хозяин, уголовный авторитет по кличке Кузя. Над его грудью покачивалась фирменная инкрустированная ручка ножа. Лужа крови уже натекла на пол. Больше никого в кафе не было.

Утро следующего дня

Звонок мобильного телефона и верещание пейджера прозвучали в моей машине почти одновременно. Я резко вывернул руль и, нарушив правила дорожного движения, перестро-

ился из третьего ряда в крайний правый, притормозив и остановившись у бровки. Правой рукой дотянулся до трубки и приложил ее к уху.

– Алло, слушаю!

– Привет, коллега! – раздалось в трубке.

– Кто это?

– Да это же я, твой коллега! Павел Страхов!

– А, здорово, Паша!

– По срочному делу звоню. У тебя какие планы на сегодня?

– Планов всегда много.

– Выручай! Взяли моего основного клиента. Помнишь, я рассказывал тебе про него – банкир. Прокуратура Центрального округа дело ведет. Ты сейчас можешь туда подъехать?

Я помолчал.

– Прокуратура? А что такого натворил твой банкир? Убийство или изнасилование? – спросил я, зная, что прокуратура ведет только такие сложные дела.

– Первое, – сказал Павел. – Пожалуйста, приезжай! Дело срочное, сам понимаешь! Каждая минута дорога!

– Хорошо, – сказал я, разворачивая машину. – Буду у прокуратуры минут через двадцать.

Однако мне так и не удалось попасть туда, так как вскоре раздался еще один звонок. Коллега сообщил, что клиента перевели в прокуратуру города Люберцы, по месту совершения преступления.

– Погоди, – сказал я, – что-то непонятное. При чем тогда прокуратура Центрального округа?

– Дело в том, что вначале его «приняли» по месту жительства и доставили в центральную прокуратуру, где он и находился. Там я уже был. А недавно перевели в Люберецкую прокуратуру.

– Люберецкая так Люберецкая, – сказал я. – Подъеду минут через сорок.

Проехав немного, я вновь остановил машину у бровки и стал хлопать себя по карманам пиджака. Затем открыл портфель и стал просматривать содержимое. Сейчас самое главное – найти ордер, так как по всем канонам адвокатской работы для защиты клиента необходимо иметь официальный допуск по конкретному делу. Но такой документ должен выписываться юридической консультацией, по месту работы адвоката, в присутствии родственников клиента. Ордер является основным документом, допускающим адвоката к защите.

На самом же деле, когда возникает неотложная ситуация, дорога каждая минута. Если действовать по правилам, то нужно ехать в консультацию, выписывать ордер – это часа два, затем в течение еще одного часа вернуться в то место, где допрашивают клиента. А эти три часа бывают настолько дороги, что от них может зависеть вся жизнь, так как в это время человека допрашивают и без адвоката он может дать совсем не те показания. Точнее, в некоторых случаях его могут заставить дать невыгодные для него показания. Поэтому многие адвокаты, чтобы избежать таких проволочек, вернее, обойти устаревшие традиции, возят с собой незаполненные бланки ордеров. Конечно, в какой-то мере это нарушение, но зато не теряются драгоценные часы, а в некоторых случаях минуты. Этот ордер легко заполнить после, в присутствии родственников непосредственно там, где находится задержанный, перед самым допросом. В этом случае время работает на адвоката, а не на следователя.

Найдя пустой бланк ордера, я с облегчением вздохнул, завел машину и на большой скорости поехал в направлении Люберец. Теперь самое главное – успеть, не потерять драгоценное время, которое может быть использовано против твоего клиента. Вообще, в адвокатской практике существует еще одно устаревшее правило. Следователи считают, что адвокат должен оказывать клиенту свои правовые услуги только в рабочее время, например, с

девяти утра до семи вечера. Но бывают случаи, когда клиента – человека, подозреваемого в совершении преступления, – могут забрать и после семи вечера – в девять, в одиннадцать, а иногда и глубокой ночью. И тогда начинается самое страшное. Формально ты узнаешь, что твой клиент задержан и дает показания в окружении оперов или следователей, которые стараются либо просто запутать его, либо запугать, часто же подвергают и физическому воздействию. А тебя рядом нет, ты «не положен», потому что должен выполнять свои обязанности в рабочее время. А как же право человека на защиту, записанное в Конституции? Там ведь не оговаривается время этой защиты, не ограничивается рабочим временем.

Я многократно сталкивался с такими ситуациями. Временами мне удавалось убедить следователей, но иногда последствия были негативными. Я знал, что моих коллег часто выдергивали на допросы в Генеральную прокуратуру, в прокуратуру города на предмет того, как они оказались на квартире подозреваемого, да еще в ночное время, когда производились следственные действия, точнее – обыск у клиента. А все объясняется достаточно просто. Многие клиенты имеют постоянных адвокатов, так сказать, домашних, личных. И такому клиенту ничего не стоит позвонить своему адвокату и сказать: приезжайте скорее, выручайте, у нас идет обыск. И адвокат, не считаясь со временем, летит на полной скорости, чтобы помочь своему клиенту. А тут уже ждут его голубчики с противоборствующей стороны и начинают крутить, что он-де не имеет права приезжать ночью к клиенту, это, мол, выходит за рамки разрешенной защиты.

Все эти правила, конечно, давно устарели, и каждый адвокат добивается, чтобы все это было отменено.

«Наверное, это и будет отменено в ближайшее время», – думал я, направляясь в Люберцы.

Вскоре я уже катил по улицам этого подмосковного городка. Теперь предстояло найти прокуратуру. Так как прежде я никогда не был в Люберцах, то, естественно, и не знал, где она находится. Но найти ее было нетрудно. Тормознув машину рядом с гаишником, стоящим на обочине, я вышел и спросил у него, где находится прокуратура. Гаишник стал объяснять, потом взял листок бумаги и начал чертить план, как добраться туда.

Через несколько минут я уже был у здания прокуратуры. Оно находилось почти в центре города и представляло собой трехэтажное здание из красного кирпича, больше напоминающее среднюю школу, чем прокуратуру. На первых двух этажах располагалась сама прокуратура, на третьем находилась какая-то другая организация, никакого отношения к правоохранительной деятельности не имевшая. У входа в прокуратуру я заметил знакомый «БМВ» семьсот пятидесятой модели. Это была машина моего коллеги Павла Страхова. Подрулив к ней почти вплотную, я вышел из машины и закрыл дверцу. Из «БМВ» вышли адвокат и симпатичная молодая женщина.

– Привет, коллега! Рад тебя видеть! – Страхов, приблизившись ко мне, обнял меня и поцеловал.

– Я тоже рад видеть тебя, Паша. В чем проблема?

Страхов продолжил:

– Хочу тебе представить, это Жанна, – кивнул он на женщину и обратился к ней. – А это адвокат, – он назвал мою фамилию, – который будет вести защиту твоего мужа по уголовному делу.

Жанна вопросительно взглянула на Страхова. Тот, поняв ее недоумение, стал объяснять:

– Понимаешь, Жанночка, у нас у каждого своя специализация. Я, как ты знаешь, веду дела твоего супруга по бизнесу и банковской системе. Я – дока в коммерческих и гражданских правоотношениях. А это, можно сказать, наш Терразини, – сказал он с улыбкой.

– Ладно, Паша, хватит мне рекламу делать! – оборвал его я.

– Нет, на самом деле, это специалист, очень большой специалист по уголовным делам!

– Я же попросил тебя! – Резко прервав его, я достал бланк ордера и ручку, повернулся к Жанне: – Как фамилия вашего супруга?

Жанна, будто очнувшись, улыбнулась:

– Валентин Сушков.

– А ваша?

– Жанна Сушкова.

– Значит, так, Жанна, – пояснил я, – мы с вами заключили соглашение в моей консультации, которая находится по адресу… – я назвал адрес.

– Зачем это?

– Вдруг начнут пытать, откуда да что. У нас такой порядок.

– Хорошо, я так и сделаю, – кивнула головой Жанна.

– А теперь нам нужно идти выручать Сушкова, пока он не наговорил на себя и не взял на свою душу все преступление, – с невеселой улыбкой произнес Павел.

– Конечно, пойдем, – сказал я.

Через несколько минут мы шли по длинному коридору мимо многочисленных дверей, отыскивая на них табличку с фамилией следователя, ведущего дело. Наконец добрались до нужного кабинета. Павел постучал и дернул ручку. Дверь была закрыта.

– Странно. Наверное, уже допрашивают, – сказал я.

– Пойдем к начальнику, – предложил Павел. – Я его знаю. Нам нельзя терять время.

Они поднялись на второй этаж. Возле кабинета, на двери которого висела табличка «Зам. прокурора города», Паша остановился.

– Подождите меня секунду, я с ним лично переговорю.

– Ты его знаешь?

– Конечно. Сейчас все вопросы решим.

Через мгновение Паша скрылся за массивной дубовой дверью кабинета.

Я остался в коридоре и повернулся к окну. «Надо же, какие дела пошли! – думал я. – Банкиры уже подозреваются в убийствах!» Конечно, из собственной практики я знал, что не все те, кого подозревают, совершали убийства. Обычно всегда при ведении расследований по убийству выдергивают на допросы человек двадцать, а то и больше из тех, с кем в последние дни жертва разговаривала по телефону. Каждого начинают допрашивать, и каждый автоматически становится подозреваемым. Потом, естественно, круг сужается. Кого-то отметают сразу, у кого-то железное алиби, а кто-то иногда переходит и в разряд обвиняемых. Впрочем, все зависит от обстоятельств дела – от свидетелей, улик и так далее. Конечно, очень странно, что банкир – убийца. Что-то тут не то…

Через несколько минут в дверях показался Павел. За ним шел мужчина небольшого роста, лет сорока – сорока пяти, в очках в золотой оправе. Они о чем-то оживленно разговаривали. Видно было, что у Страхова и заместителя прокурора существуют неплохие отношения.

Павел, обернувшись к зампрокурора, представил своего коллегу:

– Это адвокат. Он будет вести нашего клиента по уголовным делам.

– А ты, Паша, что будешь делать? – спросил зампрокурора.

– Я по бизнесу. Ведь если человек находится под следствием, никто же его с должности за это не увольняет. А каждый день приходит много бумаг, которые нужно согласовывать с ним и подписывать.

– Конечно, Паша, это твое право, – улыбнулся зампрокурора. – Никто тебе этого не запрещает.

Павел повернулся ко мне:

– Оказывается, следователь уехал на следственные действия. А наш клиент в соседнем отделении милиции, там находится изолятор. Любезный Сергей Владимирович, – Павел кивнул на заместителя прокурора, – разрешил нам с тобой встретиться с клиентом. Сейчас получим в канцелярии разрешение на встречу и приступим к своим действиям.

– Скажите, Сергей Владимирович, – вступил я в разговор, – сейчас наш клиент не допрашивается? И как произошло его задержание?

– Как произошло задержание, он сам вам может рассказать. Все было очень быстро, – ответил зампрокурора. – А что касается допроса, то первоначально допросили его в момент задержания.

– А где оно произошло?

– У него на квартире. Не успел он приехать с места преступления, как к нему в дверь уже постучали.

– Понятно. И что, он признался или в отказе?

– Нет, в отказе.

«Слава богу, – подумал я, – значит, не выбили показаний! Уже есть возможность побороться!»

– Но это его не спасет, – продолжал зампрокурора. – У нас есть свидетели, к тому же сейчас проводится экспертиза, и я думаю, что ваш клиент будет полностью изобличен.

– Поживем – увидим, – сказал я на это.

Через несколько минут мы спустились на первый этаж, в канцелярию. Процедура оформления документов, разрешающих адвокатам встречу со своим клиентом, заняла не более десяти минут. Секретарь напечатала на бланке стандартный текст, прокурор тут же подписал его, поставил печати и, протянув руку Страхову, сказал:

– Ну что, вечерком как-нибудь заглянешь, переговорим, как и что. Удачи тебе!

– Вам большое спасибо, Сергей Владимирович! – поблагодарил Павел.

Выйдя из здания, я обратился к коллеге:

– Послушай, у тебя с ним такие приятельские отношения?

– Да какие там отношения! Наоборот, у нас вначале война была с ним по одному уголовному делу. Он на меня жалобы писал. Я на него, в свою очередь, – тоже.

– А потом?

– А потом, знаешь, как в жизни бывает – помог я ему по квартирным делам.

– По квартирным?

– Да. Какие-то проблемы у него с квартирой были. Точнее, с разводом, с разделом имущества.

– И что?

– После этого и установились у нас добрые отношения. Но все было в рамках закона! – добавил, улыбнувшись, Павел.

– Вне всякого сомнения, – улыбнулся и я.

– Ну что, разрешение получено, – сказал Павел, – теперь поехали в ИВС, к клиенту! Может, одну машину оставим здесь? Давай на твоей поедем!

– Давай, – кивнул головой я.

Увидев Жанну, Павел обратился к ней:

– Жанночка, все в порядке. Разрешение мы получили, сейчас едем к Вале. Может быть, ты пока в моей машине посидишь, погреешься? – И он протянул ей ключи.

– Нет, что вы! Я с вами поеду! – замотала головой Жанна. – Может, ему нужно будет что-то передать – сок, шоколадки, бутерброды.

– Это пожалуйста. Тогда, – Павел повернулся ко мне, – ты поедешь на своей машине, а я с Жанной – на своей. Езжай за нами! Я приблизительно знаю, где находится это заведение.

Отделение милиции действительно находилось недалеко от здания прокуратуры и представляло собой современное здание в три этажа, выкрашенное в белый цвет. На первом этаже находилась дежурная часть, всевозможные оперативные комнаты, камеры предварительного заключения ИВС, на втором этаже сидели оперативники, следователи, паспортный отдел и прочие милицейские службы. На третьем размещалось руководство отделения милиции.

Мы вошли в здание, и Павел протянул дежурному по отделению листок с разрешением. Он сказал:

– Нам нужно встретиться с Сушковым.

– С Сушковым? Он же за Филипповым, – сказал дежурный.

– Нам подписал разрешение Сергей Владимирович Осташкин, заместитель прокурора. Он же начальник Филиппова!

Майор милиции, дежурный по отделению, взял листок и стал внимательно его рассматривать.

– Хотите – можете позвонить ему, – предложил Павел.

– Мне это надо? – лениво спросил майор. – Зачем мне звонить?

Он снял телефонную трубку. Мы догадались, что это был прямой телефон для связи с начальником отделения милиции.

– Товарищ подполковник, тут адвокаты пришли к Сушкову. Ну да, к сегодняшнему задержанному. С разрешением, подписанным зампрокурора района. А дело ведет следователь Филиппов. Как мне быть?.. Слушаюсь! – И дежурный положил трубку.

– Ну что, все в порядке? – спросил Павел.

– Да, вы можете с ним встретиться. Тем более что сейчас следователь Филиппов должен подъехать, – сказал майор. – Только небольшая заминочка. У нас кабинетов лишних для встречи нет, поэтому идемте, сейчас я посмотрю. Если будет свободный кабинет, пожалуйста, а если нет – придется подождать.

Я знал, что это традиционная уловка милиционеров – чтобы не давать встретиться адвокатам с задержанным до приезда следователя, могут сказать, что кабинеты заняты. А ты поди это проверь! Никто же не будет предъявлять тебе все комнаты в отделении!

– Ничего, – сказал Страхов, – мы вместе с вами пойдем посмотрим. Вдруг, на наше счастье, окажется свободный кабинет!

Дежурный вышел из помещения, предварительно отдав какие-то распоряжения своему заместителю, и медленно пошел по длинному коридору. Мы догадались, что милиционер шел к ИВС. Подойдя к массивной железной двери, он нажал на звонок. Окошко в двери открылось. Старшина, увидев майора, открыл дверь. Майор сказал:

– Вот, Михалыч, адвокаты пришли к Сушкову. В какой он камере?

– В одиннадцатой, – ответил старшина.

– Как у тебя там с кабинетами? Свободны, заняты?

Старшина, не понимая намека майора, ответил:

– Да нет, товарищ майор, все свободны. Сегодня с утречка никто их не занимал.

Майор раздраженно махнул рукой и сказал:

– Ну что, повезло вам, адвокаты! Сейчас встретитесь со своим клиентом. Давай, – повернулся он к старшине, – веди их в кабинет и приводи Сушкова. Кстати, скоро следователь подъедет.

Старшина открыл вторую металлическую дверь.

– Проходите, – сказал он.

Мы молча прошли в помещение.

– Направо идите, в первую комнату, – сказал старшина, показав на железную дверь, выкрашенную в ярко-зеленый цвет.

Мы вошли в кабинет – небольшое помещение для встреч с задержанными. Внутри находился небольшой стол и две лавочки. Вся мебель накрепко прикреплена к полу металлическими скобами и совершенно неподвижна. В стене – небольшое окошко, закрытое металлической решеткой.

– Сейчас я его приведу, – сказал старшина и, выйдя, закрыл дверь с внешней стороны на засов.

– Ну вот, теперь и нас арестовали, – улыбнулся Страхов.

– Откуда ты его знаешь? – спросил я.

– Я давно его веду, года три-четыре. Очень хороший клиент. Приличный человек, не скряга, как некоторые бизнесмены. В общем, можно сказать, что мы уже стали друзьями. Дружим семьями. Его жена – замечательный человек!

– Кстати, где она? – спросил я.

– В магазин пошла, купить что-нибудь для передачи нашему Валентину.

– Странно все это! – сказал я.

– Погоди, сейчас Валентин все сам тебе объяснит.

Дверь открылась, и на пороге появился старшина. За ним шел парень высокого роста, коротко постриженный, лет тридцати – тридцати трех. Парень был одет в милицейскую форму, точнее, в серую милицейскую рубашку без погон и серые же милицейские брюки с красными лампасами.

Павел всплеснул руками:

– Валя, что с тобой?! Ты что, в милиции теперь служишь? – попытался пошутить он.

Но клиент даже не улыбнулся, молча вошел в кабинет, поздоровался за руку со мной и со Страховым, молча сел на лавочку.

– Нет, в милицию я не поступил, – сказал он.

– А почему же в такой одежде? – спросил Павел.

– Как почему? Взяли меня дома, заставили одеться в ту одежду, в которой я якобы был на месте преступления, а когда привезли в отделение, вновь заставили переодеться вот в эти ментовские обноски, – сказал он раздраженно, – а мою одежду, как я понимаю, увезли на экспертизу. Наверное, будут искать кровь, пальчики или другие улики?

– Наверное, – ответил Павел и, спохватившись, продолжил: – Позволь тебе представить твоего адвоката по уголовным делам.

– А ты что, не будешь меня отсюда вытаскивать?

– Валь, я же объяснял, что я твой адвокат по бизнесу, в уголовном деле не очень-то понимаю. А вот он, – Павел показал на меня рукой, – все хорошо знает. Думаю, он тебя вытащит. Как тут, нормально?

– Чего хорошего! – усмехнулся Валентин.

Настала моя очередь вступать в беседу.

– Они вас допросили?

– Да, сразу небольшой экспресс-допрос сделали, – ответил Валентин.

– Где?

– В квартире, во время проведения обыска.

– А при обыске что-нибудь нашли?

– А что они могли найти? Ничего. Фотографии только забрали, видеокассеты. Да ничего они не найдут, потому что я ничего не совершал! – сказал Сушков.

– Это понятно, – сказал я и хотел продолжить задавать вопросы. Но неожиданно в коридоре послышались шаги. Я умолк.

Вскоре дверь в кабинет открылась, и в дверях появились два молодых человека в гражданском. Один – лет двадцати пяти, небольшого роста, с темными волосами. Другой – более плотного телосложения, в кожаной куртке, постарше – лет тридцати двух.

– Мы вам не помешаем? – спросил тот, что постарше, входя в кабинет. Было нетрудно догадаться, что это или опера, или следователи.

– Как вы можете нам помешать? – ответил Сушков, обращаясь сразу к обоим.

– А это, как я понимаю, господа адвокаты приехали? – снисходительно произнес один из вошедших.

– А вы, как мы понимаем, следователи? – с иронией спросил Страхов.

– Так точно. Кирилл Филиппов, следователь, веду дело вашего подзащитного. А это оперативный работник, – улыбнулся Кирилл.

По веселому настроению пришедших нетрудно было догадаться, что они что-то раскопали, достигли какого-то успеха, как им кажется.

– Можно ознакомиться с вашими документами? – спросил следователь.

– Конечно, – сказал Страхов, протягивая свое удостоверение.

Я последовал его примеру.

Следователь достал листок бумаги и ручку и тут же записал наши данные.

– А телефоны? – поинтересовался он.

– Пожалуйста, – ответил Страхов, – записывайте. Рабочий и мобильный.

Я также продиктовал номера своих телефонов.

– Очень хорошо. И еще один вопрос, – продолжил следователь. – Как на вас вышли и кто это был?

– Как кто? – ответил Страхов. – Во-первых, я являюсь постоянным консультантом, адвокатом Валентина Сушкова по бизнесу. А это мой коллега, которого я привлек для защиты по уголовному делу.

– Значит, вы будете основным адвокатом? – спросил следователь, пристально глядя на меня. Я пожал плечами:

– Может быть.

– Как я понимаю, вы уже немного поговорили со своим подзащитным?

– Не совсем…

– Нам требуется время, – неожиданно сообщил следователь. – Особо сложного допроса сейчас не будет, поэтому я предлагаю начать. Не возражаете?

– Не возражаем, – почти одновременно ответили мы.

– Тогда приступим. Итак, должен вам напомнить… – И следователь начал произносить традиционные фразы, необходимые при заполнении протокола допроса.

Валентин Сушков нехотя давал ответы: фамилия, год рождения, место рождения и так далее.

Наконец наступило время самых главных вопросов.

– Итак, каковы были ваши взаимоотношения с потерпевшим, Михаилом Кузьминым? – спросил следователь Филиппов.

– Нормальные отношения.

– Какие – дружеские или враждебные?

– Сказал же, нормальные, – повторил Сушков. – Не дружеские, не враждебные.

– Хорошо. Тогда поставим вопрос по-другому. С какой целью вы прибыли в кафе «Ласточка», где впоследствии был убит потерпевший?

– С целью переговоров.

– А кто предложил приехать в «Ласточку» – вы или Кузьмин?

– Мы днем созвонились, Кузьмин предложил встретиться. Ему было удобно разговаривать в «Ласточке».

– Почему именно там, а не где-нибудь в другом месте?

– Я не знаю, у него спрашивайте.

– Перестаньте паясничать, – раздраженно сказал следователь, – вы прекрасно знаете, что его уже нельзя ни о чем спросить, поскольку он убит вами!

– Я его не убивал.

– К этому мы еще подойдем, – спокойно парировал следователь. – Итак, вы не можете сказать, почему вы приехали именно в «Ласточку»?

– У него там какие-то дела были.

– Ясно, какие там дела, – следователь улыбнулся и взглянул на оперативника. – Долю он там снимал. Он же «крышу» этой «Ласточке» делал.

Оперативник кивнул в подтверждение сказанному.

– Значит, он туда приехал долю снимать. А цель вашего разговора какая была?

– Ничего интересного, личные отношения.

– Позвольте! – повысил голос следователь. – Какие могут быть личные отношения? Вы должны назвать следствию тему вашего разговора.

– Минуточку, – вмешался я в разговор. – На мой взгляд, следствие оказывает давление на подзащитного. Он имеет право не свидетельствовать против себя, – я сослался на статью 51 Конституции, – и вы оказываете на него прямое давление.

Следователь замолчал. Через несколько секунд он продолжил:

– Хорошо. О вашем разговоре в кафе. Когда было двадцать три часа тридцать минут, вы начали беседовать. Так?

– Не помню, – сказал Сушков.

Я подумал про себя: «Правильно говорит, грамотный парень!»

– В кафе еще кто-нибудь находился?

– Ну, была там какая-то буфетчица, потом еще то ли повар, то ли официант, я его не разглядел. Потом он ушел. Буфетчица торопилась домой.

– Позвольте поинтересоваться, где была ваша охрана и охрана авторитета Кузи?

– Моя охрана и охрана Миши Кузьмина стояла на улице, у машин дежурила.

– Следовательно, они не были в кафе?

– Нет, не были.

– Могли они что-то видеть?

– Извините, – снова вмешался я, – по-моему, эти вопросы нужно задавать охране.

– Спросим, обязательно спросим, – кивнул Филиппов. – Просто меня интересует мнение Сушкова.

Но Сушков понимал, что никаких мнений ему высказывать не надо.

– Я не знаю, – ответил он.

– Хорошо. Итак, с ваших слов получается, что в кафе никого не было. Расскажите, пожалуйста, как произошло убийство.

Я замер. Неужели Сушков станет сейчас что-то рассказывать?! Но тот, взглянув на меня и будто поняв, о чем я думаю, тут же сказал:

– Я не знаю, как произошло убийство.

Я с облегчением вздохнул. Грамотно отвечает и очень хорошо держится!

– Как же вы не знаете, если в кафе вы были только вдвоем?

– Да так. Когда буфетчица ушла, Кузя попросил ее выключить магнитофон с телевизором, там какая-то музыка была. Я пошел сам выключать, а потом направился в туалет.

– Затем пошел в туалет, – повторил слова Сушкова следователь, занося их в протокол. – А дальше что было?

– А дальше я вернулся. Смотрю – Миша сидит за столом, а из груди его торчит рукоятка ножа.

– И что? Кто же убийца?

– Я этого не знаю. Я никого не видел.

– Как же вы вошли и не видели убийцу? Вы же говорите, что там никого, кроме вас, не было?

– Я не убивал, я уже сказал! – повторил Сушков.

– Хорошо, это ваше право, – махнул рукой следователь. – Только имейте в виду, что мы докажем совершенно обратное.

– А это ваше право, – ответил Сушков.

– Хорошо. Вернемся немного назад, – Филиппов отодвинул листок протокола. – В каком году вы познакомились с погибшим?

– Я точно не помню. Но мы знакомы с самого детства.

– Примерно с какого возраста?

– Где-то в восемь или в девять лет познакомились.

– То есть в двенадцать лет вы уже были с ним знакомы?

– Да, были.

– Хорошо, – следователь загадочно посмотрел на оперативника. – Из этого следуя, мы можем предположить, что вы вместе были в составе молодежной банды, которая именовалась люберами, насколько нам известно.

– Что-то я не понимаю, о чем вы, – сказал Сушков.

– Простите, – вмешался я, – а какое отношение имеют эти вопросы к предмету обвинения?

– Следствие сейчас старается выяснить, действовал ли предполагаемый убийца в одиночку или существовал сговор, – стал объяснять следователь.

– А какое отношение к этому имеет столь далекое время?

– Да нет, просто нам кое-что удалось выяснить, – сказал Кирилл. – Я понимаю, что это не для протокола, но мы и не собираемся включать это в протокол. Просто так, для себя. Но, наверное, суду будет интересно, что нынешний банкир Валентин Сушков в недалеком прошлом был одним из активистов движения люберов. Это относится примерно к семидесятым годам. А позже, в конце восьмидесятых, он, уже в составе бандитской группировки под предводительством Михаила Кузьмина, получившего в колонии кличку Кузя, занимался рэкетом и бандитствовал. Что вы можете сказать по этому поводу? – следователь внимательно посмотрел на Сушкова.

– Ничего я сказать не могу, – ответил тот равнодушно. – По-моему, адвокат говорил, что, по статье Конституции, я имею право не давать никаких порочащих меня показаний. Это так?

– Да, все правильно, – ответил следователь.

– Поэтому я ничего не смогу вам сказать.

– Хорошо, это ваше право, – сухо бросил следователь. – Поскольку разговор у нас как-то буксует и есть еще время до окончательных результатов экспертизы, мы сейчас зачитаем вам ваши права и предварительное обвинение с назначением меры пресечения.

Следователь взял листок бумаги и прочитал короткий текст, из которого было ясно, что с настоящего момента мой подзащитный становится одним из главных подозреваемых в совершении убийства с соответствующей статьей Уголовного кодекса и в качестве меры пресечения избирается заключение его под стражу. Но самое интересное было то, что постановление подписал не кто иной, как заместитель прокурора города Сергей Владимирович, с которым час назад мы так мило беседовали в прокуратуре.

«Вот оно, – думал я, – Пашино знакомство!»

– Так что сейчас вас доставят в следственный изолятор – скорее всего это будет Бутырка или Матросская Тишина, – сказал следователь. – Там посидите, подумаете, а потом мы снова вернемся к вашему допросу.

Я запротестовал:

– Я категорически против, я возражаю, чтобы моего подзащитного в таком виде, – я намекал на милицейскую одежду, которая была на Валентине, – отправляли в тюрьму. Тем более в камеру. Вы представляете, что там может случиться?

– А что? Пусть объяснит заключенным, что никакого отношения к милиции не имеет.

– А вы что, думаете, ему поверят? Я категорически против этого и буду жаловаться! Если надо, дойду до городского прокурора или до Генерального! Вы провоцируете моего клиента!

– Хорошо, – сказал следователь. – Как я понимаю, его жена у отделения милиции ждет?

– Да, – ответил Павел.

– Даю ей время, пусть съездит в магазин, купит ему одежду для камеры – спортивный костюм, обувь – или из дома привезет. Полтора часа ей хватит?

– Я думаю, хватит, – кивнул головой Страхов.

– Вот и прекрасно. Купите ему костюм, кроссовки, все, что необходимо, – полотенце, туалетные принадлежности. А я пока пойду документы оформлять.

– А можно мне в это время переговорить с моим клиентом? – спросил я.

– Конечно, только я тоже хотел бы сказать вам несколько слов, – ответил следователь. – Мы можем выйти в коридор?

– Пожалуйста, – сказал я.

Мы вышли в коридор отделения милиции. Там следователь взял меня под локоть и, отведя в сторону, спросил:

– Как вы в это дело попали?

– Да обыкновенно. Пригласили – я и пошел.

– Я имею в виду – вы понимаете, куда попали?

– А что тут понимать – обычное дело, подозрение в убийстве. Мой подзащитный никого не убивал, будем это доказывать. Вернее, вы будете доказывать, что он это сделал, а мы – противоположное.

– Да это понятно. Но вы хоть знаете, кого он завалил? – спросил следователь, понизив голос.

– Нет. По-моему, убит какой-то Кузьмин…

– Миша Кузьмин – авторитетнейший человек в люберецкой группировке, кличка у него Кузя. Собственно, я не об этом. Тут мальчики его, то есть братва, очень интересуются, кто адвокат у Сушкова. Так что если у вас есть возможность как-то отойти от этого дела, то я советую вам сделать это. У нас ребята очень горячие, боевые, не ровен час – что-нибудь случится. Кузю они ему не простят, мне уже говорили об этом.

– Вам говорили? – удивился я. – Каким же это образом?

– Да так, случайно, – улыбнулся следователь. – У отделения милиции встретил, они туда на джипах подъехали. Может быть, и сейчас вы их там увидите. Охрану вам дать?

– Нет, не нужно, – спокойно ответил я. – Вы мне еще что-то хотели сказать?

– Собственно, это все.

– Спасибо, я приму к сведению. А сейчас пойду переговорю со своим подзащитным. Можно это сделать?

– Конечно, вы имеете на это право, – сказал следователь и добавил: – А что вы заканчивали?

– Московский университет. А вы, как я понимаю, еще учитесь?

– Да, на заочном, на четвертом курсе.

Об этом можно было догадаться без труда. Прокуратуры, в которых не хватает кадров, охотно берут следователями студентов, занимающихся на последних курсах юридических вузов. А какие из них следователи? Они еще даже не все законы знают. Впрочем, для меня это было даже плюсом.

Через несколько минут я вернулся в кабинет. Там Валентин уже прощался с моим коллегой.

– Самое главное, Паша, – говорил ему Валентин, – скорее лети в банк. Документы в моем сейфе, если они еще обыск не сделали, изыми.

– Что, все?

– Да. Любую бумажку, которая им попадется, они могут перекрутить так, как им будет нужно. Конечно, эти документы никакого отношения к делам не имеют, – Валентин взглянул на меня, – но чем меньше бумаг, тем лучше. Все, Паша, – он похлопал Страхова по плечу, – меньше слов – больше дела. Беги! А я с твоим коллегой буду работать.

Паша вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

– Ну что, – сказал Валентин, – давайте познакомимся поближе.

Я сел на скамью.

– Так что же все-таки они сделали с вашим костюмом? – спросил я.

– Взяли костюм. Но вы не волнуйтесь, никаких пятен крови, никаких пальчиков на ноже нет, так что все эти экспертизы, о которых говорил следователь, мне по барабану.

– А что же у них может быть против вас?

– Против меня могут быть только определенные обстоятельства. Они заключаются в том, что в этом злополучном кафе действительно больше никого не было. Но я его не убивал.

– Да я верю вам!

– Нет, создается такое впечатление, будто никого не было, но кто-то убил Мишу. Я отказываюсь от этого. Значит, я не убивал. Но, поверьте, даже если бы я и убил его, так постарался бы как-то исчезнуть, чтоб меня не нашли!

– Логично, – кивнул я.

– Я его и не убивал. К тому же у меня есть серьезные доказательства. Но, к сожалению, пока я не могу ничего предпринять.

– Пока вы не можете предъявить своих доказательств, – улыбнулся я, – вам придется посидеть на нарах.

– Ничего, посижу. В какой-то мере мне это не противопоказано. Хотел бы поинтересоваться, что вам следователь наговорил.

– Да, – я махнул рукой, – пытался запугивать, что люди Кузи могут со мной разобраться.

– В принципе он не запугивал вас, это действительно так, – сказал Валентин. – Ну ничего, мы с вами разработаем определенные меры предосторожности.

«Ничего себе, – подумал я, – еще и меры предосторожности!»

– Каким же образом? Вы будете охранять меня, а я вас?

– Не совсем так. Самое главное – вы ни с кем никаких дел не имейте, кроме моей жены Жанны. Вы ее видели. Кстати, как она?

– Да ничего, нормально.

– Переживает, наверное?

– Не без этого.

– Больше не общайтесь ни с кем, кто бы на вас ни выходил – друзья, партнеры. Все только после согласования со мной. Никакой информацией ни с кем не делитесь.

– Это ясно.

– Теперь самое главное. У вас сейчас много клиентов по уголовным делам?

– Есть кое-какие.

– Я хочу сделать вам предложение. Может быть, оно будет более выгодным для вас. Сколько вы имеете с одного клиента?

Я пожал плечами.

– Какое это имеет значение?

– Я хочу вам предложить оплату как бы за всех ваших клиентов.

– Не понял.

– Я один буду платить вам гораздо больше денег, чем вы заработали бы со всеми клиентами, но при том условии, что вы их вести не будете, а полностью сосредоточитесь только на моем деле.

– А как же они?

– Вы поручите их другим адвокатам, вашим друзьям. Соответственно, приплатите из моих денег.

– Это в принципе вопрос решаемый. А что, слишком сложное дело?

– А вы считаете, что подозрение в убийстве – дело несерьезное?

– Нет, я этого не говорил.

Сушков взял блокнот, который я держал в руках, ручку и быстро написал несколько цифр с буквой S, перечеркнутой два раза, и показал мне. Нетрудно было догадаться, что это была сумма в долларах, и довольно немалая.

– Это ежемесячно. Хватит? – спросил Сушков. – Если вы будете заниматься только мной.

– Хватит, даже слишком много.

– Ладно, не будем мелочиться! Потребуются еще кое-какие ущемления ваших прав и дел, – улыбнулся Валентин. Он взял листок, разорвал его на мелкие клочки, потом достал зажигалку и поджег их.

– Какие ущемления? – с иронией поинтересовался я.

– Дело, возможно, на самом деле громкое и опасное. Поэтому они без проблем могут вычислить ваш адрес. Может быть, вам, в счет вашего гонорара, снять номер в гостинице или, еще лучше, в пансионате? Кстати, моя супруга тоже собирается жить в пансионате. Вы не возражаете?

– Даже не знаю, – пожал я плечами.

– Все может быть слишком опасно. Мальчики очень горячие. Многих я знаю.

– Откуда?

– У меня были кое-какие грешки по молодости, опер про них говорил.

– Вы хотите сказать, что вы были любером?

– А вы были пионером? – с иронией спросил Валентин. – Да, я был любером.

Я посмотрел на часы.

– Вы куда-то торопитесь? – понял Валентин.

– Нет, не тороплюсь. Хочу дождаться, чтобы ваша жена привезла вам спортивный костюм и вы переоделись. Не идти же вам в таком виде в камеру!

– Да, это уж точно, – улыбнулся Валентин.

– А если я сейчас уеду, то наверняка менты повезут вас в чем есть в Бутырку или в Матроску. А там вам долго придется доказывать братве происхождение этого милицейского обмундирования.

– Выходит, все равно нам придется ждать, пока Жанна привезет мне одежду, – сказал Валентин.

Я молча кивнул головой. Конечно, мне было очень интересно услышать из уст очевидца о легендарном и загадочном движении люберов. С другой стороны, меня не покидало удивление – как же так, человек – банкир, подозревается в таком серьезном преступлении, а тут на тебе – какие-то байки про люберов собирается мне рассказывать вместо того, чтобы готовиться к своей защите! А может, это какой-то ход? Может, он хочет отвлечься? А может, просто не хочет ничего говорить по делу, зная, что и стены, и потолки в этом отделении могут иметь уши?

Неожиданно дверь в кабинет открылась, и в нее заглянул все тот же старшина Михалыч, державший в руках два пакета с надписью «Калинка-Стокманн». Он протянул их Валентину.

– Держи, тебе жена прислала – переодеться и пожрать кой-чего, – сказал он, улыбаясь.

Валентин взял пакеты.

– Слышь, – продолжил Михалыч, – там у тебя ребята сигарет стрельнули. Один блок. Ты не в обиде?

– Не в обиде, – ответил Сушков.

– Вот и хорошо. Давай готовься, сейчас за тобой придут… в тюрьму повезем.

– Куда его повезут? – поинтересовался я.

– На Бутырку. Так что завтра с утречка можете его уже проведать там.

– Отлично, – сказал я.

Михалыч вышел в коридор. Валентин достал из пакета спортивный костюм и начал быстро переодеваться. Потом сел и спросил у меня:

– Вы не возражаете, если я тут поем? Не хотелось бы в камере. Там такие ханыги сидят, в этом отделении!

– Да ради бога!

Валентин стал поспешно жевать бутерброды.

– Как вы думаете, – неожиданно спросил он, – в Бутырке питание ужасное?

– Не знаю, – улыбнулся я, – не пробовал. Но думаю, что не как в ресторане.

– Да, – улыбнулся в ответ Валентин. – Может быть, как-то удастся передачу сделать, или вы мне что-нибудь будете приносить?

– Нет, сейчас шмонают. Это раньше была такая возможность. А насчет передачи я попробую, подскажу твоей жене, как все организовать.

Минут через двадцать, закончив с едой и переодеванием, Валентин попрощался со мной. Мы договорились, что на следующий день я приеду к нему в Бутырку. Через несколько минут я покинул изолятор временного содержания.

Вышел на улицу и направился к своему джипу. Тут я заметил, что он со всех сторон был плотно зажат какими-то машинами. Я обернулся и заметил, что на крыльце отделения стоит какой-то сержант милиции, а рядом с ним – три парня в кожаных куртках, коротко стриженные. Сержант кивнул в мою сторону и тут же скрылся за дверью отделения милиции.

Трое парней медленно направились ко мне.

– Так, значит, это ты адвокат того хмыря? – сказал один из них. – Поехали, побазарим. Тема есть.

– А это обязательно? – спросил я.

– Очень желательно, – грозно ответил парень, всем своим видом показывая, что сопротивляться и возражать что-то совершенно бесполезно.

Я сел в свой джип. Рядом со мной расположился один из бритоголовых.

– Куда ехать? – спросил я.

– Давай за машиной, – и парень показал рукой на черный «Мерседес», который тронулся от крыльца отделения милиции.

Я поехал за ним. Позади нас пристроился еще один джип, «Чероки», с тонированными стеклами, за ним – «БМВ» цвета серый металлик. Мы направлялись в сторону области.

Неприятное чувство тревоги охватило меня. Мне стало не по себе.

«Шестисотый» «Мерседес», ехавший впереди, набирал скорость. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений в том, что мы направлялись за город, возможно, в лес. Как же так – еще в недалеком прошлом действовали святые законы уголовного мира: ни на врачей, ни на адвокатов не наезжать. А теперь все перепуталось, произошла смена ориентации, пришло новое поколение братвы, которое не считалось ни с чем. Главное для них был результат.

И неважно, кто ты, что ты, главное – получить от тебя определенную информацию. Конечно, определенные мысли у меня были, а с ними – и определенные надежды. Разумеется, никто на убийство адвоката не пойдет. Да и смысла в этом никакого. Какая цель – запугать? В принципе запугать можно. Вот, мол, мы завалили твоего адвоката, следующий на очереди – ты. «Нет, – отгонял я от себя невеселые мысли, – вряд ли они пойдут на такое. Скорее всего им нужна какая-то информация. Но ведь я никакой информацией не обладаю! Или, может, они хотят дать мне какое-то поручение? Или хотят, чтобы я его сам нейтрализовал? Но каким способом? Подсунуть отраву ему в пищу? Ладно, так в конце концов можно дойти до помешательства…»

Воспользовавшись остановкой на светофоре, я бросил взгляд на своего спутника. Это был парень лет тридцати – тридцати двух, крепкого телосложения, в кожаной куртке. Он безмятежно смотрел вдаль, только челюсти шевелились, перемалывая жевательную резинку. В правой руке у него я увидел небольшую рацию фирмы «Стандард», которые в последнее время так полюбила братва.

Неожиданно рация зашипела. Парень поднес ее к уху.

– Егор, тормозни машину, – услышал я голос и обратил внимание, что «шестисотый» «Мерседес», шедший впереди, замигал правым поворотником и подъехал к обочине дороги. «Странно, – подумал я, – мы еще из города не выехали, машин много, место не уединенное, а уже решили остановиться».

Егор подал мне знак остановить машину. Я включил поворотник, и мой джип притерся к тротуару. На всякий случай я включил аварийные огни и стал ждать. К моей машине подбежал какой-то парень из «БМВ» и обратился к моему спутнику:

– Егор, планы поменялись. Давай обратно. Там этого лоха перевозят в тюрьму. Надо постараться успеть. – И, повернувшись ко мне, сказал: – Не обижайся, адвокат. В принципе мы не хотели ничего плохого. Так, кое о чем расспросить. Но, видно, не судьба. Но ничего, мы потом тебя найдем. Дай нам свой мобильный телефон.

Я лихорадочно соображал – дать ли им фальшивый номер или все же настоящий. Нет, я знал, игры с братвой вести опасно. За каждый промах нужно отвечать. И обманывать их нет смысла.

– Записывай, – сказал я и продиктовал номер телефона.

– Извини, он у тебя с собой? – спросил парень.

– Да, с собой.

– Дай посмотреть.

Я вытащил телефон. Парень взял мой мобильный телефон, вытащил из кармана свой и, набрав номер, продиктованный мною, посмотрел на меня. Мой телефон зазвонил.

– Правильно, адвокат, не обманул, – сказал парень, хитро прищурившись и возвращая мой телефон. – А скажи мне, – он сделал небольшую паузу, – у тебя ксива какая-нибудь есть?

– Документы, что ли? – переспросил я.

– Да, документы.

– Есть, конечно.

– Дай посмотреть.

Я протянул ему свое адвокатское удостоверение. Он быстро достал из кармана какой-то обрывок бумаги, из другого кармана – фломастер и записал мои данные.

– Ладно, мы тебя найдем. Сейчас просто не до тебя. – И, повернувшись к Егору: – Давай, Егорка, выскакивай!

Егор нехотя вылез из джипа. Тем временем «Мерседес» развернулся и поехал в обратную сторону. Следом за ним – джип «Чероки». И только серебристая «БМВ» стояла рядом со мной с мигающими аварийными огнями. Егор и крепыш, который разговаривал со мной, быстро сели в «БМВ». Машина рванулась и полетела за остальными. Было ясно, что они

поехали попытаться поговорить с Валентином. Я думал, что им это удастся. В конце концов, городок маленький, отделение небольшое. Скорее всего тут у них все схвачено.

Но облегчения я не почувствовал. Конечно, опасность миновала. Вряд ли они вернутся. Но, с другой стороны, теперь возникла опасность для моего клиента. Что они могут с ним сделать? Может быть, мне тоже вернуться? Но чем я смогу ему помочь?

Глава 2
Любера

Люберцы, 1978 год

В Люберцы Валентин Сушков переехал в тринадцатилетнем возрасте. До этого он с родителями жил в подмосковном Зеленограде. Это молодой город-спутник, который был выстроен в шестидесятые годы и, по замыслу создателей, должен был стать одним из районов Москвы. На самом деле, хотя Зеленоград и отличался от других подмосковных городов и был ближе к Москве, все же отличие от Москвы было. Прежде всего – отдаленность.

Тем не менее в Зеленограде было много различных предприятий. Одним из основных было объединение «Электрон». Это было производство закрытого типа, где выпускалась электронная продукция, включая микросхемы, многие из которых шли на военные цели. На «Электроне» работали родители Валентина. Отец – инженером в одном из цехов, мать – врачом в медсанчасти при предприятии.

Однако в 1978 году в семье произошел разлад. Никаких предпосылок к этому вроде бы не было. Семья была дружная – ходили в гости, имели много друзей. В основном друзья у родителей были по работе. Все случилось как гром среди ясного неба. Отец встретил другую женщину и ушел к ней, причем ушел он тихо, без скандалов. Просто не вернулся в один из вечеров с работы, не пришел и на следующий день. А на третий позвонил жене и сказал: так и так, прости, встретил другую…

Мать Вали очень сильно переживала случившееся. Ей было тяжело, а главное – очень обидно, что муж ушел не к кому иному, как к ее подруге – коллеге, которая работала на том же «Электроне». Мать долго переживала, даже заболела и какое-то время не выходила на работу. Она не могла смотреть людям в глаза от стыда. Потом спросила у Вали:

– Сын, что нам делать? Надо продолжать жить. Но жить тут я не хочу и не могу. Все вокруг напоминает о предательстве!

Идея перебраться в Люберцы принадлежала бабушке Вали по матери. Она жила там в небольшой двухкомнатной квартире. Когда все это произошло, в один из воскресных дней Валентин с матерью поехали навестить бабушку. Она тогда и предложила: что вам, мол, жить отдельно в служебной квартире, тем более случилась такая ситуация.

– Давайте-ка перебирайтесь сюда, пропишетесь, сколько я еще проживу! – говорила бабушка. – А то и квартира может пропасть!

Все получилось достаточно быстро. В течение двух недель они собрались, пригласили знакомого водителя, который погрузил нехитрые пожитки в кузов грузовика и перевез их в Люберцы.

Немного обустроившись, мать определила Валю в новую школу.

Казалось бы, жизнь текла своим чередом. Но Люберцы очень отличались от Зеленограда. Это был совершенно другой, странный город. И Валя сразу ощутил это на себе.

Дом их был обыкновенный – типовая хрущевская пятиэтажка. Таких домов в их дворе было четыре, с большим количеством подъездов – около двенадцати в каждом. Они образовывали квадрат и почти соприкасались друг с другом боковыми стенами. Внутри квадрата был большой двор со спортивными площадками, скверником и лавочками да столиками для домино.

За домами стояли совсем другие дома – деревянные бараки, какие-то сараи. В этом месте Люберец как бы соприкоснулись две эпохи – эпоха нового времени, шестидесятых

годов, наскоро построенные блочные дома, и старые, деревянные, частные дома, где до сих пор люди продолжали жить, не имея никаких удобств.

Определили Валю в среднюю школу, в восьмой класс. До школы ему было близко, не более восьмисот метров. Проходил он через свой двор и через соседний. Валентин пока еще ни с кем не знакомился. Единственное – часто сталкивался на лестничной площадке с пареньком своего возраста, который поглядывал на него, но не здоровался и в разговор не вступал.

В школу Валентин проходил чуть больше недели. Потом начались зимние каникулы. Он целыми днями сидел дома, смотрел телевизор и частенько поглядывал в окно, наблюдая за жизнью двора. В основном там играли маленькие дети, хотя там была спортивная площадка, и Валентину хорошо было видно, как временами залитая льдом площадка превращалась в арену ледового побоища. На этой площадке время от времени встречались самодеятельные хоккейные команды. Иногда Валентин обращал внимание, что между ними затевались драки, и почти каждый матч заканчивался серьезной потасовкой.

Валентин наблюдал за этим с любопытством.

Мать Валентина устроилась работать в районную поликлинику, которая тоже находилась недалеко. Тогда от матери Валентин и узнал о существовании молодежных банд и о драках между ними. Дело в том, что в поликлинику практически каждый день стали обращаться дети с родителями по поводу различных ушибов, переломов и прочих травм, полученных в драках. Тогда все слышали и читали в газетах о существовании молодежных банд в Казани, в Набережных Челнах, о войнах между ними. Все это было, казалось, очень далеко.

Но вдруг возник новый феномен – любера, молодежное формирование замкнутого типа, сформированное по принципу дворовых банд, иногда объединяющих несколько дворов. Каждое такое формирование имело свою четкую иерархию – вожаков, бригадиров и боевиков. Каждую группировку выделяло свое название и соответствующая униформа. Вначале это были просто значки.

Моментально, буквально за несколько часов, в Люберцах пропадали из киосков ничем не примечательные значки Речфлота – флажок с изображением какого-нибудь кораблика. Тут же мальчишки ряда дворов надевали этот значок, показывая свою принадлежность к той или иной группировке.

Затем появилась и униформа – клетчатые брюки и темный верх, показывающая, что ты – любер. Движение люберов охватило город. Практически все дворы и микрорайоны были поделены между молодежными группировками. Каждая группировка имела свое название.

Все это стало известно Валентину. Сначала информацию он получал от матери, которая являлась для него «проводником к свободе». Каждый вечер, приходя с работы, она рассказывала ему то один ужасный случай, о котором ей стало известно по ее работе, то другой. Ведь жертвы всех этих разборок и драк между пацанами обычно доставлялись в поликлинику или в травмпункт, который тоже находился в здании этой же поликлиники.

И травмпункт, и поликлинику обслуживали одни и те же врачи. Мать поэтому была в курсе всех дел.

Ужасные драки вселяли в нее страх. Она категорически запретила Валентину выходить на улицу одному, и только вечером они иногда вдвоем ходили гулять по улицам. Время от времени навстречу им попадались группы подростков. Валентин ловил на себе чужие, враждебные взгляды. Понимал, что для них он был чужак, пока еще не свой.

Но постоянно сидеть дома было невозможно. Да и мать психологически еще не была готова к тому, что он выйдет во двор и с ним что-то может случиться. Бабушка чувствовала себя плохо, редко выходила из своей комнаты. Иногда Валентин приносил ей воды или чем-

либо ее кормил. Валентину находиться в квартире стало невыносимо. Но, с другой стороны, он пока еще испытывал страх перед выходом на улицу.

«Ну не буду же я сидеть дома всю жизнь», – думал Валентин. В один из дней бабушка днем уснула. Народу на улице было достаточно немного, кто-то уже играл на площадке в хоккей, Валентин заметил, что ребята, которые начали играть в хоккей, были значительно моложе его. «Была не была!» – подумал он, достал клюшку, привезенную из Зеленограда, и спустился вниз.

Выйдя на улицу, он обратил внимание, что никто к нему не подходит и не пристает. Дойдя до площадки, где вовсю шла игра, Валентин осторожно вытащил из кармана свою шайбу и стал как бы тренироваться, подбрасывая ее. Но никто играть ему не предлагал – все были увлечены своей игрой.

Вдруг один парнишка, на пару лет моложе Валентина, подбежал к нему и сказал:

– Эй, пацан, будешь играть за нашу команду?

Валентин пожал плечами:

– Давай сыграю.

Они начали играть. Валентин старался, и он забил уже несколько голов. Затем произошло то, что и должно было случиться. Валентин заметил, как вдалеке у арки, соединяющей улицу с их двором, замаячила толпа мальчишек – человек двадцать, а может, и больше. Они медленно вошли во двор, оглядывая его обитателей. Валентин испугался. Кто это – свои или чужие? Если чужие, то по всем правилам они должны подвергнуть избиению всех мальчишек, живущих в этом дворе. Так, по крайней мере, рассказывала мать. Если же это свои, то, наоборот, тронуть их не должны.

Валентин продолжал играть в хоккей. Напарники же его чувствовали себя достаточно свободно. Значит, скорее всего это не чужие, подумал Валентин, иначе все давно бы разбежались. Мальчишки медленно подошли к спортивной площадке и стали наблюдать за игрой. Теперь Валентин видел, что эти мальчишки смотрели только на него. Конечно, он был для них чужаком.

Наконец игра закончилась, и мальчишки постепенно стали расходиться. Кое-кто подошел к группе, они стали оживленно о чем-то беседовать.

– Эй, пацан, – неожиданно услышал Валентин окрик, явно обращенный к нему, – а ну поди сюда!

Валентин обернулся. Группа ребят смотрела на него. Среди них выделялся крепкий паренек с рыжими волосами.

– Да, ты, ты, – кричал он, – иди сюда! – И помахал рукой.

Валентин медленно двинулся по направлению к ребятам.

Когда он подошел ближе, то увидел, что перед ним стоят пять рослых ребят. Кое у кого он заметил в руках цепочки. Кто-то держал какие-то веревки с подшипниками. Вероятно, это были орудия драки. «Что, меня сейчас бить будут?» – подумал Валентин.

– Ты чей? – спросил его рыжий. – Как тебя зовут?

– Валя.

Рыжий засмеялся:

– Имя-то девчачье! Может, ты девчонка?

Валентин пристально смотрел на рыжего.

– Имя не сам выбираешь, какое дали – с таким и ходишь, – ответил он.

– Так откуда будешь-то? Где живешь?

Валентин сделал паузу.

– Чего молчишь? Может, ты шпион? Может, лазутчик? От зеленых пришел?

– Да я здесь живу! – Валентин махнул рукой в направлении дома. – Вон там!

– В какой квартире?

– В шестнадцатой.

– Чего-то мы тебя тут раньше не видели, – подозрительно сказал рыжий.

– Да я недавно переехал.

– А может, ты все же шпион? – сказал другой парень, стоящий рядом с рыжим. – Давай мы тебя проверим! – И он вплотную подошел к Валентину. – Дай клюшку!

Валентин протянул ему клюшку. Парень взял ее в руки и, неожиданно разломав ее ударом о колено, отбросил обломки в сторону. После этого он улыбнулся, глядя на Валентина и ожидая, что Валентин будет делать.

Валентин понял, что это была проверка. Как он должен поступить? Чуть позже он знал, как следует вести себя. Нужно обязательно ударить этого парня за то, что тот его оскорбил. Но тогда Валентин растерялся.

– Ты чего, слабак? – усмехнулся парень и с силой ударил Валентина рукой по плечу. Валентин чуть не упал. – Ну, ты действительно как девчонка! Тебе не место на спортивной площадке! Вон, иди с девчонками играй! – и он показал на скверик, где маленькие дети играли в снежки. Все дружно засмеялись.

– Ладно, пацаны, что вы к нему лезете? – послышался голос. Валентин обернулся. Около него стоял парень, который жил на одной с ним лестничной площадке. Парень подал ему руку.

– Давай поднимайся, сосед! – сказал он.

– Так вы что, рядом живете, что ли? – спросил рыжий.

– Конечно.

– Почему же ты, Макс, раньше не сказал? Мы твоего соседа чуть не избили.

– Так вы же меня и не спрашивали, – ответил Макс. – Ладно, как тебя зовут, скажи еще раз!

– Я же сказал, Валя.

– Значит, Валентином будешь, – сказал рыжий, протягивая ему руку. – А я Рыжий, кликуха у меня такая. А зовут Серега.

Валентин пожал ему руку.

– Ладно, не робей, парень! Мы тебя на вшивость проверяли, – и Рыжий похлопал его по плечу. Тут же потянулись руки других ребят знакомиться с Валентином. Многие улыбались ему.

Неожиданно Валентин заметил, как со двора выскочили два парня и крикнули:

– Полундра! Ребята, зеленые Егорку с Митькой бьют! Сюда, быстро!

Все дружно развернулись и побежали в сторону подворотни. Неизвестно почему, но Валентин тоже побежал вместе со всеми. Теперь он бежал в толпе.

На бегу Валентин обратил внимание, что многие ребята достают кто из воротников, кто из карманов значки Речфлота. Все значки были насажены на короткую синюю бархатную ленточку, как бы с окантовкой. Теперь Валентин понял, что это были своеобразные знаки различия. Практически у самой подворотни у всех ребят, кроме Валентина, были такие значки.

Ребята увидели, что чуть дальше, у какой-то деревянной голубятни, идет сильнейшая драка. Точнее, человек десять набросились на двоих пацанов и вовсю их молотили. Вся компания тут же засвистела и закричала. Нападающие стушевались. Кто-то уже доставал из карманов цепи, кто-то размахивал над головой подшипниками на веревке. У парня, бежавшего рядом с Валентином, – а это был его сосед, – в руках оказалась свинчатка.

Посмотрев на Валентина, парень подмигнул и бросил ему коробок спичек. Валентин поймал его. Коробок оказался очень тяжелым. Приоткрыв его, Валентин увидел, что вместо спичек внутри лежит свинцовый прямоугольник. Зажав коробок в кулаке, Валентин рванулся вперед.

Началась драка. Она продолжалась около пяти минут. Кто-то кричал, летели зубы, кто-то плевался кровью. Вскоре раздались милицейские свистки.

– Полундра! Легавые! Врассыпную! – скомандовал незнакомый голос, и все участники драки разбежались в разные стороны.

С одной из групп бежал и Валентин. С ним рядом был и Макс, его сосед. Они добежали до какой-то подворотни и вскочили в подъезд. Стоя там и тяжело дыша, они смотрели друг другу в глаза. Внезапно около подъезда затарахтел мотор мотоцикла.

– Легавые! Быстро уходим! – махнул рукой Макс. И они быстро побежали на последний этаж. Там пробрались через чердак на крышу и стали уходить через нее. На крыше были и другие ребята, вероятно, также спасавшиеся от ментов.

– Макс, это ты? – спросил один из них.

– Я, я, Гриша, – ответил сосед.

Вскоре они спустились вниз и вышли на другой конец дома. Казалось, во дворе никого не было, все тихо. Валентин с Максом медленно пошли по улице. Оба молчали.

Первым нарушил молчание Макс.

– А ты ничего парень! – сказал он. – Крепкий, наш человек! Ты сегодня что будешь делать?

– Да ничего.

– Выходи во двор часов в восемь. Тебя маманя-то твоя отпустит?

Валентин пожал плечами.

– Приходи обязательно! Или знаешь что? Я сам за тобой зайду. Пусть мать ничего не боится. Тебя тут никто не тронет, – сказал он уверенно.

Вскоре Валентин вернулся домой.

Пришла с работы мать. Время приближалось к восьми часам. Валентин думал, как сказать матери, что ему нужно выйти из квартиры. Но тут помог случай. Бабушке стало совсем плохо, и мать побежала в поликлинику за лекарствами, чтобы сделать ей укол. Этим и воспользовался Валентин. Он вышел на улицу ровно в восемь часов. Макс за ним не зашел. Тогда он сам подошел к двери квартиры напротив и нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла какая-то женщина.

– Извините, а Макс дома? – спросил Валентин.

– Максим, к тебе пришли! – крикнула женщина. В коридоре показался Макс. Он был в спортивном костюме.

– Чего ты так рано? – спросил он.

– Так восемь часов уже!

– Да, надо идти, – заторопился Макс. Он на ходу схватил зимний полушубок, напялил шапку и, сунув в рот булку, – вероятно, Макс еще ужинал, – вышел с Валентином из квартиры.

Глава 3
Качалка

Вскоре они выскочили во двор. Там было уже темно. Хотя и стояла зима, все вокруг в снегу и были видны силуэты людей, но темнота скрывала их лица. Все пошли в сторону той подворотни, куда днем выскочили «по тревоге».

Вскоре ребята вышли к деревянной голубятне и стоящему рядом деревянному бараку. Пройдя мимо него, они оказались возле множества брошенных деревянных сараев. Здесь кто-то хранил мотоциклы, старые машины, кто-то держал соленья, кто-то просто сваливал ненужный хлам. Но поскольку эти сараи подвергались постоянным ограблениям, владельцы многих бросили их на произвол судьбы. Поэтому они были открыты, а у некоторых и вовсе дверей не было. Вот там и собиралась вся шпана со двора, в котором жил Валентин. За сараями был большой овраг.

Ребята расположились на бревнах, сваленных рядом с сараями. Создавалось такое впечатление, что ждали прибытия какого-то человека, вероятно, достаточно важной персоны. Валентин понимал, что существует главарь и скорее всего ждут именно его.

Вскоре главарь появился. Это был парень примерно лет пятнадцати, но покрепче, чем Валентин и Макс. Парень шел без головного убора, и Валентин увидел его темные, немного вьющиеся волосы. Одет он был во взрослый зимний полушубок, короткие сапоги гармошкой, без шарфа. Рядом с ним шел еще один парень, полностью седой.

«Странно, – подумал Валентин, – почему у него такие волосы? Молодой ведь еще?!» Немного позади шел еще один парень, а рядом с ним – уже знакомый Валентину Рыжий.

Ребята молча подошли к собравшимся. Все поспешили с ними поздороваться. Каждый стремился поздороваться с тем пареньком, который шел первым. Наступила очередь и Валентина. Он протянул руку.

– Ты кто? – спросил его парень.

– Я – Валя.

– Откуда ты? – спросил парень, всматриваясь в его лицо. – Ты свой или чужой?

Макс вступил в разговор:

– Кузя, это мой сосед. Он уже с нами сегодня в драке участвовал.

– В драке?

– Да, – закивал головой Рыжий. – И махался, как настоящий пацан!

– Значит, можно считать, что крещение ты прошел? – спросил парень.

– Крещение и пробив, – усмехнулся Рыжий. Вероятно, он намекал на хоккейную клюшку.

– Ладно, слушай дальше, – сказал Кузя. – Ты будешь с нами.

Валентин пожал плечами.

– Какая-то странная неуверенность! – сказал Кузя. – Парень, если ты будешь с нами, то знай – у нас принцип такой: один за всех, все за одного. Если с тобой беда случится, мы всем двором тебя отбивать будем. Но если беда возникнет у кого-нибудь из нас, то ты должен в любое время дня и ночи подняться и прийти на сбор. Ну так что?

– Я с вами, – тряхнул головой Валентин.

– Ладно, мы тебя примем в нашу организацию чуть позже. Макс тебя ознакомит со всеми правилами. А теперь, – он обратился ко всем, – давайте распределяться. Так, бригада Рыжего сегодня дежурит. Патрулируйте. Все остальные – в подвал, на железках качаться. Что еще нового?

– Вот деньги собрали, – сказал один из ребят и достал пакет, в котором лежали разные мелкие купюры – рубль, три, иногда виднелись красные десятки. Кузя взял мешок, как бы

прикидывая его на вес, хотя как можно было взвешивать бумажные деньги, и положил его в карман.

– Это хорошо. Какая сумма?

Парень назвал сумму – около сорока рублей.

– Хорошо, – сказал Кузя. – Значки все купили?

Все закивали головами.

– Кроме новенького, – добавил все тот же Рыжий.

– Новенькому обязательно выдать значок! – сказал Кузя. – Ладно, теперь все по местам. А мы пойдем на переговоры с зелеными.

– Кузя, может, побольше ребят возьмешь? – спросил Рыжий.

– Не встревай! Я сам знаю, что делать! – оборвал его Кузя и с двумя своими спутниками направился в обратную сторону.

– Все, – скомандовал Рыжий, – пацаны, за мной, на дежурство!

Макс повернулся к Валентину:

– Постой, ты в моей группе будешь. Пойдем на качалку!

– Куда это?

– Сейчас увидишь.

Они молча шли к своим домам. Пройдя вдоль дома, они оказались возле маленькой двери, ведущей в подвал. Это была то ли котельная, то ли подсобка. Макс открыл ее ловким движением. Валентин в составе группы ребят стал спускаться вниз по ступенькам. Вскоре они оказались в подвале.

Валентин увидел, что это помещение представляло собой комнату около тридцати квадратных метров, с очень низким потолком. Вдоль стен тянулись трубы. Комната была чистая и сухая, аккуратно убрана. В углу висела большая автомобильная покрышка на веревке, и около нее парень отрабатывал боксерские удары, имитируя бой с грушей. В другом углу несколько пацанов поднимали штангу, точнее, предмет, похожий на штангу, состоящий из нескольких труб, на концах – аккуратно связанные кирпичи. Другие качали пресс, кто-то отжимался. Немного в глубине стояла гимнастическая стенка, вероятно, украденная из школы. На ней тоже выполняли упражнения.

– Давай раздевайся, – сказал Макс Валентину и сам быстро сбросил с себя всю верхнюю одежду, оставшись в спортивных штанах. Валентин тоже разделся.

– Да ты, я смотрю, хиленький! – сказал Макс, легко ударив его в грудь. – Ничего, через четыре-пять месяцев крепышом будешь! – Он показал свою, тоже не очень еще накачанную мускулатуру.

Через несколько минут Валентин приступил к занятиям. Сначала он отжимался, потом висел на самодельной перекладине, пытаясь подтягиваться, затем стал поднимать штангу. До боксерского поединка пока дело не дошло.

Затем Валентин заметил, что через некоторое время ребята сгруппировались и стали заниматься другим. Кто-то имитировал боксерский бой, намотав на руки шарфы и отчаянно мутузя друг друга. Другие занялись борьбой, выполняя различные приемы. Валентин смотрел на ребят с большим интересом.

– Сколько времени? – спросил Валентин у Макса.

– Да часов десять, наверное, – ответил тот.

– Ой, мне домой нужно! Меня мама ругать будет!

– Не дрейфь! – хлопнул его по плечу Макс. – Все будет нормально!

Вскоре тренировка закончилась. Макс и Валентин медленно шли домой.

– Теперь ты в нашей организации, в нашей моталке.

– В моталке? Что это значит?

– Это казанцев так зовут. Мы тоже, можно сказать, как казанцы. По их принципу живем. Моталка – группировка, бригада. Называй как хочешь.

– А что вы делаете?

– Потом узнаешь, что делаем. Всякие дела. Но самое главное – мы сила. Сейчас мы считаемся самой сильной группировкой в нашем микрорайоне. Мы победили зеленых, мы победили серых. И скоро будет бой с желтыми.

Валентин прекрасно понимал, о чем речь: все дома, точнее, входы в подъезды были покрашены разными красками – синими, зелеными, желтыми. Эти цвета и были знаком принадлежности к той или иной группировке.

– А какая самая крутая группировка в городе? Ваша? – поинтересовался Валентин.

– Нет, не наша. «Теплоцентраль» – самая крутая группировка. У них и людей побольше, они похрабрее будут всех других. Там ПТУ расположено. Ребята у них отборные! У нас же – только Кузя из ремеслухи, остальные – школьники.

– Школьники?

– Конечно. Из разных школ. Из твоей, из других.

– А Кузя кто?

– Миша Кузьмин. Раньше тоже у нас в школе учился, хотя он на три года старше нас. После его выгнали – он второгодником был, да и дисциплину нарушал. Потом в детскую комнату милиции на учет поставили. Какие-то терки у него были со взрослыми ребятами. Сейчас в ПТУ учится. Он – наш вожак.

– Я это уже понял, – сказал Валентин.

– Кузя – парень смелый и очень справедливый. Он никого из своих в обиду не даст. Но и определенные требования выполнять нужно.

– Какие же?

– Прежде всего – дисциплина. Если кто из старших говорит – бригадир, звеньевой или Кузя, – это закон. Второе – взаимовыручка. Он правильно сказал: один за всех, все за одного. По такому принципу мы живем. Если кто-то попадает в беду, мы все его выручаем. И еще – мы деньги собираем на разные нужды: на лечение, на похороны.

– На что? – переспросил Валентин.

– А ты как думал? У нас уже два парня погибли. Мы их хоронили. Знаешь, какой памятник поставили! Скоро на кладбище пойдем, я тебе покажу. Так что на следующей неделе ты тоже будешь деньги на общак собирать.

– А какая сумма нужна?

– Все узнаешь чуть позже. Завтра я принесу тебе значок. Давай, держи лапу! – и он протянул Валентину руку на прощание.

Валентин вошел в квартиру. Мать его почти не ругала, словно поняла, что с ним что-то произошло. Она уже легла спать в комнате бабушки. Валентин разделся и лег в кровать. День был переполнен впечатлениями, нужно было столько обдумать и проанализировать, но самое главное – он вошел в группировку. И теперь уже ничего и никого не боялся.

Прошло месяца два. За это время Валентин окончательно укрепил свои связи с дворовыми ребятами. Теперь он знал все традиции и обычаи, правила поведения участника группировки, знал старших. Кузя уже здоровался с ним за руку. Почти ежедневно они ходили либо в подвал качаться, либо патрулировали свой район, оберегая его от возможных набегов противников.

Время от времени случались небольшие стычки, на уровне драк-пятиминуток, которые возникали спонтанно, когда какая-то группа мальчишек наталкивалась на враждующую группировку. Но постепенно Валентин узнал, что существуют и союзы группировок. Например, через несколько домов живут ребята из группировки желтых. У них союз о ненападе-

нии, дружба. В одной из драк, как рассказывали ребята, они группировались именно с желтыми, хотя до этого и враждовали между собой, но, чтобы противостоять «Теплоцентрали», они выступили вместе, когда у тех возникли серьезные претензии.

Вскоре у Валентина появился значок Речфлота с синей ленточкой.

Одним из правил группировки был еженедельный сбор денег в общак. Как добывались деньги для этой цели – никого не интересовало. Кто-то занимался мелкими кражами, кто-то отнимал деньги у малолеток, которым родители давали на завтраки, кто-то – иными способами. Валентин вынужден был экономить из тех денег, которые мать давала ему на завтрак. Из этих денег он откладывал свою еженедельную долю, которую и вносил в общак.

Вскоре сумма в общаке набралась немалая, и Кузя дал указание сшить всем одинаковую одежду. Это должны быть клетчатые брюки и темно-синие куртки с круглым воротом. Сейчас их принято называть толстовками. Но тогда они напоминали скорее куртки лыжных костюмов. Клетчатые брюки шил один татарин-инвалид, который имел свою домашнюю подпольную швейную мастерскую. Ребята закупили большое количество материала, скупив ткань в одном из магазинчиков и сделав им план, и отнесли материю хромому татарину. Тот снимал мерки с каждого члена группировки. Через несколько дней брюки были готовы. Все оплачивалось из общака.

Мать уже перестала обращать внимание на Валентина. Она смирилась с той мыслью, что рано или поздно ее сын все равно попадет в группировку. А если не состоять в группировке, то постоянно придется ходить избитым, чуть ли не каждый день. Она лишь приговаривала ему:

– Только бы тебя в тюрьму не посадили!

– Не переживай, – успокаивал ее Валентин, – я от тюрьмы очень далеко. Я ничего такого не совершаю.

Но на самом деле Валентин говорил неправду. Кузя часто проводил профилактические беседы. Он говорил, что тюрьма и кладбище – два направления нашей жизни. В любой момент – как карта ляжет – так может случиться. То ли на зону пойдете, то ли в землю ляжете.

– В любом случае, – говорил Кузя, – мы вас, пацаны, не бросим. Если кого хоронить будем, то похороны будут пышными. Если же на зону пойдут, значит, помогать будем материально, адвокатов лучших наймем.

И Кузя не обманул в этом плане. В одной из драк, случившейся буквально через неделю все с той же «Теплоцентралью», погиб пацан из их двора. Кличка у него была Зайчик, потому что он был еще достаточно хиленьким. Забили его насмерть палками.

Хоронил его, наверное, весь микрорайон. Похороны были пышными, с огромным количеством цветов. Пришли и девчонки, правда, из других, враждующих группировок. Но между всеми существовало неписаное правило: похороны – это время перемирия, и никто никого не трогает, никто никого не бьет и не оскорбляет. Все провожали Зайчика в последний путь. Плакали только его мать и бабушка – он был единственным ребенком в семье.

Зайчик казался очень маленьким в большом гробу. Гроб несли ребята.

Потом устроили поминки, и Валя первый раз попробовал в подвале водку с красным вином. Все сразу затуманилось.

– Ничего, не робей, парень! – говорил ему Кузя. – И водку научишься пить, и девчонок трахать! – Он внимательно посмотрел на Валентина. – Ты небось еще целочка?

Все засмеялись. Валентин пытался оправдываться, но его никто не слушал, и он в конце концов замолчал.

– Ничего, мы тебя скоро настоящим мужиком сделаем! – сказал Кузя.

Но раньше, чем Валентин стал настоящим мужчиной, случилось ЧП, в котором ему довелось участвовать. Так получилось, что вечера в основном он проводил в качалке, укреп-

ляясь физически. Он уже стал гораздо сильнее, многих мог победить в борьбе. Даже у Макса уже выигрывал, который до этого был значительно сильнее.

С Максом установилась достаточно прочная дружба. Они стали лучшими друзьями. Более того, они учились в одном классе. С учебой, правда, Валентину не везло. Точнее, так – геометрия, алгебра давались ему хорошо, а вот с химией, с русским и литературой было очень плохо. Особенно большие проблемы возникли с химичкой. У него было несколько двоек за контрольные работы, и теперь ему грозил «неуд» в четверти. Он очень переживал это.

У Макса тоже были проблемы, но у него – с математикой. Ему тоже светила двойка. Часто вечерами, сидя дома у Макса или у Валентина, они только и говорили:

– Ну вот, скоро четверть кончается, скоро мы свои пары получим! Родители ругать будут, денег не дадут! – говорил Макс.

– Меня тоже будут ругать, на улицу меньше пускать, – с грустью добавлял Валентин.

– Слушай, – неожиданно сказал Макс, – у меня возникла хорошая мысль! А хочешь, у нас никаких двоек не будет?

– Как это?

– А очень просто. Я знаю, ребята из одной школы так сделали. Мне один знакомый паренек рассказывал. Давай и мы так сделаем.

– А что сделаем?

– Давай ночью залезем в школу, заберемся в учительскую и сожжем все дневники вместе с журналами!

– Как же это?

– Да очень просто! Вот смотри, мы сдали дневники для выставления четвертных оценок, правильно? Там и журнал. Мы сжигаем журнал и дневники. Все, мы чистые, и никто не знает, у кого какие отметки были! А главное, двоек у нас с тобой не будет! Ты же на медаль не тянешь, правильно?

– Правильно, – улыбнулся Валентин, – какая медаль! У меня четверки и тройки в основном.

– Ну вот, и у меня то же самое, тоже звезд с неба не хватаю. Короче, сделаем амнистию!

– Что за амнистию?

– Это когда все равны и всем все прощается.

– Я не знаю…

– Ты помнишь принцип – один за всех и все за одного? У меня беда, и ты должен мне помочь. Впрочем, и у тебя беда, и я тоже должен помочь. Все, договорились, идем!

– Когда мы идем?

– Да сегодня же! Чтобы особо время не тянуть!

– Да как же мы это сделаем?

– Очень просто!

Откачавшись на качалке свое положенное время, полтора часа, Макс с Валентином домой не торопились, хотя уже было полдесятого. Они медленно пошли по направлению к школе.

В школе все окна темные, там никого не было. Только в боковом окне виднелся свет – там спал сторож. Сторожем в школе работал дядя Коля, известный алкоголик, который, как только все уходили, ложился, выпивал свою четвертинку и засыпал до утра. Никакой охраны в школе в то время не было. Это Валентин узнал со слов Макса.

Осторожно подойдя к коридору, соединяющему школу и спортзал, Макс остановился и сказал:

– Вот тут мы и залезем внутрь.

Валентину стало страшновато:

– А вдруг нас поймают?

– Ну если и поймают, что нам сделают? Мы же ничего не украдем! Вот смотри, – он достал маленький фонарик и посветил им. – Давай вот здесь. – Он взял варежку и аккуратно надавил на стекло. Оно треснуло так, что никакого шума не было. Осторожно вытащив стекло, Макс открыл раму. – Полезли! – скомандовал он.

Они пролезли внутрь. Темное помещение школы казалось не знакомым, как днем, в учебное время, а странным, темным, холодным, совершенно неизвестным. Они шли, время от времени освещая путь фонариком. Вот они поднялись на второй этаж, на третий. Вот и учительская. Макс подергал дверь.

– Черт возьми, учительская закрыта! Что же делать? Надо дверь сломать.

– А чем? – спросил Валентин. Они осмотрелись. Ничего не увидев, подошли к батарее. Батарея была закрыта деревянной решеткой. Отломав несколько реек, Макс дал одну Валентину.

– Так, ты подпираешь дверь снизу, а я дергаю изо всей силы. Она с петель должна соскочить.

Так и сделали. С третьей попытки дверь поддалась.

– Смотри! – сказал Макс. На столе лежала куча дневников. – Давай дневники восьмых классов сожжем! Чтобы подозрений ни на кого не падало! Ты бери дневники, а я буду искать журнал.

Это сделать было совсем нетрудно. Журналы были аккуратно вложены в фанерный стеллаж, напоминающий картотеку.

– А может, журналы всей школы запалим? – предложил Макс. – И все дневники заодно? Давай! – Он сгреб дневники седьмого и шестого классов. – Пятого и девятого трогать не будем. Пускай думают, что это сделал кто-то с шестого по восьмой класс.

Собрав дневники в кучу, ребята понесли их к туалету. Макс аккуратно раскрыл все дневники с журналами и развел над унитазом костер. Время от времени они сбрасывали то один дневник, то другой.

Вдруг Валентин услышал доносящиеся из коридора шаги.

– Слушай, Макс, кто-то идет! – сказал он шепотом.

Они быстро потушили пламя, но повалил сильный дым. Любой посторонний мог подумать, что в школе начался пожар. Но шаги затихли.

– Может, это дядя Коля ходит? – предположил Валентин.

– Нет, он спит. Это кто-то другой. – И Макс почти скомандовал: – Валек, давай хватай дневники в охапку, а я возьму журналы. Тут оставаться опасно. На улице все дожжем.

Они уже двинулись к разбитому окну, как неожиданно их кто-то окликнул:

– Стой!

Они обернулись и увидели на стене три тени.

– Макс, ты, что ли? – неожиданно раздался голос.

– Я. Кто тут? – отозвался Макс.

– Не узнаешь меня? Это я, Рыжий.

– А ты что тут делаешь?

– То же, что и ты.

– За дневниками?

– За ними. Вы какого класса взяли?

– С шестого по восьмой.

– А мы сейчас девятый и десятый палить будем, – сказал Рыжий.

– Так ты же в девятом не учишься!

– Меня братишка попросил это сделать.

– Вот видишь, всем нам одна мысль пришла! – засмеялся Макс.

Вскоре Рыжий со своей командой взяли все дневники – с пятого по десятый классы, вынесли их на пустырь, который находился рядом с голубятней, и там все сожгли.

На следующий день в школе была паника. Там только и говорили что о таинственной краже и сжигании дневников с журналами. Однако виновных найти никто не мог. Макс же с Валентином решили обеспечить себе безопасность и сделали вид, что поссорились друг с другом и не разговаривают. Правда, это правило не распространялось на их встречи после школы.

Наверное, многие мальчишки знали, кто сжег дневники и журналы. Скоро это дошло и до Кузи. Он оценил их поступок как достаточно мужественный и геройский. На очередной сходке он даже сказал несколько слов по этому поводу, что, мол, молодцы ребята, правильно поступили, так держать! И похлопал каждого по плечу. Потом Кузя хитро улыбнулся и сказал:

– Сегодня у нас одно дело есть. В нем будут участвовать Макс и, – Кузя посмотрел на Валю, – ты. Послушайте, дело серьезное, секретное. А что это вы без кличек ходите? – неожиданно сказал Кузя. – Валя какой-то, Макс. Давай клички вам дадим.

– Клички? Какие?

– А какую ты хочешь? Выбирай!

– Вообще-то у него уже кличка есть, – сказал Макс. – Ребята его за глаза зовут Сушок.

– Почему Сушок? – спросил Кузя.

– Фамилия у него Сушков, и кличка поэтому Сушок.

– Ну что ж, хорошая кличка. Ты не возражаешь? – обратился Кузя к Валентину.

– Нет, не возражаю, – Валентин пожал плечами, – Сушок так Сушок. А для чего это?

– Для дела. Мало ли чего! А вдруг придется крикнуть тебе, чтоб менты не вычислили тебя по имени и фамилии? А так мало ли что за Сушок! – улыбнулся Кузя. – Тем более у нас сегодня дело. Пойдете вдвоем с Максом.

Дело оказалось криминальным. Нужно было обокрасть пьяного. Подошли они к небольшому пивному залу, который находился в нескольких улицах от их дома. Нужно было заприметить одного-двоих мужиков, выходящих из пивнушки. Тем более сегодня на многих предприятиях, которые находились в Люберцах, давали зарплату, и многие работяги пошли зарплату обмыть. Надо было кого-нибудь толкнуть так, чтобы тот упал на землю, а потом пощупать по карманам и вытащить деньги.

Вот и сейчас они стояли и мерзли – ждали выпивоху, которого надо было обокрасть. Причем Кузя запретил брать что-нибудь еще, кроме денег, – могут быть улики. Вот из пивнушки вышли два мужика.

– Ну чего? Может, их? – спросил у Валентина Макс.

– Их двое. Вдруг не справимся?

– Одиночку долго ждать придется. А я замерз. На дворе февраль, чай, не лето.

– Давай все-таки подождем одиночку, – сказал Валентин.

Вскоре из дверей появился одинокий мужчина. Он шел, слегка покачиваясь, и время от времени смотрел по сторонам. Наконец он добрел до забора и, расстегнув брюки, стал мочиться.

– Вот подходящий момент! – сказал Макс. – Пошли! – Он схватил Валентина за руку.

– Погоди, дай человеку оправиться. Как-то не по-человечески получается.

Не успел мужик закончить свои дела, Макс подошел к нему вплотную и сказал:

– Мужик, что же это ты делаешь? Весь забор обоссал! – и со всей силы ударил его так, что мужик сразу же рухнул на то место, которое только что поливал.

– Да вы что, ребята! – пытался сказать заплетающимся языком мужик, но Макс уже колотил его ногами.

– А ты что стоишь, Сушок? Присоединяйся!

Валентину стало не по себе, но он все же изо всей силы ударил мужика под ребра.

– Ой, заразы, куда ж вы бьете! – завопил мужик.

– Мужик, где деньги? – спросил Макс.

– Не дам, не дам! – кричал мужик. – Что ж вы делаете, паскуды!

Но Макс уже засунул руку в его карман и вытаскивал оттуда помятые бумажки. Денег было немного.

– Что же вы делаете, фашисты! – кричал мужик.

Из пивбара вышли двое мужиков. Увидев, как пацаны молотят мужика, они остановились.

– Смотри, Петровича бьют! – И оба устремились на помощь.

– Уходим! – крикнул Макс. – Быстро!

Валентин побежал. За ним рванул Макс. Теперь за ними гнались два мужика. Но догнать ребят они не смогли.

– Сколько денег взяли? – спросил Валентин.

Остановились, посчитали – пятнадцать рублей.

– По-моему, пятерку я по дороге потерял, – сказал Макс. – Ну вот! Давай по трояку себе возьмем, остальные в общак задвинем.

У Валентина на душе было очень неприятно. Но это ведь своеобразное крещение.

На следующий день, когда они принесли в общак около девяти рублей, Кузя был очень доволен.

– Ну что? С почином вас, ребята! Как дело прошло?

– Нормально.

– Как Сушок себя вел? – обратился Кузя к Максу.

– Сушок молодец!

– Ну что же, отлично! Хорошо поработали – сегодня хорошо отдохнете, – сказал Кузя. – Пойдем, – он обнял их и потащил в сторону своего деревянного барака.

– Куда это мы идем? – поинтересовался Валентин, поднимаясь по деревянной лестнице на второй этаж.

– Хаза у него тут есть, – ответил Макс.

Через несколько минут они вошли в длинный коридор. Это было что-то типа коммунальной квартиры, состоящей из большого числа комнат. Вскоре они вошли в небольшую комнату. Она была почти пуста, только две кровати, стол и несколько стульев. На столе стояли бутылки вина и водки, на стульях сидели четыре парня и две девчонки. Девчонки были молоденькие, похоже, пэтэушницы.

Кузя подтолкнул Макса и Валентина:

– Заходите, ребята, будьте как дома!

Теперь Валентин догадался, что это была брошенная жильцами комната. А новые жильцы такое убогое жилище занимать не хотели. Так она и осталась ничейной, оборудованной под комнату свиданий.

Девчонки были сильно накрашены, хотя обе не старше пятнадцати лет, им можно было дать на два-три года больше. У одной, ее звали Таня, были короткие темные волосы. Другая, Ирина, была блондинкой с короткой косой. Девчонки сидели, выпивая вино и куря сигареты.

– Девочки, знакомьтесь. Это Макс, это Сушок, – представил ребят Кузя. – А это Танюша с Иринкой. Так сказать, привел вас на уроки любви.

– О, – сказала Таня, – по-моему, один из них еще целочка!

– Кто? – спросила вторая.

– Ну не Макс же! Вот этот паренек! – И она показала пальцем на Валентина.

Ребята выпили понемногу.

– Ну что, пора приступать? – сказал Кузя. Он подошел к выключателю и выключил верхний свет. Только в углу горела слабая лампочка без абажура. Кузя накинул на плечи куртку.

– Все, девчонки, берите ребят, и вперед! Они сегодня заслужили!

Девчонки тут же набросились на них. Татьяна схватила Макса и потащила его на кушетку. Ирина же подошла к Валентину и повела его за собой. Она подошла ко второй кровати, которая стояла почти вплотную к первой, и быстро стянула с себя трусики. Она легла, задрала юбку и сказала:

– Ну, чего же ты? Давай!

Валентин стоял ошарашенный. Перед ним лежала молодая девушка, обнаженная. Он внимательно смотрел на ее раздвинутые ноги. Наконец сам стал расстегивать брюки.

– Что же ты так долго? Я замерзну! – сказала Ирина.

Валентин быстро снял брюки и приблизился к Ирине. Потом, вспомнив не раз виденные в фильмах сцены, стал прижимать ее к себе и целовать. Тут произошло самое интересное – член его никак не среагировал на обнаженную девушку и оставался неподвижным. Валентин пытался трогать ее за грудь, гладить ее тело, ноги, но ничего не получалось.

– Что же, совсем у тебя не стоит? – засмеялась Ирина. Валентину стало неприятно. Он посмотрел на соседнюю кровать. Там уже Макс вовсю трахал Таню, которая громко стонала от блаженства или, может быть, просто имитировала экстаз.

Кузя сидел в другом углу и равнодушно смотрел в окно, не обращая внимания на ребят.

– Ну что, маленький, совсем не получается? – вдруг обратилась к Сушку Ирина.

– Нет, не получается.

– Погоди, дай я попробую помочь. Сядь.

Валентин сел. Ирина опустилась на колени и взяла губами его член. Вот тогда Валентин почувствовал теплую волну внизу живота.

Через несколько мгновений все было нормально. Затем Ирина быстрым движением, взяв инициативу в свои руки, ввела его член в себя.

– Ну как, ты что-нибудь чувствуешь? – спросила она.

– Да, чувствую, – задыхаясь от блаженства, еле выговорил Валентин.

– Только одно условие, – сказала Ирина, – в меня не кончай!

– Хорошо, хорошо!

– Да куда ты спешишь? У нас времени еще много!

Но Валентин спешил закончить все как можно быстрее…

Прошло еще немного времени. За это время Валентин с Максом пару раз ходили на дело. Опять были те же пьяные прохожие, только теперь уже не пивной бар, а другой объект – небольшая стекляшка типа летнего кафе, в которой продавались вино и водка в разлив. Затем была все та же хаза, только теперь жрицей любви была не Ирина, а Татьяна. Потом была рыжеволосая Света, потом – еще какая-то девчонка. Всех этих девиц Кузя вытаскивал из соседнего ПТУ, угощая водкой и даря им дешевые вещи. За это они отдавались его ребятам.

Валентину в принципе нравилась такая жизнь. Теперь проблем с сексом у него не возникало. Он знал, что такое любовная прелюдия, как возбудить себя и свою партнершу.

Прошло еще два месяца. Наступила весна, апрель. Снег таял вовсю. Приближалось лето. Валентин полностью освоился с жизнью группировки. Несколько раз они сбегались по тревоге, когда в считаные минуты необходимо было собраться во дворе с полным боекомплектом. В него входили свинчатка, кастет, металлические прутья, цепочка – у кого что было, оружие боевиков. Обычно сборы практиковались для поддержания боевого духа. Такие сборы устраивали либо Кузя, либо Седой. Седой был заместителем Кузи, как выясни-

лось потом. Кстати, в заслугу Седому ставилось то, что он уже успел побывать в колонии для несовершеннолетних. Но он сбежал оттуда и очень гордился тем, что вроде бы находится в розыске. Хотя на самом деле никто его особо и не искал.

Однажды всем членам группировки сообщили, что в ближайшее время начинается война с «Теплоцентралью». Но на сей раз группировка Кузи должна выступать в полном одиночестве, так как в недалеком прошлом дружественная ранее группировка неожиданно объявила нейтралитет и не стала принимать участие в этой массовой потасовке.

Драка должна была состояться на одном из пустырей. Ребята стали вооружаться заранее. Вскоре вся группировка в полном составе – Валентин насчитал порядка пятидесяти человек – ровной колонной двинулась в сторону пустыря. В назначенное время они подошли к пустырю и стали ждать прибытия враждебной группировки.

– За что бьемся? – спросил Валентин Макса.

– А черт его знает! Там, наверху, что-то опять замутили. Нам надо все раскручивать.

Рядом с ними стояли Седой и Кузя. Присутствие Кузи говорило о большом значении предстоящей драки.

– Смотри, – указал Валентин на Седого, – что это у него в руках?

– Пистолет, – спокойно ответил Макс.

– Какой еще пистолет?

– Да он у него такой, через два раза стреляет.

– Откуда он у него?

Через несколько минут Валентин уже знал всю историю. Седой на Птичьем рынке то ли выменял, то ли купил старый, сломанный дуэльный пистолет с длинным дулом. Затем он переделал его для стрельбы мелкокалиберными патронами. Но поскольку боек не работал, то Седой сделал самодельный боек на резинке, что-то вроде рогатки. Оттягиваешь резинку назад – производится выстрел.

– Неужели он стрелять будет? – удивился Валентин.

– Нет, он держит его на всякий случай. У него ножи есть, зачем ему стрелять? Ножами лучше работать.

Неожиданно раздался шум и крик. С противоположной стороны улицы появилось человек пятьдесят-семьдесят. Видно было, что эта группировка значительно превосходила их по количеству. Когда они подошли ближе, размахивая своим вооружением – такими же палками, свинчатками, – то Валентин заметил, что у них были свои отличия. Такие же, как у них, брюки в клетку, темный верх, но значки с вышкой то ли нефтяников, то ли энергетиков.

Драка началась моментально, но продолжалась не более пяти-семи минут. За это время Валентин успел нанести кому-то три сильных удара, кто-то огрел его палкой по голове. Уже были порваны рубашка, брюки. Со всех сторон Валентин получал удары. Создавалось впечатление, что в такой каше свои били своих. Никто не различал соперников, все махали руками, кричали. Потом опять громкий крик:

– Полундра! Шухер!

Моментально все разбежались. Валентин, убегая с Максом в сторону, обернулся и увидел, что на земле остались лежать несколько ребят.

– Постой! – вдруг сказал Макс. – Седой валяется!

Они подбежали к Седому, чтобы поднять его. Ведь, по правилам, никого нельзя оставлять в беде. К ним подбежал Кузя.

– Что с Седым? – спросил он.

Но Седой был мертв. Кто-то всадил ему в сердце заточку.

– Все, уходим! – сказал Кузя, и все разбежались.

Через три дня хоронили Седого. Седой, оказывается, был сиротой, вернее, родители давно от него отказались. Где они были – неизвестно. Так что Седой жил сам по себе. Похороны ему устроили пышные. Собрали деньги, через несколько недель поставили гранитный памятник с надписью «Смелому парню с нашего двора».

После такой массовой драки начались милицейские облавы. Вероятно, милиции надоели бесконечные разборки между районами и дворами, и они серьезно взялись за подростков. Нескольких ребят затащили в отделение милиции, кого-то, как говорили, даже избили, поставили на учет в детской комнате. Не обошло это и Валентина с Максом. Их взяли у подъезда, когда они вышли гулять. Два мужика, то ли дружинники, то ли милиционеры в штатском, схватили их за руки и быстро посадили в подъехавший мотоцикл.

Через несколько минут они уже были в отделении милиции. Там с ними особо не разбирались – побили немного, подержали в обезьяннике некоторое время, а потом, переписав все данные, занесли в картотеку детского учета и выдали вызванным родителям. Так состоялось первое крещение Валентина. Побывал он на нарах, правда, всего одну ночь. Но и это было большим событием.

После массовой драки и милицейских облав тактика движения люберов резко изменилась. Теперь между всеми лидерами группировок было заключено мирное соглашение – друг друга особо не трогать.

Теперь начались поездки в Москву. Для того чтобы поехать в Москву, нужна была идеологическая подготовка. Кузя собрал всех членов своей группировки и стал разъяснять, что в Москве нерабочие ребята, стиляги, которые преклоняются перед заграницей, металлисты, которые слушают западную музыку, а это отрава. Нужно слушать только русскую музыку. В общем, такую информацию Кузя вдалбливал ребятам ежедневно, говоря, что панки и металлисты – это враги, а мы, любера, – русские, славяне, мы должны высоко нести свой дух.

Так и начались первые наезды типа патрулирования по Москве. Приезжала электричка из Люберец, обычно все собирались в третьем вагоне, и ребята выскакивали на вокзальную площадь, человек сорок-пятьдесят – все в стороны шарахались.

Всем было страшно. А ребята идут дружно, смеются. Как увидят парней в кожаных куртках рокеров или металлистов – тут же кидаются на них, начинается драка. Потом – врассыпную и обратно в Люберцы. Вот так время от времени стали совершаться наезды.

Затем появился Калининский проспект. Он в то время стал Меккой, где собирались «западники», как называл их Кузя. Вот туда частенько и стали наезжать любера. На Калининском чаще всего возникали драки, но позднее драки стали возникать и в парке Горького, неподалеку от Крымского моста.

Но нужно сказать, что ни металлисты, ни рокеры, ни прочие декаденты, как их называл Кузя, не сдавались. Они тоже умели драться и тоже могли постоять иногда за себя. Но все же любера были люберами.

Пару раз Валентина с Максом забирали и московские милиционеры. Там мусора тоже били их влегкую, время от времени оставляли ночевать в отделении. Иногда выпускали сразу.

Чуть позже такие поездки в Москву прекратились. За люберов серьезно взялась милиция. Сначала она просто снимала ребят с электричек, а затем в городе ввели милицейское патрулирование с овчарками.

Наступало лето. Валя подружился со своей одноклассницей. Катя давно нравилась ему. Как-то на одном из вечеров, куда он пришел с ребятами, он набрался смелости и подошел к ней. Они несколько раз танцевали вместе, потом он пошел ее провожать. Макс и другие ребята, с кем в последнее время тусовался Валентин, были очень удивлены. Они не ожидали такого поступка. Макс даже вечером вышел на разборку.

– Ты чего, парень, друзей предаешь? – сказал он Валентину.

– Каких друзей? – удивился Валентин.

– С девчонками ходишь!

– Она мне очень нравится, – честно ответил Валентин.

– И что, ты с ней дружить будешь? Смотри, Кузя узнает – недоволен будет.

– Послушай, почему ты меня все время Кузей пугаешь? – не сдержался Валентин. – Что, теперь я до конца жизни буду по Кузиной указке жить?

Макс удивленно смотрел на него, ничего не понимая.

Но однажды случилось ЧП. Пошли Валентин с Катей в кино на последний сеанс – около половины десятого. Они пошли в небольшой кинотеатр, который находился недалеко от их дома. Показывали любимый фильм Валентина – «Искатели приключений», французский, с Аленом Делоном в главной роли.

Валентин уже смотрел фильм два раза, теперь пошел в третий раз, чтобы его посмотрела Катя. После сеанса идут они по пустынной улице. Видят – какие-то ребята им навстречу, человек двенадцать. Но Валентин не волновался. Он знал, что существует правило: каждый называет свою принадлежность к группировке, и если между ними мирный договор, то их не трогают. Иногда встречались знакомые из других группировок, а это тоже гарантия неприкосновенности.

Но на сей раз пацаны подошли к ним вплотную. Увидев девчонку, они сразу заулыбались.

– Ну что, все решили? – сказали они, не объясняя, что это значит, и, схватив Катю, потащили ее в сторону подвала.

– Да вы что? – закричал Валентин, пытаясь отбиться от ребят, которые держали. – Я же из группировки Кузи! Я синий!

Но его никто не слушал. Вероятно, в планы ребят не входило протокольное знакомство и выяснение принадлежности к группировкам. Им нужно было просто затащить девчонку в подвал. Потом он слышал только крики Кати:

– Подонки! Пустите! Что же вы делаете? У меня папа милиционер!

Но все было бесполезно.

Валентин тоже ничем не мог ей помочь. Потом, когда ребята вышли из подвала и его отпустили, он рванулся в подвал и увидел: на грязной перине, брошенной прямо на пол, лежала обнаженная Катя. Кровь небольшой струйкой стекала по ее ногам. Она уже не плакала, а лежала не двигаясь.

– Уходи! Видеть тебя не хочу! – еле слышно сказала она и отвернулась.

Валентин вышел на улицу. Ему стало не по себе. Потом он очень долго переживал и думал, кто это мог сделать, но так этого и не выяснил.

После этой сцены встречаться с Катей он перестал, а спустя месяц, закончив восьмой класс, Катя перевелась в другую школу. Как Валентин слышал, ее семья даже уехала из этого города.

Так закончилась, не успев начаться, первая любовь Валентина…

Потом начались другие проблемы, и главная – арест Кузи. Его арестовали сначала якобы за угон автомашины, затем по подозрению в совершении убийства. Среди ребят ходили разные слухи, якобы какие-то уголовники, неоднократно сидевшие в зоне, наехали на Кузю и потребовали, чтобы он отчислял деньги группировки им, в так называемый воровской общак, да еще передал свою группировку в их распоряжение, а сам становился бригадиром. Кузя отверг такой наезд. Произошли какие-то терки. Говорили – правда, никто этого не видел, – что Кузя тяжело ранил одного из уголовников, чуть ли не смертельно. После

этого его и арестовали. Кузя находился под следствием, некоторое время проведя в одном из следственных изоляторов в отделении милиции.

Руководство группировкой взял на себя Рыжий. Седой лежал в могиле, тот черненький парень, который был третьим лидером, куда-то пропал. Говорят, его то ли убили, то ли сам он куда-то исчез.

Группировка стала разваливаться. Никакой дисциплины не стало, Рыжий увлекся спиртными напитками и девочками. Каждый день он участвовал в гулянках. Тогда он показывал свою власть над ребятами.

Несколько раз приходили весточки от Кузи, который требовал, чтобы группировка сохранилась и чтобы ему собирали деньги откупиться от мусоров, как писал Кузя. Деньги стали собирать в больших размерах.

Вскоре Кузя и в самом деле был освобожден. Первым делом после освобождения Кузя устроил грандиозную попойку. Он собрал всю группировку. Отмечали возвращение Кузи. Затем публично, в присутствии всех членов группировки, Кузя жестоко избил Рыжего за перегибы и за нарушение внутренней дисциплины. Он разжаловал его в рядовые.

В свою очередь, вместо Рыжего Кузя выдвинул в бригадиры Макса. Валентин давно видел, что Кузя достаточно тепло относится к Максу. Позже Валентин пытался проанализировать их отношения, но не мог их понять. Существовала какая-то внутренняя связь между Кузей и Максом. То ли Кузя опекал Макса, то ли Макс имел какое-то влияние на Кузю.

Потом наступили майские праздники. Валентин решил отдохнуть от дел группировки, тем более что никаких особых дел и не было. Бесцельное шатание по Москве, по Калининскому проспекту или по парку Горького с многочисленными драками Валентину порядком надоело. Тогда он и решил поехать с матерью в Москву, в Коломенское, покататься на теплоходе по Москве-реке.

Там, на теплоходе, они и познакомились с дядей Борей. Это был веселый мужчина лет сорока пяти. Одет он был в темную морскую форму с погонами. Он был работником то ли торгового, то ли пассажирского флота. Назвался старшим механиком теплохода «Шота Руставели», который только и делал, что находился в загранплавании.

Дядя Боря, познакомившись с Валентином и его матерью, долго рассказывал им про разные страны, про традиции, порядки. Потом стал угощать сначала мороженым, лимонадом, затем предложил зайти в кафе съесть по шашлыку. В общем, после этого первомайского праздника мать Валентина начала встречаться с дядей Борей. Сначала их встречи ограничивались посещением ресторанов и кафе, затем дядя Боря стал появляться и в их доме. К тому времени бабушка легла в больницу, правда, на короткое время.

Однажды вечером мать сказала:

– Валя, мне нужно с тобой серьезно поговорить. Дядя Боря тоже неплохо относится к тебе. Он меня любит, а я люблю его. В общем, ты не будешь возражать, если мы будем жить вместе?

Валентин растерялся. Но, с другой стороны, ему импонировало знакомство с дядей Борей. Он был не жадный человек.

Вскоре дядя Боря стал уходить в плавания, но его никто никогда не провожал. Нет, напротив, и Валентин, и мама очень хотели провожать и встречать его, но он говорил:

– У моряков это плохая примета. Я буду сам уезжать и сам возвращаться.

Никто никогда не знал, когда он вернется и когда уйдет в следующий рейс. Он неожиданно исчезал и появлялся. Единственное – появлялся он всегда с подарками. Всегда было очень много импортных вещей. Из первого рейса дядя Боря привез Валентину приемник фирмы «Сони», коротковолновый, с пятью диапазонами. Но особенностью этого приемника было то, что никакой коробки и описания не было. Дядя Боря объяснил, что это для того, чтобы таможню не проходить, мол, нельзя в упаковке провозить вещь, а так будто ты везешь

вещь и она уже побывала с тобой за границей. А если ты покупаешь ее там, то должен платить таможенные пошлины. Много вещей он привозил маме. Это была и импортная женская одежда, в основном японская и американская, кое-что из золотых украшений.

Происхождение золотых украшений советского производства дядя Боря объяснял тем, что многие вещи он покупал у спекулянтов в Одессе или менял на иностранные шмотки.

– Золото и в Африке золото, – шутил дядя Боря.

Кое-какие вещи он просил мать держать в квартире, завязывать какие-то коробки. У дяди Бори было уже два или три чемодана, набитых барахлом. Но в эти чемоданы никто никогда не лазил. Все считали, что это неприлично.

А потом произошел обыск. Просто в один из вечеров в квартиру позвонили. Мать была дома, открыла дверь. Вошли четверо – один милиционер, трое в штатском, из уголовного розыска. Они сразу предъявили фотографию дядя Бори.

– Где он? – спросили они.

– Не знаю, – ответила мать.

– А его вещи у вас хранятся?

Мать сразу вытащила все его вещи. Открыли чемоданы, а там и денег много, и золота, и разные дорогие шмотки. Оказалось, все это ворованное. Дядя Боря не был никаким моряком, а был квартирным вором, причем рецидивистом с большим сроком отсидки.

Но поймать его сыщикам так и не удалось. В тот вечер они объясняли матери и Валентину, почувствовав к ним расположение, что он имеет очень тонкое воровское чутье, заранее чувствуя, кто идет по его следу и где его ждет засада.

– Так что не волнуйтесь, – на прощание сказали милиционеры, – к вам дорогу он забудет. Береженого бог бережет. А нам, может, повезет, и мы все-таки его поймаем.

Но они ошибались…

Прошло еще два месяца после обыска в квартире Валентина, когда милиционеры вытащили все ворованные вещи дядя Бори. Валентин уже стал забывать о нем и думал, что тот никогда не появится. Единственное, что напоминало о нем, это три-четыре книги о карате, которые дядя Боря подарил ему, якобы привезенные из Японии. У Валентина не было сомнений, что ни в какой Японии дядя Боря не был, а книги так же, как и все остальное, были ворованными. Но книги по карате Валентин милиционерам отдавать не стал, а оставил себе. Теперь он вовсю занимался в подвале именно карате.

Занятия карате были в то время достаточно модным явлением. Но с 1978 года карате было запрещено, поэтому Валентин с Максом занимались самостоятельно. Занятия включали в себя в основном воспроизведение диаграмм – небольших фотоснимков, которые показывали упражнение первое, второе и так далее. Эти упражнения помогали отрабатывать тот или иной прием. Описание же было дано в основном на английском или японском языке. Но поскольку ни того ни другого ни Валентин, ни Макс не знали, им приходилось догадываться о смысле.

Пару раз в спортзал заглядывал Кузя. Увидев ребят, отрабатывающих тот или иной прием карате, он улыбался и подшучивал над ними. Кузя не воспринимал карате всерьез, считал, что это просто баловство, пустая трата времени, что пацаны скоро перестанут этим заниматься. Кузя больше уважал обычную уличную драку, так называемый кулачный бой.

Да еще в последнее время Кузя увлекся метанием пик, сначала сделанных из тонких надфилей, обточенных на токарном станке, с красивой пластмассовой ручкой. Таких пик у Кузи было несколько. Время от времени он приходил в спортзал, ставил к стене доску с начерченными на ней небольшими квадратиками и метал свои пики в эти квадратики.

После того как Макс был произведен в бригадиры, у них стали появляться денежки. Теперь основное распределение всех обязанностей, дежурств, тренировок, дел, сводив-

шихся к грабежам и кражам, замыкалось на Максе. Они с Валентином иногда гуляли по улицам, определяли тот или иной объект. Однажды Макс заметил киоск «Союзпечати», продававший газеты и журналы. Макс кивнул пацанам на этот киоск:

– Ну что, сегодня вечерком возьмете его?

Пацаны закивали головами. Они даже не обсуждали, стоит это делать или нет. Только Валентин, когда они с Максом остались вдвоем, сказал:

– Макс, зачем тебе нужен этот киоск? Что мы с него поимеем? Там вообще ничего нет, кроме журналов и газет. Ты что, читать их собираешься?

– Ладно, Сушок, – ответил Макс, – дело не в том, что мы возьмем, а дело в нашем участии. Кузя хочет, чтобы мы постоянно ходили на дело. Вот мы и возьмем этот киоск.

Валентину стало смешно. Да, взять киоск было нетрудно. Он стоял на отшибе, а фонари, которые освещали его веером, ребята накануне успешно разбили. Таким образом, киоск был полностью погружен в темноту.

И вот около одиннадцати вечера Валентин, Макс и еще двое ребят пошли на дело. Подойдя к киоску, они без труда маленьким металлическим ломиком взломали дверь и проникли внутрь. В темноте ничего не было видно. Тогда они нашли какой-то большой почтовый пакет, вероятно, для перевозки газет и журналов, и стали набивать в него все, что попадалось под руку: какие-то диафильмы, книжки, значки, журналы. Были там и сигареты. Им отдавалось предпочтение. Кто-то из ребят сказал:

– Ну вот, теперь братве курева хватит надолго!

Наконец, когда ребята полностью заполнили пакет и уже хотели уходить, они неожиданно услышали шум машины.

– Шухер! Мусора! Уходим! – крикнул Макс.

Ребята выбежали из киоска. Теперь Валентину было хорошо видно, как четыре мощные фары светили в их сторону.

– Стоять! Стрелять будем! – раздались крики. Не было сомнения, что это мусора. Тут же на машине заработал синий маячок. Теперь, по заранее выработанным правилам, все должны были разбежаться в разные стороны.

– Уходим! – еще раз сказал Макс.

Валентин побежал, три пацана тоже рванулись в разные стороны. Валентин обернулся и заметил, как милицейский «газик» поехал именно за Максом. Потом, когда он добежал до дома, то долго ждал Макса у подъезда, но тот не появлялся.

«Может быть, Макс водит мусоров за собой? – подумал Валентин. – Нет, Макс должен был скрыться! Скорее всего он убежал. А может, он решил не возвращаться домой?»

На следующее утро в дверь позвонила мать Макса.

– Валя, а где Максим? – спросила она. – Вы вчера с ним вместе гуляли?

Валентин не знал, что ему ответить. Он молча пожал плечами.

– Да он, наверное, с ребятами где-то остался ночевать.

– Ой, я так волнуюсь! – сказала мать Макса. – Чувствую, беда с ним случилась!

Когда Валентин пошел в школу, он чувствовал себя не в своей тарелке. Со второго урока он ушел, так как не мог сидеть спокойно, а все время думал, где Макс.

Только ближе к обеду Валентин пришел домой, тогда же на перерыв заскочила мать.

– Максимку в больницу привезли! – сказала она.

– В какую больницу? – не понял сначала Валентин.

– Да рядом с нами городская больница, – стала объяснять мать.

– Откуда ты знаешь?

– А я еще утром узнала. Наши рассказывали – его избитого привезли к нам, чтобы засвидетельствовать побои. Потом какие-то милиционеры приходили, и потом повезли его в больницу.

Валентин решил пойти проведать друга и узнать, что произошло. Нашарив в карманах мелочь, он купил сиропа в стеклянных бутылках, печенья и немного конфет, сложил все аккуратно в кулек. С этой передачей Валентин подошел к больнице.

Но в больницу ему пройти не дали, так как не было приемных часов. Поскольку все палаты мужского и детского отделений находились на втором этаже, то Валентин осторожно поднялся по трубе к окнам и постучал в палату. В окно выглянул мужчина в синем халате.

– Макса сегодня привезли. Где он? – спросил Валентин.

– Макса, Макса, – как бы раздумывал мужчина. – Сейчас пойду узнаю.

Валентин остался висеть на трубе. Вскоре мужчина снова выглянул в окно.

– Паренек, он в шестой палате.

– А где шестая палата?

– Через пару проемов. Да ладно, что ты, залезай сюда!

Валентин залез в палату и, накинув лежащий на стуле белый халат, осторожно пошел по коридору. Он открыл дверь палаты и заметил, что палата была рассчитана человек на двенадцать, но лежало там от силы шестеро. Койка, на которой лежал Макс, весь перебинтованный, стояла около окна. Валентин подошел к нему.

– Макс, что с тобой?

– Они меня били, и очень жестоко, – еле проговорил Макс.

– Кто они?

– Менты.

Из короткого рассказа Макса Валентин узнал, что милиционеры все же задержали его, привезли в отделение милиции и стали бить, требуя, чтобы он назвал сообщников. Но он никого не выдал. Тогда, сильно избив, милиционеры вывезли его к тому же месту, где взяли, и выбросили из машины. Утром Макса подобрали первые прохожие и доставили в травмпункт.

Туда пришли другие милиционеры, стали снимать показания по поводу избиения. А что Макс мог им сказать? Дяденьки, ваши коллеги меня избили? Да кто ему поверит? Он побоялся. Так и списал все на враждующую группировку, не сказав при этом ее названия.

Макс пролежал в больнице две недели. Каждый день Валентин приходил к нему. Приходили навещать его и другие ребята. Под самую выписку появился Кузя. Он принес кое-какие продукты и передал Максу деньги, как он сказал, на лечение.

Вскоре Макс вышел из больницы. Однако быстро передвигаться и бегать он не мог, поэтому ходил достаточно медленно. Ребята сделали ему что-то вроде тросточки, на которую он опирался. Но с бригадирства Макса никто не снимал. Наоборот, авторитет его очень возрос. Теперь он был как бы настоящим бойцом, выдержавшим избиение мусоров. А это котировалось по высшему разряду.

Прошел еще один месяц. И тут как-то, когда Макс уже практически полностью выздоровел, Валентин решил просто погулять с ним по Москве, безо всякой цели. Надев свои клетчатые брюки и одинаковые куртки, которые они купили вместе с Максом у одного подпольного цеховика, шившего их, в кепках, они поехали в город. Сначала ехали на электричке, потом проехали несколько остановок на автобусе, конечно, без билета. Вскоре они нарвались на контролеров. Контролеры побоялись с ними связываться. О люберах по Москве уже ходили легенды, поэтому контролеры сделали вид, что просто не заметили их. Максу и Валентину это было очень приятно. Они наслаждались своей смелостью и авторитетом – даже контролеры к ним не подходят!

– Ну что, пойдем на Калининский? – предложил Макс.

– Зачем? Там же эти, враги наши – панки, металлисты, еще зацепимся, а нас с тобой только двое.

– Да ладно, – махнул рукой Макс, – мы трогать никого не будем. Они обычно к нам не пристают.

Скоро они добрались до Калининского проспекта. Им очень нравилось бывать там. Во-первых, проспект был очень широким. На нем находилось огромное число всевозможных кафе, и там продавалось очень вкусное мороженое.

Посидев в кафе-мороженом некоторое время, ребята уже хотели уходить, как неожиданно Валентин заметил в дверях знакомую морскую форму. Он вгляделся. Бог ты мой! Да это же дядя Боря! Он шел под руку с какой-то достаточно интересной женщиной и что-то ей говорил. Валентин пристально смотрел на него. Дядя Боря почувствовал его взгляд. Он внимательно посмотрел на Валентина, узнал его и подмигнул: привет, парень! Помалкивай!

Валентину было неприятно. Он хотел подойти к нему, но потом подумал: не буду.

В этот вечер ничего особенного не произошло, никаких драк не было. Металлисты, встречавшиеся им, делали вид, что не замечают Макса с Валентином. Они расступались и давали им пройти.

– Видишь, как они нас уважают! – говорил Макс, гордо распрямляясь.

– Конечно, очень хорошо вижу, – отвечал Валентин. – Только все это мне надоело.

– Что тебе надоело?

– Надоело это бесцельное шатание, эти драки. Кому они нужны?

– Ты что? Мы закаляемся, мы себя готовим!

– К чему мы себя готовим?

– Ну, к серьезным делам. Понимаешь, скоро мы будем в городе самыми сильными. Вот только «Теплоцентраль» побьем – и будем самые сильные!

– И что, в этом смысл нашей жизни? – с иронией сказал Валентин. – Знаешь, я давно хотел тебе сказать. Я в секцию записался.

– В какую секцию?

– Самбо. Буду ходить во Дворец спорта, самбо заниматься.

– Это которая в клубе находится?

– Да, там тренер новый пришел, я у него буду заниматься.

– И охота тебе? – недоверчиво проговорил Макс.

– Макс, может, вместе пойдем?

– Не могу, дел много, сам понимаешь! Группировку надо тащить. Кстати, а кто тебя отпустит, дружище? – ехидно поинтересовался Макс.

– А я уже с Кузей говорил. Кузя меня отпускает.

– Кузя тебя отпускает? – недоверчиво переспросил Макс.

– Да. А ты что, против? Ты же мой друг!

– Да ладно, конечно, отпущу!

Через несколько дней Валентин стал вовсю заниматься самбо. Занятия ему очень нравились. Во-первых, они были легальными, не нужно было ни от кого прятаться. Во-вторых, с каждым занятием он постигал все новые и новые приемы и становился сильнее. Он чувствовал свое превосходство. Теперь он мог спокойно победить того же Макса, который был значительно сильнее и крупнее его. Но главное было другое. Теперь он занимался физической подготовкой в нормальном спортивном зале, не то что в грязном подвале. И впереди были соревнования. А на соревнованиях Валентин все чаще стал побеждать.

Занятия самбо постепенно отдалили его от активной жизни группировки.

За это время посадили троих ребят за групповое изнасилование, вкатив каждому по пять-шесть лет. Чуть позже посадили еще троих – за драки, которые они учинили возле школы, разбираясь со своими сверстниками. Да и то посадили только потому, что двое школьников получили серьезные травмы, а это автоматически означало уголовное дело. Еще

одного паренька посадили за неудавшуюся кражу – он залез в квартиру и попался. Постепенно группировка теряла своих членов.

В один из дней и Валентин испытал потрясение. Вернувшись с тренировки домой, он заметил, что дверь открыта. Войдя в квартиру, он увидел лежащую на кровати мать в порванной одежде. Она плакала. В другой комнате лежала парализованная бабушка, которая выла в голос.

– Что случилось? – подбежал к матери Валентин. – Мама, кто тебя так избил?

– Борис приходил, – еле выговорила сквозь слезы мать, – деньги требовал. Он меня избил.

Но Валентин понимал, что мать была не только избита, но и изнасилована в грубой форме, в присутствии парализованной бабушки, которая лежала за стенкой.

Через два дня бабушка умерла. Мать была в трансе.

Валентин после этих событий поклялся найти дядю Борю и расквитаться с ним за то, что он сделал. После тренировок теперь он выезжал в Москву, ходил по Калининскому проспекту, искал дядю Борю по кафе. Уже кое с кем из металлистов и панков, бывших своих врагов, он подружился. Они приветливо здоровались с ним, но никакой информации о Борисе у них не было. Тот как сквозь землю провалился.

Однажды, когда Валентин стоял на автобусной остановке, в очередной раз собираясь в Москву, кто-то неожиданно схватил его за руку. Валентин обернулся. Сзади стояли Макс и Кузя.

– Ты куда, парнишка, собрался? – спросил Кузя, пристально глядя ему в лицо.

– В Москву.

– Зачем? Что-то ты часто туда стал ездить, – с недоверием сказал Кузя. – А ну, пойдем! – И он потащил Валентина за собой.

Все молча шли к деревянному бараку, где находилась так называемая «малина» Кузи. Потом они вошли в комнату. Там никого не было.

Сев за стол, Кузя предложил сесть Максу и Валентину.

– Ну, Сушок, рассказывай, зачем в Москву мотаешься. Какие у тебя там дела? – спросил Кузя, внимательно глядя в глаза Валентину.

– А ну, рассказывай всю правду, без утайки! – добавил Макс.

Валентин посмотрел на них.

– Если хотите знать всю правду, то слушайте! – И он выложил все про дядю Борю – про вранье относительно его работы на теплоходе, про барахло и самое главное – про последнее происшествие. Когда Валентин рассказал про смерть бабушки, Кузя не выдержал.

– Убью падлу! – сказал он, сжав кулаки и изо всей силы ударив по столу. – Найду и убью!

Валентин облегченно вздохнул. У него потеплело на душе. Теперь у него появились союзники.

– Но как же ты его найдешь, Кузя? – спросил он.

– Это уже мои проблемы. Я найду гада! Из-под земли достану!

Валентину стало очень приятно. Выходит, принцип, о котором говорили раньше – один за всех и все за одного, – реально действует!

Через несколько дней Валентин через посыльного Чижика – было в группировке несколько таких ребят, которые еще не были полноправными членами группировки, а исполняли роль курьеров, – получил информацию, что дома его ждет Кузя. Валентин тут же побежал домой.

Кузя сидел за столом очень довольный.

– Ну что, говорил же я, что найду его! – сказал он. – Вот я и нашел твоего дядю Борю! Только маленькая неувязочка. Не дядя Боря он совсем.

– А кто же?

– Кеша, Кеша Воронежский.

– А он говорил – дядя Боря.

– Да ладно тебе, – Кузя махнул рукой, – совсем ты наивный! У них столько кликух и погонял!

– А как же ты его нашел? Может, это и не он?

– Он, он! – твердо сказал Кузя. – Я его через барыг нашел.

– Через кого?

– Ну, через тех, кто краденое скупает.

– А откуда ты их знаешь?

Кузя посмотрел на Валентина и засмеялся:

– Ты думаешь, что я все вещички, которые вы с дела притаскиваете, у себя дома храню? Я их переправляю тем же барыгам, как и этот Кеша. Кстати, он форточник.

– Что значит форточник? – спросил Валентин.

– Точнее, раньше был им. Это тот, кто в квартиры через форточки проникал. А потом, говорят, в тюрьме его порезали, и он сноровку потерял. Теперь ключиками занимается – подбирает ключики, отмычки, где двери слабенькие, и попадает в квартиру.

– А как мы его встретим?

– Два раза в неделю они встречаются в одном кафе на улице Горького, кстати, в Москве, – сказал Кузя. – Напротив Центрального телеграфа есть такое кафе, «Север» называется. Вот там с восьми до девяти вечера они и встречаются с такими же карманниками – информацией делятся, разговаривают, барыгам кое-какие товары предлагают.

– И что? И барыги ходят на такие встречи?

– Да. С помощью такого барыги я и узнал про твоего дядю Борю.

– А как же он тебе выдал такую информацию? Это же в их мире может смертью пахнуть, – неожиданно вступил в разговор Макс.

Кузя улыбнулся.

– Конечно, так я этому барыге и сказал, чего хочу! Деньги, сказал, хочу получить с Кеши.

– Деньги? – переспросил Макс.

– Сказал, что мы с ним в карты играли и что он мне проиграл и деньги должен, а теперь от меня прячется.

– И барыга тебе поверил?

– А ему какое дело! Главное – хорошую легенду придумать, чтобы, если что, ее на воровском сходе спокойно скушали. А все стрелки на меня переведут. А у меня претензии, большая предъява к твоему дяде Боре! Ну что, завтра четверг, поедем в Москву, с твоим Борей разбираться! – Кузя еще раз изо всей силы ударил кулаком по столу.

В Москву решили ехать втроем – Кузя, Макс и Валентин. При-ехав на знакомый вокзал и сев в метро, все молчали. Валентин думал, что будет делать, когда увидит этого Борю-Кешу, и как он с ним будет рассчитываться. Кузя словно прочел его мысли и хлопнул Валентина по плечу:

– Не дрейфь, пацан!

Уже когда они выходили из метро, Кузя протянул Валентину странный предмет с дырочками.

– Что это? – спросил Валентин.

– Кастет. Нанесешь два удара, – и Кузя показал, в какие места нужно бить.

– Зачем я буду его бить кастетом? – спросил Валентин. – Я же несколько болевых приемов знаю.

– И что в итоге получится? Ты руку ему сломаешь, которая через месяц заживет? А так метку ему оставишь на лице, да причем серьезную, – и Кузя показал на острые пупырышки кастета.

Взяв кастет в руки, Валентин крепко сжал его. Ребята остановились недалеко от кафе. Дальше идти они не рискнули, так как понимали – в кафе собирается публика блатная, которая моментально их раскусит. И тут может работать беспроволочный телеграф.

Ждать им пришлось недолго. Минут через сорок кафе стало заполняться странными людьми. Все они были как бы одного размера – невысокие, худощавые, ни одного полного, все в коротких пальто, обязательно в кепочках. Затем стали подъезжать более полные лысоватые мужчины, многие были похожи на татар. Вероятно, это были барыги, скупщики краденого. Вся эта тусовка – а ребята хорошо видели зал кафе через прозрачную витрину – проходила странным образом. Все сидели за своими столиками, попивали напитки. Время от времени люди переходили от одного столика к другому, о чем-то разговаривали, потом возвращались на свои места. Это и был так называемый воровской сход, сход квартирных воров.

– Говорят, – прошептал Кузя, – что по средам тут карманники встречаются и прочие блатные.

Но Валентину сейчас было не до карманников. Главное для него было – найти дядю Борю. Тот еще не появился.

Вскоре Валентин заметил, что в дверях мелькнула знакомая фигура. Вернее, он узнал не фигуру, а походку. Дядя Боря, он же Кеша, шел вразвалочку. Он был в демисезонном пальто, без морской формы. Кепка была надвинута на глаза.

Боря подошел, с кем-то поздоровался, проходя между столиками, наконец подошел к крайнему столику. Там его ждали двое мужчин. Валентину даже показалось, что они чем-то похожи на Борю. Поздоровавшись с ним за руку, они стали ему что-то говорить. Причем Валентин обратил внимание, что они что-то шептали друг другу на ухо, прикрывая при этом губы ладонью.

– Что это они так? – спросил Валентин у Кузи.

– Информацией обмениваются, – ответил Кузя тихо.

– А почему ладонью закрываются?

– А если сыщики где-то рядом тусуются? Чтобы никто не смог по губам ничего прочесть. Это все блатные приемы. Ну что, пацан, с богом? Иди, не бойся. Мы тебя подстрахуем.

Макс кивнул головой. Валентин знал, что у того под курткой была спрятана металлическая дубинка, сделанная из стальной трубки, наполненной свинцом, специально изготовленная для драк. Дубинка была на хорошей резинке, чтобы ее можно было перекидывать из одной руки в другую, не уронив при этом.

Валентин медленно направился к столу. Когда до дяди Бори оставалось совсем немного, Валентин с ужасом понял, что ему будет очень трудно с ним справиться, несмотря на то, что он знает несколько приемов самбо и в руках его зажат кастет. Вся трудность в том, что дядя Боря в два раза выше его, то есть если Валентин взмахнет рукой, то сможет достать только до шеи, до лица не дотянется. Что же касается дяди Бори, то ему достаточно ударить Валентина кулаком сверху по голове, и тот может упасть.

Но отступать было поздно. Люди, сидящие за столом с дядей Борей, уже заметили Валентина и смотрели, как тот постепенно приближается. Когда он поравнялся с ним, какой-то тощий парень, стоящий рядом, писклявым голоском спросил:

– Фраерок, чего тебе тут надо?

Но Валентин выставил руку вперед и, указав на Борю, сказал:

– Гад!

Замахнувшись изо всей силы, он нанес сильнейший удар. Но дядя Боря почувствовал приближение удара и отвел его. Он пришелся по соседу, сидевшему рядом. Тот отскочил.

– Ты что, паскуда, делаешь? – закричал Боря-Кеша. Все обернулись на крик. – Ты что, пацан? Ты меня с кем-то перепутал! – И изо всей силы оттолкнул Валентина. Он отлетел в угол. Когда Валентин падал, кастет вылетел из руки и покатился по полу. Кто-то из квартирных воров быстрым движением ботинка ударил по нему так, что кастет полетел в сторону стойки. С ним можно было проститься.

Валентин вскочил, сжал кулаки и пошел в сторону дяди Бори. Тот, в свою очередь, уже занес свой мощный кулак и хотел уже ударить Валентина, как вдруг неожиданно между ними оказался Кузя.

Дальше Валентин ничего толком не разобрал. Он только видел, как Кузя раз за разом ударял своим кулаком в грудь, живот, шею дяди Бори-Кеши, который медленно опускался на пол. Валентин знал, что в руках Кузи ничего не было, но кровь уже просочилась сквозь одежду Бори-Кеши. Кузя же продолжал наносить удары и только говорил при этом:

– Вот тебе, гад! Вот тебе!

Валентин посмотрел на лицо Кузи. Лицо было каким-то звериным. Он уже потерял контроль, видел перед собой только одну цель, которую надо добить. А его противник медленно опускался на пол, ничего не говоря. Наконец он просто рухнул как мешок.

Позже на его теле насчитают двадцать три ножевых ранения…

Тишина, воцарившаяся в кафе, была недолгой. Послышался шум в подсобке, и из двери почти одновременно выскочили несколько человек с пистолетами на кожаных шнурках.

– Всем стоять, господа жулики! Оставайтесь на местах! Московский уголовный розыск! – раздался громкий голос.

В кафе началась паника. Кое-кто пытался рвануться к входным дверям, но их тут же остановили. Послышался грохот. Кто-то второпях стал сбрасывать улики: на каменный пол полетели финки, ножи, пики, кастеты, какие-то деньги, золотые часы – все, что могло быть использовано против жуликов в качестве улик. Все стали сгребать это в одну кучу.

В кафе влетели еще люди. Это были дружинники с красными повязками на рукавах. Теперь все обитатели кафе были поставлены вдоль стен. Также к стене были поставлены и Валентин с Максом. Что же касается Кузи, то он уже лежал на полу, а над ним стояли два оперативника. Один из них держал в руках наведенный на Кузю пистолет. Другой аккуратно, с помощью салфеток, укладывал в полиэтиленовый пакет пику с пластмассовой ручкой, которой Кузя только что убил Кешу.

Вскоре появился фотограф, приехали несколько милицейских машин. Всю компанию стали грузить в «воронки». Валентина и Макса посадили вместе со всеми. Кузю же увезли отдельно, предварительно надев на него наручники.

Всю ночь Валентин с Максом провели в отделении милиции. Оно было расположено на Пушкинской площади. С них снимали показания. Особенно интересовались Валентином, его отношениями с погибшим Кешей. Но он не хотел распространяться на эту тему. С точки зрения закона ни Макс, ни Валентин не преступали принятых норм, и никаких претензий со стороны милиционеров к ним не было. Ни драки, ни хулиганских действий никто не мог им инкриминировать. Их просто пытались опросить как свидетелей. Но ребята стояли на своем – ничего не знаем, ничего не видели. А что касается Кузи, то его сразу повезли на Петровку, 38, на усиленный допрос. Туда же отвезли несколько жуликов и барыг, к которым уголовный розыск имел особые претензии.

На следующий день Валентин с Максом были выпущены из отделения. Однако в этот же день к ним домой пришел участковый инспектор и так же подробно заполнял анкеты

и бумаги. Макс с Валентином находились под так называемым милицейским надзором за несовершеннолетними.

Про Кузю ничего слышно не было…

…Суд начался. В комнату ввели Кузьмина. Кузя очень изменился. Он похудел, его наголо остригли. На нем были свитер с оленями явно с чужого плеча, темные брюки. Увидев ребят, он сцепил руки – одна была в наручнике, поднял их над головой и показал – я с вами, ребята!

Весь суд Кузя держался молодцом. Он не только не раскаивался, а, наоборот, говорил, что слишком легкой смертью умер этот подонок. Что же касается мотива убийства, то Кузя сказал, что погибший проиграл ему в карты крупную сумму, а деньги отдавать не собирался.

Судья была шокирована таким ответом.

– И что же, из-за карточного долга можно убить человека?! – спросила она. Ей было не понять сложного мужского характера.

– А как вы думаете, как я пацанам после этого в глаза смотреть буду? – улыбаясь, сказал Кузя, глядя в зал.

Ребята смотрели на Кузю завороженно, словно на героя. Вот парень убийство совершил, срок ему немалый светит, в колонию пойдет, тем более в колонии для детей ему сидеть только год, а потом переведут к взрослым, а как держится!

Как ни странно, суд не интересовался прошлым дяди Бори-Кеши, словно бы и не знали, что это был рецидивист, квартирный вор, имевший несколько судимостей. Это суд совершенно не интересовало. Для них в данный момент это был обычный человек, погибший от рук малолетнего убийцы. А убийца – циник, нанес двадцать три ножевых ранения только за то, что погибший не смог вовремя отдать карточный долг! Примерно так понимался мотив убийства.

Потом был приговор.

– Встать! Суд идет! – И далее: – Признать Михаила Кузьмина виновным в совершении тяжкого убийства, квалифицировать его действия по 102-й статье Уголовного кодекса, по пунктам… Назначить меру наказания в виде лишения свободы с отбытием в колонии усиленного режима сроком девять лет.

– Девять лет! Сколько же Кузе будет тогда? – стали подсчитывать ребята.

– Двадцать четыре года, – сказал Макс, – а может, и раньше выйдет.

Первый год Михаилу Кузьмину придется отбыть в колонии для несовершеннолетних, с последующим переводом во взрослую колонию.

Когда ребята вышли из зала суда, они махнули рукой:

– Все, потеряли Кузю! Не будет больше его! Живым из зоны не вернется! Девять лет – это же целая вечность! – говорили ребята, обмениваясь впечатлениями, когда возвращались домой.

Глава 4
Адвокат

Москва, август, 1998 год

Повернув машину, я направился в сторону Москвы. День был сломан. У меня было назначено несколько встреч. Не помню, как провел их, скорее всего с каким-то безразличием. А клиенты всегда чувствуют настроение адвоката. Некоторым я сказал, что мне, возможно, придется уехать в командировку, и порекомендовал им своих друзей – коллег-адвокатов, которые могли бы заменить меня.

После встреч я вернулся в консультацию. Там я переговорил с несколькими знакомыми адвокатами и предложил им заменить меня по некоторым уголовным делам. Коллеги согласились. Сейчас время трудное для всех, в том числе и для адвокатов, поэтому каждый старается нахватать побольше дел. Записав данные моих клиентов, сделав кое-какие замечания о том, что сделано, а что предстоит сделать, я решил, что покончил с этой суетой. В конце концов, от многих дел я освободился. Но тут же поймал себя на мысли: а может, я зря это сделал? Может, его уже и в живых нет? Но вряд ли они на это пойдут. Хотя всякое бывает. Потом скажут – погиб при перевозке, при попытке к бегству. Я даже представил, как бедного Валентина вытаскивают из машины и говорят: беги. Валентин не хочет. Тогда кто-то стреляет ему в затылок и в спину, труп выбрасывают в канаву. Это так называемая инсценировка побега. Да ладно, что-то целый день сегодня мрачные мысли в голову лезут!

Я быстро набрал номер телефона Паши, чтобы узнать, как у него дела. Мобильный долго не отвечал. Наконец Паша снял трубку.

– Привет, Паша, как дела? Где ты находишься?

– Я сейчас в банке. А ты где?

– На работе.

– Ты уже его покинул? – Паша намекал на Валентина.

– Конечно. Его уже повезли в тюрьму. Но возникли проблемы…

– Погоди, не будем по телефону об этом, – остановил меня Паша. – При встрече поговорим. Да, самое главное. Тебя его жена, Жанна, разыскивает.

– И что, найти не может?

– Нет. Что у тебя с телефоном?

– С телефоном? – я посмотрел на индикатор. – А, просто батарейка разрядилась.

– У тебя есть запасной блок? Или, в конце концов, воткни в прикуриватель автомобиля. Она никак дозвониться до тебя не может.

– Хорошо, так и сделаю, – ответил я и тут же спустился вниз, к машине. Открыв бардачок, стал нащупывать шнур. Как назло, шнур был от другого телефонного аппарата. Я начал злиться на себя – надо же, когда спешишь, не найдешь нужный шнур! Кто же взял его у меня? Может, где-то оставил? Может, из другой машины разговаривал? Наконец я бросил взгляд на прикуриватель. Шнур торчал там. «Вот те на, – улыбнулся я, – совсем я заработался, шнура перед самым носом не вижу!»

Я быстро воткнул шнур в мобильник и включил его. Не прошло и минуты, как раздался звонок.

– Алло, слушаю!

– Это Жанна, – услышал я приятный женский голос. – Мне нужно срочно с вами поговорить. Где вы находитесь?

– Я в центре, на работе.

– Вы знаете такое место? – Жанна назвала известное кафе.

– Конечно, знаю.

– Через сколько вы можете там быть?

Я взглянул на часы.

– Минут через двадцать.

– Я могу немного опоздать. Тогда, пожалуйста, сядьте за столик, попейте кофе. У меня очень важный разговор.

– Конечно, подожду, – сказал я и нажал на кнопку «Конец разговора».

Через двадцать минут я уже был в одной из центральных гостиниц. Вошел в уютное кафе, сел за столик, заказал кофе с пирожным. Время от времени я поглядывал на входную дверь. Но Жанны еще не было.

Вскоре в дверях мелькнула знакомая фигура. Теперь я постарался повнимательнее рассмотреть ее. Жанне было около двадцати пяти лет. Небольшого роста, с темными волосами, голубыми глазами, тонкие черты лица. Никакой косметики я не заметил. Жанна была в кожаной куртке, наброшенной на плечи косынке и, что самое примечательное, в темных очках. «Странно, – подумал я, – время уже к вечеру, да и погода пасмурная. При чем тут темные очки? Зашифровалась».

Жанна подошла, приветливо улыбнулась мне и села за столик.

– Телефон у вас с собой? – спросила она.

– Да, – удивленно ответил я, не понимая цели ее вопроса.

– Вы можете его выключить?

Я нажал на кнопку выключения – все равно батарейка села.

Жанна тут же вытащила из своей сумочки крохотный телефон фирмы «Эрикссон» и выключила его.

– Что это за конспирация? – поинтересовался я.

– А вы разве не знаете, что с помощью таких телефонов можно прослушивать все разговоры, которые ведутся не только по телефону, но и возле него?

Я сделал удивленные глаза.

– Первый раз слышу об этом.

– Ладно, не об этом сейчас, – махнула рукой Жанна. – В общем, Валю сегодня повезли.

– Куда его – в Матроску или в Бутырку?

– Даже близко нет. В Коломну повезли.

– В Коломну? Почему?

– Он же числится за областью, – сказала Жанна, – а всех, кто числится за областью, везут в областные изоляторы.

Коломна. Я пытался вспомнить, в каком она направлении находится.

– Его сначала хотели в Ногинск отправить.

Я осторожно спросил:

– А с ним все нормально?

– Все в порядке, уже довезли.

– Эти сведения точные?

– А что вы имеете в виду? – насторожилась Жанна.

И я рассказал ей обо всех своих сегодняшних «заморочках» с братвой. Жанна внимательно выслушала меня.

– Да, Валентин предупреждал об этом, – сказала она, – поэтому мы приняли меры предосторожности. Валентин обговорил с вами условия вашей работы?

Я кивнул головой.

– Вот это для вас, – и Жанна вытащила толстый пакет, в котором, как нетрудно было догадаться, лежали деньги. Я положил его в карман.

– Там, может быть, немного больше, – сказала Жанна, – это на непредвиденные расходы. Да, каковы ваши планы по его защите?

– Пока говорить об этом рано, – ответил я, – надо дождаться результатов экспертизы. Будут две экспертизы – по его одежде, по ножу, по группе крови и пальчики.

– Что значит пальчики?

– Ну, его пальчики прокатали, – ответил я. – Теперь отпечатки будут искать на месте совершения преступления.

– Да, я хотела сказать вам самое главное, – неожиданно сказала Жанна. – Перед тем, как его арестовали, то есть сегодня утром, был обыск. Они там кое-что изъяли у него. И вот какое дело. Валя в костюме был, в котором на встречу ездил, у него этот костюм потом изъяли. А вот ботинки, в которых он был, совсем другие. Что мне теперь с теми ботинками делать?

«Вот это да, – подумал я, – интересная ситуация! Получается, что я как адвокат должен участвовать в сокрытии улик?» С другой стороны, эти ботинки могут быть самым главным доказательством, куда он ходил. По следам это легко определить.

Я пожал плечами.

– Он умышленно надел другие ботинки?

– Я думаю, да.

«Так, вероятно, у Валентина есть какая-то причастность к этому убийству, – подумал я, – если он сменил ботинки». Я выдержал паузу. Конечно, с одной стороны, адвокат тоже слуга закона. Нельзя нарушать закон. Но, с другой стороны, давать советы, ухудшающие положение своего клиента, я тоже не мог. Лучше промолчать.

Я пожал плечами и повторил:

– Не знаю. Делайте как хотите.

Жанна понимающе кивнула головой, показывая, что поняла смысл моих слов.

– И еще вот что, – сказала она. – Вы говорили, что эти записали номер вашего мобильного телефона.

– Да, записали, – кивнул я головой.

– Вы отключите его и больше им не пользуйтесь. А я привезу вам новый. И самое главное… – Жанна посмотрела на дверь и внезапно умолкла.

В зал кафе, где мы сидели, вошел Паша. Он был встревожен. В руках у него были какие-то папки с бумагами. Он быстро подбежал к нашему столику и, поздоровавшись, сел на стул. Он тяжело дышал.

– Ты что, бежал? – спросил я.

– Можно сказать, да, – ответил Паша.

– Ну, как дела?

– Был я в банке, – начал Паша. – Там творится что-то невообразимое.

– Что случилось?

– Каким-то образом в банке узнали об аресте Валентина. Сейчас нагрянула налоговая полиция, УБЭП.

– А это что такое? – спросила Жанна.

– Это то же самое, что раньше ОБХСС.

– А этим-то что нужно?

– Спроси у них! Налоговая инспекция района, все с проверками. Московский РУОП приехал. Но самое главное не это. В банк хлынула клиентура.

– Каким же образом они узнали обо всем случившемся?

– Нетрудно догадаться, – сказала Жанна. – Утечка информации. Может, от охраны волна пошла, может, еще от кого.

– Короче, – продолжил Павел, – приехали кредиторы, все Валентина требуют.

– При чем тут Валентин? Есть же президент! – сказала Жанна.

– Жанночка, милая, ты же знаешь, что президент уже второй месяц в Ницце отдыхает! В последнее время всем заправлял Валентин. Теперь вот его и ищут. Причем ищут достаточно активно.

– В каком смысле?

– Приехали бизнесмены, предприниматели, с ними «крыши», мыши, – развел руками Паша. – В общем, нам сейчас, как я считаю, в городе появляться опасно.

– Почему? – переспросил я.

– Как же, коллега, ты ведь, насколько мне известно, тоже засветился!

Я сделал удивленные глаза:

– В каком смысле?

– Город наш хотя и большой, но на самом деле для определенного круга достаточно маленький. Так что ты засветился, и крупно.

– И что нам теперь делать? – спросила Жанна.

– Все устроено, – Паша похлопал себя по карману. – Я заказал нам три номера в одном уютном пансионате. Кстати, он находится недалеко от тюрьмы, где содержится наш любимый Валентин. А что вы сидите всухомятку? – сменил тему Паша. – Может быть, выпьем?

Я пожал плечами:

– Не хватало нам еще выпить и попасться гаишникам! Я пас.

– Я тоже не буду, – сказала Жанна.

– А я не могу удержаться, – сказал Паша. – Тем более в последнее время я с водителем. – И он подозвал к столику официанта, заказав себе виски. – Да, вот еще что, – сказал Паша, – все необходимые документы, которые Валентин просил вывезти, я вывез, – и он похлопал по стопке папок, лежавших на столе. – Так что пускай теперь ищут!

– А почему его все ищут? – спросил я.

Паша удивленно взглянул на меня.

– Ты что, забыл? Валентин – банкир, у него были большие связи. В его банке многие известные люди хранили свои деньги.

– И известные фирмы, – добавила Жанна.

– Да, и известные фирмы. А затем, 17 августа, ГКО лопнули…

– А он что, в ГКО играл? – спросил я.

– А кто его спрашивал? Его заставили это делать.

– И что теперь? Большие цифры?

– Да, очень большие, можно сказать, астрономические, – Паша уже держал в руках принесенный напиток.

Мне стало не по себе.

– А эти люди такого не прощают, – продолжил Павел. – Теперь все хотят Валентина видеть. Можно сказать, – невесело улыбнулся он, – Валентину в какой-то степени повезло.

– Ничего себе повезло! – всплеснула руками Жанна. – Мой муж подозревается в убийстве, а его адвокат говорит, что ему повезло!

– Жанночка, я же пошутил! – сказал Паша. – Давайте не будем терять времени. Надо перебираться в пансионат. У тебя остались какие-то дела?

– Нет, – сказал я. – Вроде бы все разгреб. Домой хотелось бы заехать, что-нибудь взять с собой. Кто знает, сколько я в бегах буду!

– Коллега, – поправил меня Паша, – мы не в бегах, мы в подполье.

– Все равно. Ладно, давай адрес твоего пансионата. Я запишу, – и я достал из бокового кармана записную книжку с ручкой. – Вечером приеду. Соберу дома кое-что необходимое и сразу туда.

Паша продиктовал адрес пансионата. Мы попрощались, я сел в машину и поехал домой.

На сборы необходимых вещей у меня ушло около сорока минут. Упаковав спортивную сумку, взяв кое-какие бумаги, я вышел на улицу. Осмотрелся по сторонам, вроде ничего подозрительного. Я сел в машину и поймал себя на мысли: ну вот, совсем зашифровался!

Отъехав несколько метров, я пристально посмотрел в зеркало заднего вида, но ничего странного не заметил. Вскоре выехал на Окружную дорогу, потом двинул в том направлении, где находился пансионат.

Пансионат располагался недалеко, километрах в тридцати от Москвы. Я без труда нашел его, подъехал к воротам. На стоянке увидел Пашину «БМВ», стоящую рядом с джипом «Мерседес» пятисотой модели.

Поставив машину и вытащив сумку, я пошел к корпусу. Паша не обманул. Корпус был очень уютным. «Наверняка бывший совминовский, – подумал я, – только переделанный уже».

Белый кирпич гармонировал с яркими елочками, окружавшими здание. Уже было темно, и по освещенным окнам можно было догадаться, что пансионат заполнен только на четверть. «Правильно, – подумал я, – сейчас не сезон».

Войдя в фойе, я подошел к стойке дежурного администратора, протянул свой паспорт и сказал:

– Для меня должен быть забронирован номер.

– Да, да, Павел Егорович нас уже предупредил, – сказала женщина-администратор, улыбнувшись мне. – Ваши номера с ним рядом.

– Очень хорошо, – сказал я, – теперь осталось узнать, где они находятся.

– Все будет в порядке, – администратор назвала меня по имени-отчеству и протянула мне ключ от номера. – Пожалуйста, ваш ключ. У вас вещей много?

– Нет, только спортивная сумка.

– Вы сможете донести сами?

– Конечно, без проблем.

«Да, – подумал я, – сервис! Все меняется, все теперь для человека! Только деньги плати!»

Я поднялся по толстым ковровым дорожкам на второй этаж, подошел к номеру 320. Рядом находился номер 322, напротив – 324. Судя по всему, это были номера-люксы. Вставив ключ в замочную скважину, я открыл дверь и вошел внутрь.

Номер действительно был шикарным, двухкомнатным. Первая комната была гостиной, там стояли кресла, журнальный столик. Вторая комната – спальня, с двуспальной широченной кроватью. Прямо из спальни можно было пройти в ванную и туалет. В гостиной был выход в другой туалет. «Два туалета, – подумал я, – не многовато ли для одного человека?»

Бросив сумку на кровать, подошел к тумбочке, на которой стоял телефонный аппарат, и снял трубку. Телефон работал. «Наверное, городской», – подумал я и положил трубку.

Подошел к телевизору, включил его и устало опустился в кресло. В дверь постучали. Вошел Паша, держа в руках бутылку виски и коробку конфет.

– Ну как, коллега, доехал? – спросил он, бесцеремонно усаживаясь в кресло напротив.

– Как видишь, – ответил я. – А где Жанна?

– Она отдыхает. А мы с тобой давай-ка расслабимся. Все же пришлось сегодня много пережить.

– Да, это уж точно, – улыбнулся я, – накружились мы, навертелись!

Паша подошел к бару, достал оттуда две рюмки, наполнил обе и одну протянул мне. Я сделал небольшой глоток и поставил рюмку на столик.

– Ты что, не пьешь? – удивился Паша.

– Знаешь, как-то уже в привычку вошло – мало пить.

– Что так?

– Да работа такая. Иногда вкалываешь, как диспетчер «Скорой помощи».

– Как это?

– Зацепят ночью какого-нибудь твоего клиента, звонят – срочно приезжай, выручай! Вот и несешься, как «Скорая помощь», на выручку. Сам понимаешь, нужно всегда трезвым быть.

– О, братишка, – сказал Паша, – я от такого ритма давно уже отошел. У меня проще график – приходишь в банк, как к себе на работу, с девяти и до шести. Кое-какие встречи, переговоры, иногда удивительные и замечательные поездки в круизы или на уютные острова с банковскими работниками.

– Так ты что, уже вроде бы и не адвокат? – спросил я.

– Как тебе сказать. Я адвокат, но прикомандирован к постоянному банку.

– То есть ты у него в штате?

– Нет, я вне штата. Но платит он хорошо.

– И что ты делаешь?

– Вот, с бумажками работаю.

– Нет, меня на бумажки не тянет.

– Да, тебе все с людьми, по тюрьмам, менты, братва вокруг.

– Точно, – улыбнулся я.

– Может, пора поменять специализацию?

– Это как?

– Давай начнем вместе работать.

Я сделал паузу.

– Давай, вот это дело закончу, потом пойду к тебе в помощники.

– Да ладно тебе! – улыбнулся Паша. – Скорее я к тебе…

– Ты что, хочешь на уголовные дела перейти?

– Нет, что ты! – Паша замахал руками.

– Послушай, Паша, пока мы одни, давай-ка расскажи мне про твоего клиента.

– Почему это про моего? Теперь он и твой клиент тоже.

– Ладно, пускай будет про нашего, – поправился я.

– Что тебе сказать? Нормальный парень Валя.

– А менты говорили, что у него какое-то там прошлое.

– Ну, подумаешь – был в группировке, с кем не бывает! К уголовной ответственности, по крайней мере, не привлекался.

– А этот, кого он завалил? – осторожно спросил я.

– Они друзья были. Потом что-то у них случилось. Короче, напряги пошли, и пути их разошлись.

– Он что, у него деньги вымогал?

– Кто?

– Ну, потерпевший у Валентина?

– Нет, там дело не в деньгах было. Но денег, кстати, у потерпевшего тоже немало. Там другие дела. Потом все узнаешь, если нужно будет.

– Что-то ты недоговариваешь, – сказал я, – что еще за тайны? Ладно, как ты думаешь, Валентин мог это сделать?

– Ты что, убийство имеешь в виду? Боже упаси! Я давно его знаю, уже лет пять с ним работаю. Это невозможно. Он мог что-то организовать, но сам – никогда, ни за что!

– Тогда почему же он не пытается себя вытаскивать?

– Знаешь, старик, – сказал Паша, – может, в этом тоже есть смысл? Может, он прекрасно себя чувствует в изоляторе, гораздо лучше, чем на разборках со своими кредиторами, которые непонятно чем могут для него закончиться?

– Но изолятор – далеко не самое безопасное место, – сказал я, – пойми это! Тем более в этой колонии, куда его доставили. Ты думаешь, тюремный телеграф плохо работает? Завалил такого крутого авторитета! Ты думаешь, его там с оркестром встречают?

– Погоди, что значит завалил? – переспросил Паша. – Ты его адвокат и считаешь, что он виновен в преступлении?

– Я не считаю. Но так могут считать другие люди, – уточнил я.

– А это уже твоя работа – доказать его непричастность к убийству! – сказал Паша, наливая виски в рюмку.

Выпив вторую рюмку, Паша захмелел.

– Как тебе Жанна? – неожиданно спросил он.

– В каком смысле?

– Баба – герой, правда?

– По-моему, женщина как женщина.

– Нет, ты посмотри, как она себя держит! Она ведь взяла все в свои руки. Эти бумаги, которые я принес, они для нее.

– И что?

– Она сейчас села, что-то считает, кому-то звонит. У меня создается такое впечатление, что все банковские дела вела именно Жанна, а не Валентин.

– Да ладно, – улыбнулся я, – может, это тебе только кажется?

Неожиданно раздался телефонный звонок. Я вопросительно посмотрел на Пашу.

– Кто это может быть? Может, не снимать трубку?

– А чего ты боишься? – ответил Паша и снял трубку. – Алло! Жанночка? Да, я тут. Да, сейчас. – И он посмотрел в мою сторону. – Мы пойдем ужинать?

Я кивнул головой.

– Да, пойдем, – бросил в трубку Паша.

Через несколько минут мы уже были в уютном зале ресторана.

Жанна уже переоделась. На ней была юбка, темная блузка с жакетом. Она выглядела весьма привлекательно. Я обратил внимание, что и настроение ее изменилось. Жанна немного повеселела.

– Паша, тебе выносится благодарность, – сказала она.

– Не понял, за что?

– Ты привез очень нужные и важные документы. Я их сейчас просмотрела. Ты привез почти все, за исключением одного файла.

– Какого?

– Ладно, теперь ты его уже не привезешь. Я думаю, он уже находится в других конторах.

Неожиданно Жанна обратилась ко мне:

– Ну что, устроились?

– Да, все нормально, – сказал я.

– Отдохнем сегодня, а завтра с утра поедем к Вале в тюрьму.

– Конечно, – я кивнул головой. – Обязательно поедем!

Мы еще долго разговаривали этим вечером на разные темы. Неожиданно Жанна сказала:

– Как вы думаете, может, нам стоит нанять какую-нибудь частную охрану, которая будет сопровождать нас в тюрьму?

– А что, разве у вас охраны нет? – спросил Паша. – Насколько мне известно, у Вали была серьезная охрана.

– Этой охране я не доверяю, – сказала Жанна. – Тем более сейчас всех их допрашивают.

– Кто?

– Как кто? Следователь Филиппов.

– О господи, совсем забыл! А что, они там тоже были? – спросил я.

– Конечно. Эти были, бандюки Кузины, и наши стояли у машин, ждали. Не знаю, что они будут говорить.

– Понятно, – я кивнул головой. – Нет, не думаю, что нам нужна охрана. По крайней мере, на ближайшее время без нее можно обойтись.

– Хорошо, – согласилась Жанна.

Утром следующего дня меня разбудил телефонный звонок. Я снял трубку и услышал знакомый голос Жанны:

– Вы уже проснулись?

– Да, – ответил я.

– Ехать готовы?

– Дайте мне тридцать минут.

– Хорошо, через тридцать минут внизу, в холле.

– Договорились, – сказал я и положил трубку.

За полчаса я успел позавтракать, одеться. Через тридцать минут стоял в холле, держа в руках небольшую папку. Жанна уже была там. Она приветливо поздоровалась со мной. Мы направились к стоянке автомобилей.

– Ну что, – предложила Жанна, – поедем на вашей машине? Зачем две гонять? Тем более мою зачем светить, – она показала на свой «Мерседес».

– Давайте на моей, – сказал я.

Жанна подошла к «Мерседесу» и, нажав кнопку пульта дистанционного управления, открыла заднюю дверцу. С заднего сиденья она вытащила два полиэтиленовых пакета.

– Что это? – спросил я.

– Я кое-что поесть приготовила.

– Когда же вы успели все сделать?

– А я рано встала, в семь часов. Съездила в супермаркет, он тут недалеко, все купила. Попробую сегодня передать.

– Какая вы заботливая! – не удержался я от похвалы.

Когда мы сели в машину, Жанна сказала:

– Самое главное – я ему тут записку написала. Пусть прочитает, а потом сразу же порвет.

– Хорошо, – я взял записку. Она была не запечатана. Положил ее в боковой карман.

– Не потеряете? – спросила Жанна.

– Обижаете, Жанна! – улыбнулся я.

Дорога до Коломны заняла больше часа. Коломна – маленький провинциальный городок, состоящий из маленьких деревянных домишек и большого количества церквей. Как ни странно, здание тюрьмы находилось в центре города. Мимо него проходили трамвайные пути. Чтобы поставить машину рядом с тюрьмой, необходимо было переехать через них. Под изумленными взглядами прохожих, стоящих на остановке, мы на джипе подъехали прямо к зданию тюрьмы.

Выйдя из машины, я огляделся. Мой джип выглядел поистине королевской машиной по сравнению с окружавшими его «Жигулями» и старыми «Запорожцами». Ничего себе, мы обязательно засветимся в такой компании!

Жанна, взглянув на меня, поняла мою растерянность и сказала:

– Да, небогато живут! Что же делать? Может быть, какую-то машину купить подержанную, чтоб не светиться?

– Может, так и придется сделать, – ответил я.

Мы вошли в здание тюрьмы. Я показал Жанне в сторону комнаты свиданий и сказал:

– Вы покажите охране документы и попробуйте поговорить насчет передачи.

– Да, я все сделаю, – ответила она.

– А я пойду к нему на встречу.

Я прошел дальше, показав конвоиру свое удостоверение и разрешение следователя на встречу с клиентом. Конвоир взял документы в руки, внимательно их прочитал, а потом сказал:

– Сейчас все кабинеты заняты. Погуляйте минут пятнадцать, потом подходите.

– А что, вы точно уверены, что через пятнадцать минут кабинеты освободятся? – удивился я и подумал: «Вот в чем достоинства маленькой тюрьмы – все на виду, все про всех знают. Попробуй угадай, когда освободятся кабинеты в Бутырке или на Матроске! Это просто невозможно сделать. А тут все заранее известно».

Вышел на улицу и остановился у выхода. Там было безлюдно. Только в сторону комнаты свиданий время от времени проходили люди, вероятно, родственники заключенных. Я подошел к двери и приоткрыл ее.

Комната была битком набита людьми. Кто-то стоял возле окошка, кто-то перекладывал нехитрые передачи – конфеты, сгущенку, что-то еще. Я отыскал взглядом Жанну. Она, пристроившись на корточках возле небольшого столика, что-то писала. Я подошел к ней и улыбнулся:

– Вы тут прямо как Ленин в шалаше в Разливе!

– Да вот, – ответила, улыбнувшись, Жанна, – заставили переписать список передаваемых продуктов, да еще в трех экземплярах! Хоть бы копирка была!

– Вы не забывайте, что впереди еще фасовка, – напомнил я ей.

– А что это такое?

– Например, нельзя передавать в железной таре сгущенку.

– А что же мне теперь делать с этой сгущенкой?

– Будете в пакет ее переливать.

– Ладно, не пугайте меня! – не поверила Жанна.

– Да, да, милочка, – вступила в разговор стоявшая рядом пожилая женщина, – и не только сгущенку, но и зубную пасту нужно в пакет выдавить.

– Но как же они зубную пасту или сгущенку из пакета добывают?

– Такой уж тут порядок – никаких железных предметов передавать нельзя, – продолжила женщина.

– И стеклянных тоже, – вставил кто-то из толпы.

– Вот видите, – сказал я. – А деревянную ложку вы привезли?

– А зачем нужна деревянная ложка? – удивилась Жанна.

– Так ведь металлические ложки передавать нельзя.

– Что же можно сделать металлической ложкой?

– Может, ваш муж ничего не сделает, а другие делают заточки.

– Я не пойму, вы серьезно про деревянные ложки сказали? – переспросила Жанна.

– Конечно, серьезно.

– Деревянные ложки тут не проблема, – произнес пожилой мужчина. – Вон, рядом в универмаге продаются как изделия народных промыслов. Миски деревянные, ложки.

– А что, им и миски нужно передавать? – уточнила Жанна.

– Нет, миски там выдают, – сказал мужчина.

Жанна повернулась ко мне и спросила:

– А почему вы не идете на встречу?

– Минут через десять можно будет подойти, – ответил я.

– Тогда я буду ждать вас в машине.

– Хорошо, – я протянул Жанне брелок с ключами.

Дежурный конвоир не обманул меня. Действительно, через пятнадцать минут кабинет освободился. Я сдал свое удостоверение, получил взамен номерок, похожий на выдаваемые в гардеробе, и прошел через небольшую проходную в тюремный дворик. Он больше походил на хоздвор. В углу были свалены какие-то доски, рядом – куча угля, вероятно, предназначенного для отопления тюрьмы. По двору то и дело пробегали люди в форме с погонами прапорщиков. Совершенно свободно по территории ходили какие-то молодые ребята в телогрейках и одинаковых шапках – так называемый хозяйственный взвод, который занимался обслуживанием тюрьмы. Я знал, что в хозяйственный взвод чаще всего входят люди, осужденные на небольшие сроки, хорошо зарекомендовавшие себя за время ведения следствия.

Неожиданно я почувствовал, что за моей спиной кто-то стоит. Я резко обернулся. За мной стоял паренек, одетый в бушлат.

– Извините, у вас не найдется сигареты?

Я не курю, но, зная, что при посещении тюрьмы с собой нужно обязательно брать сигареты, всегда имел в кармане несколько пачек. Я полез в карман и вытащил оттуда пачку.

– Бери всю, – протянул я сигареты.

– Спасибо! Премного благодарен! – сказал парень.

– Послушай, а ты не знаешь, – спросил я у него, – как пройти?

– Вам нужно идти прямо, а там на второй этаж по деревянной лестнице.

Я открыл дверь, поднялся по деревянной лестнице на второй этаж. Административное здание было полностью деревянным, точнее, деревянной пристройкой. Пройдя по мрачным коридорам, увешанным фотографиями передовиков производства, у которых были невеселые лица, я дошел наконец до двери с надписью «Дежурная часть». Там взял тюремный листок для вызова заключенных, быстро заполнил его графы – кем вызывается задержанный, его фамилия, имя и отчество. Потом протянул этот листок вместе с разрешением следователя в окошко. Дежурный офицер проверил написанное мной. После этого он кивнул, записал на листке номер камеры и протянул мне еще один жетончик.

– И куда мне теперь? – спросил я.

– На первый этаж, кабинет номер четыре, – ответил офицер.

«Интересно, сколько тут всего кабинетов?» – подумал я.

Спустившись вниз, попал в узкий коридорчик. В него выходили двери шести кабинетов – три по правую сторону, три по левую. В конце коридора стояла небольшая тумбочка, рядом с ней – стул. Вероятно, там должен был находиться конвоир.

Я подошел к двери четвертого кабинета, но он был заперт. Я огляделся, подошел к тумбочке, снял телефонную трубку. Телефон молчал. Странно, как же мне попасть в четвертый кабинет?

Не прошло и нескольких минут, как входная дверь открылась и в коридорчик вошел высокий плотный мужчина в солдатском бушлате.

– Вы кто? – спросил он.

– Адвокат, у меня встреча в четвертом кабинете.

– А, ясно, – сказал мужчина. – Сейчас вашего приведут.

Он достал массивный ключ, так называемый «вездеход», вставил его в замочную скважину двери и повернул его.

– Проходите пока, – сказал он мне, открыв дверь четвертого кабинета. – Я вас закрывать не буду.

– Хорошо.

Войдя в комнату, я осмотрелся. Кабинет представлял собой стандартную комнату небольших размеров, около десяти квадратных метров, с деревянным столом, привинченным намертво в середине, с двумя деревянными скамейками рядом с ним, также привинченными к полу. Небольшое зарешеченное окно выходило в тюремный дворик.

Я услышал небольшой шум в коридоре. Мимо двери прошла группа из нескольких человек. «Интересно, кто это?» – подумал я и приоткрыл дверь. Это два прапорщика провели человек двадцать заключенных. Они шумели и разговаривали.

Мне стало интересно, и я вышел из кабинета и подошел к тумбочке. Заключенные были построены в конце коридора. Тут появилась женщина в белом халате. Да это, оказывается, медосмотр! Какая экзотика! Я буду присутствовать на медосмотре заключенных!

К женщине подходили по очереди заключенные, называли свою фамилию, номер карточки. Она смотрела в какие-то бумаги, потом бросала взгляд на заключенного, что-то записывала в карточке и говорила: «Свободен».

– Это что, и весь медосмотр? – удивился я. – Ничего себе!

Тут я заметил, как дверь в коридор открылась. Вошел уже знакомый мне мужчина в бушлате. За ним шел Валентин.

– А почему вы тут ходите? – спросил меня мужчина.

– Извините, – сказал я, направившись к кабинету.

– Тут ходить не положено, – произнес мужчина совершенно безразличным тоном, делая вид, что ему все равно, ходят тут или не ходят, и что замечание он делает только для формальности. – Беседуйте, а когда закончите – постучите в дверь. Звонок не работает.

Валентин был одет в спортивный костюм и выглядел достаточно бодрым. Он поздоровался со мной за руку и спросил:

– Как дела?

– У меня нормально. А у тебя как?

– Тоже неплохо.

– Как тюрьма?

– Нормально, жить можно. А как Жанна?

– Она сейчас передачу готовит.

– Это очень хорошо, – улыбнулся Валентин. – А она ничего не передавала?

– Передавала, – и я протянул Валентину записку. Он тут же развернул ее и прочел. После этого он взял листок бумаги и стал делать какие-то заметки по пунктам, вероятно, отвечая на поставленные Жанной вопросы. Вся писанина заняла около сорока минут. Затем Валентин разорвал записку Жанны и сжег ее.

– У вас есть сигареты? – спросил Валентин.

– Да, конечно, – я достал из кармана две пачки. Валентин аккуратно распечатал одну, снял с нее целлофан и, свернув свою записку в тоненькую трубочку, запечатал ее в пленку. Затем зажигалкой он запаял ее, сделав так называемую «торпеду».

– Вот это Жанне, – сказал Валентин. – Сразу передадите?

– Конечно, она внизу, в машине должна быть.

– Что у вас стряслось вчера?

Я коротко рассказал Валентину о неудачном «наезде» на меня.

– Как у тебя-то дела? Они ведь к тебе потом поехали.

– Я их видел, когда меня увозили.

– И что?

– Менты ОМОН подтянули. Они хотели рыпнуться, а омоновцы… Короче, ничего не получилось.

– Слушай, ты такой уверенный и спокойный. Ты что, не переживаешь? Все же ты в тюрьме, а в тюрьмах всегда есть какие-то концы. – Я намекал, что братва погибшего Кузи может и в тюрьме достать его.

– Нет, тут я ничего не боюсь, – спокойно сказал Валентин. – Вы поверьте мне, я оказался в хате, где сидит смотрящий тюрьмы. Так вот он очень известный авторитет, – и Валентин назвал его фамилию. – У него с Кузей были враждебные отношения.

– И что же?

– Он меня поддержал.

– Слушай, Валя, ты все равно не очень расслабляйся. Тут свои законы. Это он сейчас сказал тебе, что он враг, а потом, не дай бог, другом окажется…

– Да я все знаю и понимаю, – сказал Валентин. – Но пока все нормально. И, думаю, худшее уже позади.

– Что же, думаешь, что впереди лучшее? – улыбнулся я. – Ты хоть знаешь, сколько тебе по этой статье могут дать?

– Нет, меня это как-то не волнует.

Я обалдел от такого заявления.

– Как это не волнует?!

– Да очень просто. Я убийства не совершал.

– Послушай, сколько тебе лет?

– Тридцать пять.

– Ты что, думаешь, что все, кто сидит, совершали убийства? Есть люди, которые невиновны, а все равно сидят. Попробуй докажи!

– Но у меня же серьезный адвокат, – улыбнулся Валентин, – он и докажет, что убийства я не совершал. Тем более я на самом деле не совершал. Да, главное, – добавил он, – Паше большой привет и благодарность. Пусть Жанна ему премию выпишет.

– Премию? – переспросил я.

– Да, он очень нужные документы из банка принес, самые важные.

– А те, которые тебя в банке ищут, как с ними?

– Да пускай ищут, – улыбнулся Валентин. – Сюда они никак не доберутся.

– Но там ведь тоже есть влиятельные люди.

– Это в Москве они влиятельные, а тут немного другая ситуация, другая жизнь. Тут они меня точно не найдут. Конечно, попытаются через Жанну, Пашу, через вас как-то выйти на меня. Но я думаю, что вы уже к этому подготовились?

– Да, – кивнул головой я. – Мы живем в пансионате.

– Молодцы, – одобрительно кивнул Валентин. – А в следующий раз вы сможете мне кое-какие журналы принести? А то библиотека тут такая позорная.

«Надо же, – подумал я, – только вчера сюда попал, а уже про библиотеку разузнал!»

– А какие журналы?

– Я напишу список.

– Принести-то можно. А когда к делу готовиться будем?

– А чего к нему готовиться? Еще рано. Нужно дождаться результатов экспертизы.

Вспомнив про ботинки, я спросил:

– Жанна про какие-то ботинки говорила, я не до конца понял.

– А, это те, в которых я там находился, – сказал Валентин.

– Как с ними быть? Они ведь взяли другие…

– В принципе можно было и те отдать, я просто так переобулся. Ничего страшного нет.

Мне стало еще интереснее: клиент так уверенно держится, наверное, действительно он не совершал преступления – на сто процентов уверен в своей невиновности. Но, с дру-

гой стороны, все улики, весь расклад против него! Почему же все-таки он держится так уверенно?

– И еще, – сказал Валентин. – Вы завтра ко мне придете?

– Постараюсь.

– Как вы думаете, когда будут результаты экспертизы?

– Это трудно сказать. Обычно там не спешат.

– Я думаю, экспертиза будет нормальная. Только один вопрос: скажите, по вашей практике, бывает, что они могут что-то нахимичить?

Я пожал плечами:

– Всякое бывает. Но я ничего тебе не могу сказать по этому поводу точно.

– Да в принципе меня это тоже особо не волнует. У меня, в конце концов, алиби есть.

– Что же это за алиби, может, поделишься со своим адвокатом?

– Нет, извините, пока еще рано. Тут стены тоже могут слышать, – улыбнулся Валентин. – Это наша козырная карта. Да, вот еще. Как ты… Ничего, если я буду на «ты»? – спросил Валентин.

– Пожалуйста, называй.

– Ты как вообще, мужик правильный?

– В каком смысле правильный? По понятиям, что ли, живущий? – переспросил я.

– Нет, – усмехнулся Валентин, – я не это имею в виду. Ты, как мужик, можешь другого мужика понять?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Короче, у меня подруга одна есть. Ну и я хочу с твоей помощью весточку ей передать. Сможешь? Только чтоб моя жена об этом не узнала, естественно.

– А, вот оно что, – улыбнулся я. – Давай попробую.

– Тогда я напишу записку. И при встрече скажи ей, что все у меня нормально, что скоро выйду.

– Никаких проблем, все передам.

Тем временем Валентин опять сел к столу и начал писать записку. Я внимательно смотрел на него и думал: вот мужик, красавица-жена у него, так еще и любовница имеется! Попал в тюрьму и не унывает, одной – письмецо, что делать и как, второй – трогательное.

Написав записку, Валентин снова хотел взять целлофан и упаковать листок, но, вспомнив, что скорее всего я буду читать это письмо по телефону, отодвинул упаковку и передал мне записку.

– Там телефон записан, позвони. Но лучше из автомата. И скажи, что если захочет с вами встретиться, пусть подъезжает. Только прошу – будьте осторожны! – снова перешел на «вы» Валентин.

– Я постараюсь быть осторожным. Тем более после такого инцидента с попыткой вывезти меня в лес.

– Да ладно, – махнул рукой Валентин, – какой там лес! Ничего бы они вам не сделали, только попугали бы. Это не та команда.

– А ты хорошо знаешь ту? – спросил я.

– Очень даже хорошо. Они оказывали мне некоторые услуги.

– Хорошо, а ты не боишься, что теперь они выступают в роли кровников, а ты – их должничок?

– Это так, но все продумано и на этот счет. У них там сейчас начнутся междоусобные дрязги из-за раздела сфер влияния и наследства Кузи, за владение командными должностями. Все это я проходил.

Теперь мне стало ясно, что он и в самом деле имел отношение к знаменитой люберецкой группировке, которая так гремела в середине восьмидесятых годов.

– Вот еще что, – продолжил Валентин, – такое дело. Тут есть конвоир, Гриша Семенов. Запомнишь?

– Да.

– Мой смотрящий Угрюмый с ним уже договорился. Пусть Жанна купит пару литровых бутылок водки, приличной, типа «Абсолют», «Смирновской», пару пакетов томатного сока и, может быть, банок шесть пива, тоже хорошего, пару блоков сигарет. Одна бутылка и один блок – вертухаям, остальное нам.

Я удивленно посмотрел на него.

– Ну, мы хотим немножко погулять, так сказать, снять напряжение.

– Иными словами, ты мосты наводишь с тюремными авторитетами? – улыбнулся я.

– В какой-то мере. Нужно поддерживать человеческие отношения. Так что не забудешь – Гриша Семенов.

– Не забуду.

– Он сейчас работает, и он в курсе всего.

Через несколько минут мы попрощались. Валентина увели, а я вышел на улицу. Жанну нашел сидящей в моей машине и нервно курившей. Она вытирала платком мокрые от слез глаза.

– Жанна, что случилось? – встревожился я. – Может, кто побеспокоил?

– Нет, все нормально. Просто они издеваются надо мной.

– Что такое?

– Заставили все перевешивать, пересчитывать, переписывать. Бюрократы чертовы! А тут очередь еще шумит – девушка, давайте быстрее! А они… – Жанна выругалась.

Я был удивлен. Теперь я понимал, что Жанна совершенно не подготовлена к тюремным передачам и не ожидала, что могут возникнуть такие проблемы. Естественно, ее тормознули. Толпа нервничала, так как приближалось время обеденного перерыва и окошко приема должно было скоро закрыться. Поэтому и возникали перепалки.

– Так вы передали? – спросил я.

– Частично. Придется завтра снова ехать. А как там Валентин?

– Ничего. Вот записка.

Тут я начал судорожно вспоминать, в какой карман положил записку, предназначенную Жанне. Только бы не перепутать! Да, вспомнил, она же запечатанная!

– Да, самое главное. Нам нужно сейчас найти Гришу Семенова.

– Какого Семенова? – удивилась Жанна.

– Есть тут такой конвоир. – И я передал ей разговор с Валентином и его просьбу.

– Что это за банкет он решил там устроить? – недоуменно спросила Жанна.

– Не знаю. Но сказал, что это для него очень важно. Ну что, поехали покупать спиртное.

Вскоре мы увидели продовольственный магазин. «Смирновская» и «Абсолют» там явно были поддельными, о чем нетрудно было догадаться по оформлению бутылок. Мы купили все, что полагалось по списку, потом вернулись к тюрьме. Теперь уже к дежурному, который пропускал меня, пошла Жанна.

– Как нам Гришу Семенова увидеть? – спросила она.

– Семенова? Сейчас найдем. – Дежурный взял микрофон и проговорил: – Прапорщик Семенов, на выход! К вам пришли!

Вероятно, эта информация по громкой связи прошла по всей тюрьме. Минут через пять во двор вышел невысокий мужчина в солдатском бушлате. Он смотрел на нас хитрыми глазами. Жанна подошла к нему и что-то прошептала на ухо. Семенов кивнул головой, потом оглянулся по сторонам, взял у нее из рук два пакета. Жанна что-то сказала ему, он посмотрел в сторону двери и взглянул на часы.

Вскоре Жанна вернулась в машину. Она повеселела.

– Ну что, все в порядке?

– Да. Познакомилась с нужным человеком. Завтра обещал помочь с передачей, взять без очереди.

– Видите, что значит блат! Это великое дело! – улыбнулся я.

– Что-то я устала, весь день на нервах, – сказала Жанна. – Может, пообедаем где-нибудь?

– Можно и пообедать.

Жанна стала кому-то звонить.

– Ну что, поехали? – спросил я.

– Да, конечно.

Мы тронулись с места. Жанна продолжала кому-то звонить. Раздраженно она произнесла:

– Что он там, заснул, что ли? Алло, Паша, ты там спишь? Как в номере? Что? Хорошо, скоро будем, – она повернулась ко мне.

– Что случилось?

– Банк опечатали.

– И что?

– Он еще из пансионата не выезжал. Отдыхает сейчас, в себя приходит.

– Но он же много пережил!

– Вы тоже пережили не меньше. Но вы же на ногах! Так какие планы? Пообедаем, а потом?

Я вспомнил, что сегодня еще должен передать записку любовнице Валентина.

– Мне надо еще кое-кому позвонить, – сказал я.

– Но вы же говорили, что разобрались со всеми делами!

– Это не дела, это личное.

– Что, кто-то знакомый?

– Да, нужно кое-что знакомой передать.

– Хорошо, – сказала Жанна.

Пока я вел машину, она внимательно читала ответы, которые переслал ей Валентин. Я сделал вывод, что в основном ответы касались не столько личных отношений, сколько деловых указаний Жанне.

Перечитав записку дважды, она порвала ее на мелкие клочки и небольшими порциями стала выбрасывать их через люк моей машины. Я улыбнулся.

– Что вы смеетесь? – спросила она.

– Конспирация – великая вещь, – сказал я.

– А как вы думали?

Вскоре мы были уже далеко от тюрьмы. На обочине увидели небольшое кафе – то ли шашлычную, то ли маленький ресторанчик.

– Может, здесь и остановимся? – спросила Жанна. – Интересно, тут приличная кухня?

Я остановил машину.

Кухня оказалась грузинской, почти домашней. Мы заказали обед. Ела Жанна с большим аппетитом. Время от времени я поглядывал на нее. Поймав мой взгляд, она неожиданно спросила:

– Скажите честно, эта сегодняшняя встреча нужна именно вам? Или он просил вас что-то сделать?

Мне показалось, что если я буду обманывать ее, она быстро раскусит меня. Я промолчал.

– Наверное, своей Маше записочку написал, а вы будете передавать?

Я опять промолчал. Черт возьми, попал в какую-то мелодраматическую интригу! И зачем мне все это надо?!

Жанна зло посмотрела на меня. Она расстроилась.

Сев в машину, я почувствовал, что она очень сердита, и, чтобы успокоить ее, сказал:

– Жанна, в конце концов, я вас понимаю как женщину, как жену. Но сейчас эмоции нужно отбросить в сторону. Как-никак ваш супруг в беде, и ему…

– Да какая беда! Какая тюрьма! – неожиданно почти закричала Жанна. – Он все это сам подстроил!

Ничего себе откровения! Получается, Валентин сам себя в тюрьму упек? Быть этого не может!

После возвращения в пансионат Жанна решила съездить в Москву по каким-то своим делам. Я, просидев в одиночестве почти до самого вечера, попытался дозвониться до Павла Страхова, но коллеги моего нигде не было, мобильный телефон молчал. Тогда я решил, что мне тоже нужно съездить в Москву по делам, а заодно взять из дома кое-какие вещи. Всегда бывает – если собираешься в спешке, обязательно забудешь что-нибудь важное. Кроме того, мне не давала покоя мысль о той записке, которую передал Валентин для своей любовницы.

Въехав в город, я нашел будку телефона-автомата и набрал номер. Вскоре услышал нежный женский голос. Я представился и прочел записку, суть которой сводилась к «люблю, тоскую, жди». Маша была не в курсе дел и никак не могла понять, где находится ее возлюбленный. Решив не раскрывать карт и не говорить, что Валентин в тюрьме, я придумал командировку, и что вскоре Валентин вернется, и так далее.

– Хорошо, пускай он мне сам позвонит, – сказала Маша.

– Непременно, я передам ему. Он позвонит, если у него будет возможность.

На этом разговор закончился. Мне показалось, что Машу особо не интересовала судьба Валентина. Но я ничего не знал об их отношениях, поэтому не мог о чем-то судить.

Вечером вернулся в пансионат. Как ни странно, ни Паша, ни Жанна в пансионат так и не вернулись. Напрасно я прождал их в ресторане за ужином. Потом немного прогулялся по аллеям парка. Вернувшись, набрал номер телефона Павла, потом – Жанны и снова убедился в том, что их номера пусты.

Чувство тревоги охватило меня. Может быть, с ними что-то случилось?

Я почувствовал, как устал за сегодняшний день. Очень быстро я уснул.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Это была Жанна.

– Доброе утро. Как у вас дела?

– Доброе утро. Жанна, куда ты пропала? – от волнения я даже перешел на «ты».

– Я? – замешкалась с ответом Жанна. – Была в Москве, у меня было много дел.

Я хотел было спросить, ночевала ли она в пансионате, но сдержался. В конце концов, какое мне дело до этого!

– А где Страхов? – спросил я.

– Паша уехал, будет через пару дней. Так какие у нас планы на сегодня? Мы поедем в изолятор?

– Конечно, – ответил я.

– Значит, минут через сорок вы будете готовы? – завершила разговор Жанна.

– Да, этого мне вполне хватит.

Через сорок минут мы уже мчались по шоссе в направлении Коломны.

Всю дорогу Жанна молчала. Я тоже не стал расспрашивать, где она была вчера, как поздно вернулась. В ее глазах я заметил грусть. Только на подъезде к Коломне я все же спросил:

– Жанна, у тебя все нормально?

– Да, – кивнула она головой, – только немного устала.

Наконец мы подъехали к воротам тюрьмы. Оставив машину на стоянке, я пошел выписывать пропуск для встречи со своим клиентом. Жанна же пошла организовывать дополнительную передачу.

Мне повезло. На сей раз кабинеты были свободны, и Валентина привели спустя пятнадцать минут. Он тоже был немного грустный, какой-то помятый. Вчерашнего оптимизма я не заметил.

– Что случилось? – спросил я сразу же.

– Да вчера погуляли, – сказал он. – Вы сколько вчера водки передали?

– Как заказывал, – сказал я, – две двухлитровые бутылки.

– А почему же нам этот принес четыре?

– Как четыре? – переспросил я. – Быть такого не может! Я лично видел, как Жанна передавала ему две бутылки в пакете! Может быть, они размножились по дороге? – пошутил я. – А что случилось?

– А случилось то, что мы… Короче, мы так погуляли, что стали шуметь, а потом конвоиры ворвались. Естественно, Угрюмого не тронули, а нас дубинками пошугали и разбросали по разным камерам.

– И где же ты теперь?

– В одной камере, там шесть человек. Пока вроде все тихо и спокойно.

– А Угрюмый?

– А он остался в той камере. Кто ж его тронет? Он близкий друг погибшего известного вора в законе Шурика Устимовича. Был такой вор, в Электростали жил, может, знаете?

– Слышал про него, – сказал я, – но видеться не довелось. И что теперь? Все твое прикрытие лопнуло?

– Да, – махнул рукой Валентин. – Ну как, вы Маше вчера дозвонились?

– Конечно. – И я коротко пересказал ему суть нашего телефонного разговора. – Но почему-то она не знает, что ты в тюрьме.

– А я разве об этом не написал?

– Нет. Я все прочел ей.

– Так надо сказать ей, что я в тюрьме. Только если она захочет приехать, ты это проконтролируй, чтобы они с Жанной не пересеклись.

– Хорошо. – Я специально промолчал, не стал говорить ему о том, что Жанна намекнула, что знает все про Машу. В конце концов, нечего мне вмешиваться в эти интриги, и так забот хватает!

– Паша куда-то исчез. Где он? – спросил Валентин.

– Не знаю. Жанна сказала, что уехал по каким-то делам.

– Ну, если Жанна сказала, то это так и есть.

Мы проговорили еще минут пятнадцать. Наконец я взглянул на часы. Сушков спросил:

– Вы куда-то торопитесь?

– Мы пообедать хотели, утром толком не поели в пансионате.

– Хорошо. Вы завтра придете – еще поговорим, – сказал Сушков, определяя срок нашей следующей встречи. Я кивнул, соглашаясь.

Вышел из тюрьмы. Пройдя несколько метров, я повернул на стоянку, где находился мой джип. Однако Жанны в машине не было. Я подошел к двери комнаты для передач, но она была закрыта. Куда же подевалась Жанна?

Вдруг я заметил, что напротив стоит черный джип «Чероки» с тонированными стеклами. Мне эта машина показалась знакомой. По-моему, именно она сопровождала меня. Я присмотрелся внимательнее и заметил, что переднее стекло машины опустилось. Парень с

короткой стрижкой, очень похожий на тех, кто ждал меня возле отделения милиции, махнул мне рукой – подойди, мол, есть разговор.

Я пожал плечами и сделал вид, что ничего не понимаю. Тут же открылась задняя дверца. Я увидел, что на заднем сиденье в окружении двоих здоровых ребят сидит Жанна. Мне не оставалось ничего другого, как подойти к машине. Значит, нас уже заложили! А может быть, сами бандиты вычислили. В конце концов, нетрудно узнать, в каком изоляторе находится Сушков. А отследить нас вообще никаких проблем не составляет.

Я медленно пошел к машине. Парень, сидевший впереди, медленно вышел из джипа и протянул мне руку.

– Здорово, адвокат, – сказал он мне, будто давно был знаком со мной. Я нехотя протянул ему руку. – Ну что, где бы нам с тобой спокойно поговорить? – спросил парень.

– А какая тема разговора? – спросил я.

Парень удивленно на меня посмотрел.

– Мы будем тебе вопросы задавать, а ты – на них отвечать. Есть какие-то другие предложения?

Я посмотрел на машину и, улыбнувшись, сказал:

– Вас так много, а я-то один. Силы неравные.

– Так что, где говорить будем? – опять спросил парень.

– Одну минуту, – сказал я. – Вы хоть представьтесь, с кем я разговариваю?

Парень онемел от такой моей наглости.

– Я? Меня Маркел зовут.

– Маркел, а кто у тебя старший?

– А в чем проблема? – насторожился Маркел.

– Я хочу знать, под кем ты стоишь. Или ты сам по себе? Один на льдине?

– А для чего старшие-то нужны?

– Хочу поговорить. Может, он меня знает.

– А что, ты многих среди наших знаешь? – спросил Маркел.

– Конечно. Я же адвокат, многих защищал.

– А кого ты знаешь?

Я назвал несколько фамилий, причем большинство тех, о которых слышал, но лично знаком не был. Это были большие авторитеты, воры в законе. Услышав фамилии, Маркел переменился, как бы оценивая обстановку, думая, блефую я или нет.

– Ну что, – спросил я, – не веришь? Давай позвоним кому-нибудь. – Достал телефон и начал набирать цифры.

– Кому это ты звонишь, адвокат? – насторожился Маркел.

– Человеку авторитетному, который знает законы и понятия, который может сказать, что просто так на адвокатов наезжать западло считается! – уверенно сказал я.

– Погоди, – сказал Маркел, положив руку на мой мобильник. – Мы тебе ничего плохого не сделаем, мы просто поговорить хотим.

– Тогда слушай меня, Маркел, – сказал я, – давай так построим наш разговор. Жанну, жену этого человека, вы сейчас же отпускаете. А я поеду с вами на разговор. Договорились? Иначе я ни о чем говорить с вами не буду.

– А что, у тебя есть о чем поговорить?

– Все же я хожу к нему, каждый день общаемся.

Маркел помолчал, обдумывая мое предложение.

– Погоди, – он вытащил из кармана мобильный телефон и набрал номер.

– Алло, Анатолий Иванович, – сказал он в трубку, – это я, Маркел. Мы это… с адвокатом тут забазарили, и он предлагает нам… – Маркел передал мое предложение. Вероятно, он тут же получил согласие. Он повернулся ко мне. – Хорошо, адвокат, будь по-твоему.

Маркел подошел к машине и открыл заднюю дверь.

– Братишка, отпусти бабу, – сказал он. Парень нехотя вылез из машины. Жанна вышла и удивленно посмотрела на меня. Глаза ее были наполнены страхом и одновременно восхищением моей смелостью.

– Жанна, – я передал ей ключи от моей машины, – поезжай и жди меня. А я скоро вернусь. Все будет нормально. Да, возьми документы на машину, – и я передал ей бумаги.

С моей стороны это был достаточно смелый поступок, но что-то подсказывало мне, что я поступаю правильно. В конце концов, я знал, что братва – тонкие психологи, и они внимательно смотрят на твою реакцию, на так называемую пробивку – как ты поведешь себя в той или иной ситуации.

Жанна медленно села в машину, завела ее и отъехала. Я внимательно посмотрел, нет ли за ней «хвоста». Парень, перехватив мой взгляд, сказал:

– Ты не волнуйся, адвокат, никакого «хвоста» за ней не будет. Мы сюда на одной тачке приехали. Ну что, где разговаривать будем?

– Не знаю. В лес, что ли, поедем?

– Ты даешь! Так сразу и в лес! – улыбнулся парень. – Я гляжу, ты не из пугливых!

– А что бояться? – улыбнулся я. – Если в землю положите, то все равно все там будем, рано или поздно.

Маркел улыбнулся в ответ.

– Ладно, поехали, – сказал он. – Тут недалеко кафешка стеклянная есть, там и побазарим.

– Поехали.

Я сел в джип. Ехали молча, ни о чем не говорили. Вскоре мы оказались возле стекляшки. Маркел вошел туда как хозяин. За столиком сидела местная братва. Он приветливо кивнул им головой, но поздороваться не подошел. Видимо, его авторитет был круче, чем у местных.

Мы расположились за столиком. С нами сел еще парень, который сидел в машине рядом с Жанной. Еще двое остались у входа в кафе.

Маркел не торопился начинать разговор.

– Ну что, может, сначала перекусим? – предложил он. – Хочешь – выпьем.

– Если только кофе, – ответил я.

– Что еще к кофе? Бутерброды, пирожные?

Я пожал плечами. Маркел махнул рукой. Тут же к столику подошла официантка.

– Приятного аппетита! – сказала она.

– Зинулечка, принеси нам три кофе, пирожные и это… Утюг, – обратился Маркел к своему напарнику, – ты что будешь?

– То же, что и ты, – ответил парень.

– Значит, всем кофе и пирожные.

Через несколько минут Зина вернулась с заказом. Поставив все на стол, она кокетливо улыбнулась Маркелу.

– Ну что, как он там сидит, как себя чувствует? – спросил Маркел.

– Да ничего. В камеру авторитетнейшую попал.

– Да, мы слышали. С Угрюмым сидит?

– В общем-то, уже не сидит.

Скрывать эту информацию не имело смысла – все равно они владеют всей ситуацией в тюрьме.

– Что, говорят, вчера они банкетик устроили?

Я внимательно посмотрел на Маркела. Теперь мне стало ясно, что две лишние бутылки водки скорее всего были от них.

– А ты откуда про банкет знаешь? – спросил я.

– Банкетик-то спонсировали мы! – и он ехидно посмотрел на Утюга. Тот заулыбался. – Говорят, они там здорово побузили! Главное, мы Угрюмого выбили. Теперь он и авторитет свой сохранил, и из ситуации вышел правильно.

Теперь я был полностью уверен, что лишние две бутылки водки были скорее всего подношением авторитету Угрюмому от местной братвы как бы в знак уважения. Вот в камере и перебрали норму, а потом устроили бузу. А конвоиры, естественно, после нарушения порядка всю камеру расформировали. Таким образом, примитивным приемом братва выбила Валентина из-под опеки Угрюмого. Ловко придумали!

– И что, как он дальше жить-то думает? – спросил Маркел.

Я пожал плечами.

– Чужая душа – потемки.

– А ты, адвокат, какие у тебя планы? Можешь его нам вытащить?

– Могу только сказать, что пока ситуация не в его пользу.

– А мы тебя за это бабками забашляем, – продолжил Маркел. – Сколько хочешь, чтобы его вытащить?

Я усмехнулся. Впервые складывается такая ситуация – друзья потерпевшего предлагают мне большие деньги, чтобы я вытащил потенциального убийцу их друга!

– Я думаю, что пока вопроса об освобождении даже и за большие бабки не решить, – сказал я.

– Это верно. Там экспертиза должна быть какая-то. А сам-то он что говорит, завалил он Кузьму или нет?

– А у тебя что, сомнения какие-то есть?

– Да, особой информации у тебя не получишь, – усмехнулся Маркел.

– Какая тебе информация нужна? Ты же понимаешь, что я немногим владею. Единственное – что я с ним разговариваю.

– Да это не проблемы, – махнул рукой Маркел. – Если нам что нужно от него будет, мы его сами навестим. У нас тут все схвачено! Ты погоди секундочку, а я пойду позвоню.

Маркел взял свой мобильный телефон и отошел к окну. Вероятно, он не хотел, чтобы мы слышали разговор. Говорил он минут пять-семь. Я понял, что он излагал ситуацию. Наконец Маркел вернулся к столику. Он улыбался.

– Ну вот что, адвокат, ты сегодня к нему пойдешь?

– Должен пойти.

– Передай ему всю сложившуюся ситуацию. Скажи, что мы видели его бабу, что она у нас в тачке сидела, что мы с тобой разговаривали. И скажи ему конкретно, в натуре, что у нас к нему две предъявы – Кузя и наше лавэ, что он получил накануне. Поэтому спроси, как он жить дальше думает. Кузьму, конечно, нам не вернуть, мы его похоронили. А с лавэ еще можно что-то придумать. Он парень неглупый, и ты ему скажи, что дальнейшее зависит от него. Короче, он сам все поймет.

Конечно, наш разговор со стороны мог показаться совершенно несвязным – какие-то отдельные фразы. Но в принципе мне все было понятно.

– И что дальше?

– Пусть черкнет пару строк, ты малявочку принесешь?

– Без проблем. Как я вас найду?

– Мы сами тебя найдем.

– Что, каждый день у тюрьмы пасти будете?

Маркел улыбнулся.

– Мы можем найти тебя и поглубже. Ты что, думаешь, у нас разведки нет? – Он посмотрел на Утюга. Тот кивнул головой.

– Ясно, – сказал я. – А как мне все-таки со старшим встретиться?

– С каким старшим?

– Ну, с Анатолием Ивановичем, которому ты звонил.

– С Анатолием Ивановичем? А что, есть тема для разговора?

– Пока ничего конкретного. Но в любой момент может появиться.

Маркел, видимо, посчитал, что у меня есть серьезные основания для такой просьбы.

– Конечно, можно, – сказал он. – Запиши номерок, это мой пейджер. Отзвонишь мне, сообщишь номер телефона, я перезвоню тебе, и мы решим вопрос, назначим стрелку. Встретишься с Анатолием Ивановичем, если будет нужда. В принципе он о тебе много слышал.

«Это уже лучше», – подумал я.

– Говорят, ты личность легендарная.

– А кто говорит?

– Да разные люди в наших кругах.

– Это лучшая реклама для адвоката – разговор в вашем кругу, – улыбнулся я. – И что, хвалили?

– По крайней мере не ругали. Многим, говорят, ты помог. Но ты знаешь наши порядки и законы?

Я кивнул головой.

– Тут каждый за себя. Ты можешь кого угодно вытащить. Но если проблемы с другим возникнут, то ты будешь за них отвечать по полной программе.

– Погоди, Маркел, – сказал я, – почему ты опять стрелки на эту тему переводишь? Я что, кому-то должен?

– Нет, я так сказал, в общих чертах. Конкретно ты никому не должен, – Маркел хотел добавить слово «братан», но, вспомнив, что я адвокат, промолчал. – Давай так договоримся. Завтра ты нам информацию на пейджер скинешь про разговор с Сушковым, что он скажет. Главное, чтобы было что-то конкретное.

– Нет, что-то конкретное будет – это сто процентов, – сказал я с улыбкой.

– Ну что, адвокат, тебя довезти? – спросил Маркел, как бы проверяя, покажу ли я ему место своего нынешнего обитания.

– Нет, я лучше сам доберусь, такси поймаю.

– Вроде тут такси не ходят, – улыбнулся Маркел.

– Тогда частника…

– Да ладно, мы довезем тебя. Все нормально будет! У тебя, наверное, дел много.

– Я сам доберусь.

– Ладно, держи! – И Маркел снова протянул мне руку. – Ты не обижайся, адвокат, если что не так. Но мне кажется, что все правильно.

– Все нормально, – кивнул я головой, пожимая ему руку.

– Никаких претензий к нам нет?

– Нет, никаких. Мы мило попили кофе, съели пирожные – все в норме!

Я попрощался и вышел из кафе. Пройдя по небольшой площади, спустился вниз и оказался на трассе, которая вела в Москву. Я стал на обочине и поднял руку. Остановилась машина, водитель которой согласился довезти меня до пансионата.

Вскоре я был на месте. Жанна бросилась ко мне.

– Ну что, как дела? Они ничего плохого с тобой не сделали? – От волнения она перешла на «ты».

– Нет, просто поговорить хотели. – И я вкратце передал ей суть нашего разговора.

– Конечно, – сказала она, – этого нужно было ждать. Ведь проще простого вычислить место, где находится Валентин.

– Без проблем! – сказал я.

– Что будешь делать?

– Как что? Пойду завтра в тюрьму.

Мы проговорили еще минут тридцать, затем Жанна пошла к себе в номер.

Я сел на диван и стал размышлять. Вот она, участь адвоката! Действительно, находишься меж двух огней – между врагами и своим доверителем, и каждый может тебя достать, хотя адвокат – человек совершенно нейтральный и выполняет свои профессиональные обязанности, не встревая в разборки, кто кому должен, а кто не должен. В моем случае ситуация сложилась достаточно непростая. Самое главное – не пасовать. Из любого положения можно найти выход. Конечно, должна быть и капелька везения. А сегодня мне повезло.

Вскоре в дверь постучали. Вошла Жанна.

– Слушай, только что мне звонил Гриша Семенов, – сказала он.

– Кто такой Гриша?

– Тот конвоир, помнишь?

– Да, вспомнил. А как же он тебе позвонил?

– Я ему номер своего мобильного оставила. Кстати, вот тебе новый мобильный телефон, – и она протянула мне аппарат.

– И что хочет от тебя Гриша Семенов? – спросил я.

– Он в камеру заходил к Валентину. Он просит, чтобы ты срочно приехал к нему.

– Сейчас? А который час? Уже шесть часов, а они работают до семи.

– Гриша сказал, что все будет в порядке. Нужно только к тюрьме подъехать и вызвать его. Остальное он берет на себя. Какой-то разговор есть.

– Может, что случилось?

– Я не знаю, больше он ничего не сказал.

– Хорошо, я поеду.

– Я поеду с тобой, – сказала Жанна.

– Нет, – остановил я ее, – не стоит тебе рисковать. Черт его знает, что там задумали. Давай-ка лучше я сам съезжу. Оттуда сразу тебе позвоню.

– Кстати, твой телефон полностью заряжен, – сказала Жанна.

– Спасибо.

Я взял мобильный телефон, спустился вниз, сел в машину и направился в сторону Коломны. Какое-то неприятное чувство не покидало меня всю дорогу. «Странная ситуация, – думал я. – Может, действительно что-то случилось? Может, в камере его избили? Скорее всего причина в этом. Ведь братва говорила, что у них в тюрьме все схвачено, значит, они дали установку слегка поколотить Сушкова». Я готовился к худшему.

Наконец подъехал к тюрьме. Уже было около семи. Тюрьма должна была закрыться для посетителей через пятнадцать минут. Я подошел к дежурному и протянул свое удостоверение. Конвоир, который пропускал меня к Валентину утром, внимательно взглянул на меня.

– Вы что-то забыли? – спросил он.

– Мне бы Гришу Семенова.

– Все, вспомнил, – сказал конвоир. – Одну минуту! – Он взял микрофон и громко произнес: – Семенов, Гриша! На КПП!

Минут через десять появился Гриша. Он был все в том же солдатском бушлате, с красной повязкой на рукаве. Я всмотрелся. На повязке было написано: «Помощник дежурного». Правда, было непонятно, какого дежурного. Он протянул мне руку.

– Вы адвокат Сушкова? – уточнил он, назвав меня по имени-отчеству.

– Да, я.

– Пойдемте, – и он кивнул конвоиру, чтобы тот пропустил меня. Конвоир нажал на кнопку зуммера, и железные ворота, которые закрывались на автоматический замок, медленно открылись. Я прошел по знакомому коридору.

– Куда мы идем? – спросил я у Семенова.

– В кабинет. Он уже там.

– А что случилось?

– Да ничего особенного. Он сейчас сам все расскажет. Мое дело – тебя провести и вывести обратно. Минут пятнадцать вам на разговор хватит?

– Я не знаю, смотря какой разговор, – сказал я.

– Скоро проверка будет, – предупредил Гриша. – Так что у вас всего пятнадцать минут.

Я подошел к двери кабинета. Семенов открыл ее. Я вошел внутрь. На скамье сидел Сушков. Семенов тут же вышел и еще раз сказал:

– Через пятнадцать минут я к вам захожу, будьте готовы.

Я подошел к Сушкову.

– Что случилось, Валентин?

– Да что случилось… То, что и должно было случиться, – ответил Валентин. – Приходили ко мне.

– Кто приходил?

– Братва.

– Погоди, не Маркел с Утюгом случайно?

– Точно, они. А вы откуда знаете? – удивленно спросил Валентин.

И я рассказал ему о том, что произошло сегодня днем со мной.

– Теперь мне все понятно, – сказал Валентин. – Значит, после разговора с вами они пришли ко мне. Видимо, деньги забашляли Семенычу, он и сделал им свидание со мной.

– Какое свидание? Они что, в камеру к тебе пришли?

– Нет, все было по-другому. Пришли в комнату посетителей, как будто они мои родственники.

– И что? Они тебя хоть не били?

– Нет, что вы! Между нами стекло было, а говорили мы по телефону. Как будто они мои двоюродные братья. Представляешь, какая наглость! – Валентин снова перешел на «ты».

– И что?

– Поговорили минут пятнадцать-двадцать. Суть разговора в следующем. Из-за этого я вас и вызвал. Они говорят – Кузю не вернешь, а бабки, которые ты заныкал, нужно отдавать, потому что за этими деньгами стоят очень серьезные люди. В принципе никакого блефа тут нет, это так и есть.

– А деньги-то большие? – поинтересовался я.

– Большие. Но не о них сейчас разговор. И вот какой ультиматум они мне поставили. Тогда, на стрелке с Кузей, когда все это в кафе произошло, они находились на улице. Теперь они поставили условие: если я им деньги не верну, то завтра, на допросе у следователя, они скажут, что видели, как я «пику» воткнул.

Я был ошарашен.

– А это так и было?

– Конечно, нет, – раздраженно ответил Сушков. – Это далеко не так. Они мне просто ультиматум поставили.

– А что же от меня требуется?

– Я хочу спросить вас, как адвоката, как мне из этой ситуации выкрутиться?

Я помолчал.

– Возвращай деньги или соглашайся на их ультиматум. Ведь еще не было следственного эксперимента. А следственный эксперимент может расставить многое по своим местам. И, самое главное, какая все же сумма?

– Большая, – повторил Сушков.

– Если сумма большая, то пока можно подождать. Скажи им, что подумаешь, прежде чем дать ответ. Это будет выглядеть вполне естественно.

– А что это даст?

– Мы время выиграем. А следовательно, будем лучше подготовлены.

– К чему?

– К этому самому главному ответу.

– Хорошо, я так и сделаю, – кивнул головой Валентин.

Через несколько минут в дверях появился все тот же работник изолятора Семенов. Он проводил меня до выхода. Я хотел уже попрощаться с ним, но неожиданно он произнес:

– Да, чуть не забыл. Вас следователь Филиппов разыскивал.

– А что он хотел?

– Просил ему позвонить.

«Странно, – подумал я, – какой-то рядовой сотрудник передает мне о звонке следователя. Этот Семенов играет все большую роль в этом деле – все вокруг него кружится. Тут тебе и связи с братвой, и банкет, а теперь и следователь!»

Вскоре я вернулся в пансионат. Я посмотрел на часы. Было около восьми вечера. Но я знал, что в это время работники прокуратуры еще могут быть на рабочем месте – рабочий день у них ненормированный. Я подошел к телефону и хотел поднять трубку, но вспомнил, что если уж мы живем на «конспиративной квартире», то мне нет смысла звонить отсюда. Наверняка у следователя стоит определитель номера. Поэтому я взял мобильный телефон и набрал номер.

Я не ошибся. После соединения послышались знакомые звуки – сигналы определителя номера.

– Филиппов слушает, – услышал я.

– Алло, это говорит… – и я представился.

– Очень хорошо, что позвонили. А я вас разыскивал.

– Хотел поинтересоваться – как это вы определили, что я в тюрьме?

– Это дело нехитрое, – ответил Филиппов. – Наверняка вы к нему ходите каждый день.

«Значит, меня уже контролируют», – подумал я и спросил:

– Чему обязан таким вниманием?

– Дело, в общем, пустяковое. Хотим следственный эксперимент провести. Вы как адвокат можете на этом эксперименте присутствовать. Впрочем, – Филиппов сделал паузу, – вы можете и не присутствовать при этом. Это ваше право.

– Нет уж, лучше я поприсутствую, – сказал я. – Тем более у меня клиент очень требовательный. Наверняка он будет недоволен, если меня не увидит.

– Это уже ваше дело, – повторил Филиппов. – Да, еще что хотел вам сказать. Вы оставили мне номер вашего мобильного телефона, а он не отвечает.

– Так его отключили, наверное.

– А почему отключили?

– Да за долги, – соврал я на ходу.

– Что значит за долги?

– Деньги должен внести, счета не оплатил.

– Так оплатите, – сказал Филиппов.

– Я бы оплатил давно, да у меня денег нет.

На другом конце провода послышался смешок. Видимо, Филиппова очень развеселило это мое высказывание.

– Поэтому вы подключили второй телефон? – спросил Филиппов.

– А с чего вы это взяли? И если даже подключил, то что?

– Так дайте следователю номер, чтобы я мог вас разыскать!

Теперь мне стало ясно, что определитель номера не определил.

– Я дал бы с удовольствием, да телефон не мой.

– А чей же?

– Одной знакомой.

– Любовницы, что ли?

– Я не понимаю, я что – подозреваемый?

Филиппов вновь засмеялся.

– Боже упаси! Но все же, как мне вас искать?

– Вы же номер пейджера знаете, – напомнил я.

– Да, точно, я записывал.

– Так звоните на пейджер, и я вам сразу же перезвоню.

– Хорошо, – сказал Филиппов. – А теперь записывайте адрес, где будет проходить следственный эксперимент.

– Диктуйте.

– Эксперимент будет проходить на месте убийства, – сказал Филиппов. – Вы знаете это место?

– Нет, не знаю. Кафе какое-то…

– Записывайте.

Я записал точный адрес.

– А во сколько, примерно, привезут Валентина? – спросил я.

– Это уж не от меня зависит. Когда у них машина будет свободная, когда караул. Ориентировочно – с двенадцати до пяти.

– А мне как быть?

– Приезжайте к часу, думаю, не ошибетесь. А если опоздаете, то уж не обессудьте.

– Да, я все понимаю.

– Или оставьте свой телефон, – снова сказал Филиппов, – я позвоню вам, когда более конкретно буду знать время.

– Как только оплачу счета, так сразу вам сообщу об этом, и вы сможете звонить мне.

– Хорошо, – Филиппов снова засмеялся. – Значит, мы договорились?

– Конечно.

После разговора я сразу пошел к Жанне. Ее я нашел сидящей в номере в кресле и читающей какие-то бумаги.

– Не помешаю?

– Нет, что вы! Я только что вам звонила.

«Странно, – подумал я, – почему она все время называет меня по-разному – то на „вы“, то на „ты“? Наверное, еще не сформировалось отношение ко мне. А может, считает, что на брудершафт еще не пили?»

Я коротко рассказал Жанне обо всех своих приключениях – о разговоре с братвой, о последующем визите к Валентину, о звонке следователя.

– Что же делать? – спросила Жанна, выслушав меня.

– Нужно прежде всего готовиться к следственному эксперименту.

– А как это – готовиться?

– Сейчас нужно немедленно ехать в это злополучное кафе и обследовать его внимательно. Нужно быть готовыми к тому, какие вопросы задавать, какие требования включить в протокол этого следственного эксперимента. Да, самое главное – там есть Верка, официантка. Она – свидетель, как мне сказал твой супруг.

– Ну и что?

– Ребятишки-братишки, конечно, могут разобраться с Верочкой, поговорить с ней, чтобы она давала нужные им показания. Хорошо бы предварительно с ней на эту тему тоже поговорить.

– Понимаю, – сказала Жанна.

– Но я этого сделать не могу.

– Почему? Вы же адвокат.

– Вот именно. Если я буду говорить со свидетелем, это будет расценено как давление на него. Я могу общаться со свидетелями только на суде или, с разрешения следователя, с составлением протокола. А неофициально я не имею права это делать. Это может повлечь за собой даже уголовное наказание. Но, как ты понимаешь, уголовного наказания я не боюсь. Я боюсь другого – из дела меня могут вывести. Будет хороший повод.

– А из этого следует, что говорить должен кто-то другой? – спросила Жанна.

Я сделал паузу. Жанна поняла, что я имею в виду.

– Хорошо, – сказала она и кивнула головой, – я поговорю с ней сама.

– Я тоже поеду. Но нужно взять еще кого-нибудь.

– Может, Пашу возьмем? – предложила Жанна.

– А он уже появился?

– Да, он приехал, закончил свои дела. Правда, он сейчас спит, очень сильно устал, но ничего, я его разбужу.

– Это было бы отлично! – сказал я.

– Ну что, через час выезжаем?

– Да.

– А поужинать успеем?

– Давайте сначала дело сделаем, – сказал я, – а потом уже спокойно поужинаем.

– Хорошо, договорились.

Через час мы втроем сели в машину. Паша был в плохом настроении. Оказывается, он ездил в другой город и выполнял там какое-то важное поручение, очень устал и рассчитывал сегодня отдохнуть. А мы вместо этого потащили его помощником, точнее, статистом, на следственный эксперимент. Всю дорогу он недовольно ворчал:

– Вот, нашли кого брать! Неужели никого помоложе нельзя было найти!

Мы подъехали к злополучному кафе «Ласточка» уже около десяти часов вечера – почти в то же время, в какое было совершено убийство. Поставив свой джип недалеко от входа, я осмотрелся.

– Вероятно, это и есть то самое место, – сказал я Паше, – тут они, судя по всему, и стояли. Тут можно поставить четыре, от силы пять машин. Как мне говорили, охрана стояла возле машин. До входа – метров пять или семь.

– Шесть с половиной, – поправил меня Павел.

– Ну, у тебя глаз – алмаз! – пошутил я.

Мы подошли ближе к кафе.

– Ну что, видно что-нибудь? – спросила Жанна.

Через стеклянные стенки кафе и плотную занавеску практически не было видно, что происходит внутри помещения – только столики и очертания темных фигур, сидящих за ними. Но лиц разобрать было невозможно.

– Видишь, – обратился я к Паше, – ты занимаешься гражданскими делами, а я – уголовными. Если свидетель будет показывать, что отчетливо видел, кто сидел за столом, можно будет сказать: позвольте вам, дорогие свидетели, не поверить. Теперь остается проверить, могли ли они слышать отсюда разговор.

– Да как же можно его услышать! – возразил Паша. – Это же ясно! Мы ведь сейчас не слышим даже, как музыка играет!

– Погоди, нужно во всем убедиться на собственном опыте, – сказал я. – Вот посмотри, – я развернул листок с чертежом Валентина. – Вот где стоит этот столик.

– По-моему, они его передвинули, – вмешалась Жанна, указывая на схему.

– Да, немного. Но это естественно – видимо, полы мыли и сдвинули. Но, положим, они сидели вот за этим столиком. А сейчас наша задача в следующем. Там сейчас никто не сидит.

– Погоди, кто-то за ним есть, – всмотрелся Паша.

– Ну и ладно. Короче, Паша, ты подходишь к этим людям и что-нибудь спрашиваешь у них.

– А что мне спрашивать?

– Паша, ты же адвокат! Придумай что-нибудь! Хотя бы спроси, как пройти в библиотеку.

Паша засмеялся.

– Спроси что-нибудь! – повторил я. – Послушаем, будет ли отсюда что-нибудь слышно.

– Да не будет слышно! – сказал Паша. – Ладно, я все сделаю. А дальше что?

– А дальше – вернешься. А ты, Жанна, – повернулся я к ней, – можешь что-то узнать насчет Веры?

– Да, сейчас я пойду. Если она там, я поговорю с ней.

– Но только говори так, чтобы тебя никто не видел. Например, в подсобку пройди.

– Хорошо, – сказала Жанна.

Я остался стоять перед входом. Паша вошел в кафе и направился к столику, что-то спросил у мужчины, сидящего там. Ничего слышно не было. Значит, если свидетели будут настаивать на том, что они что-то слышали, например, как мой клиент угрожал Кузе, мы можем настаивать на том, что это оговор, то есть лжесвидетельство. И в этом случае будем добиваться проведения нового следственного эксперимента.

Вскоре Паша вышел. Жанна собралась войти внутрь кафе.

– Погоди, – сказал я ей, – теперь пойду я.

Я пошел в зал, осмотрелся. В кафе народу было немного. За столиком, за которым произошло убийство, сидели три человека и о чем-то толковали. В другом углу сидели какие-то пацаны, вероятно, местная шпана или местная братва. Они курили и тоже о чем-то оживленно разговаривали. Немного дальше сидела парочка.

Я направился к стойке бара. Там сидел какой-то парень, со скучающим видом наблюдавший за публикой.

– Добрый вечер, – обратился я к нему. – Я хотел бы купить сигарет. Какие у вас самые хорошие?

– «Мальборо лайт», конечно, – ответил парень. – Вам сколько?

– Дайте, пожалуйста, блок, – и я протянул ему деньги. Официант достал из-за спины блок «Мальборо» и протянул мне. Я взял сигареты. Официант хотел было отсчитать сдачу, но я остановил его.

– Нет, сдачи не надо. Можно воспользоваться вашим туалетом, а то я боюсь, не дотерплю до дома?

– Конечно, можно, – улыбнулся официант.

– Как туда пройти?

– Прямо по коридору, потом направо.

Я взял блок сигарет, который был мне совершенно не нужен, так как я не курю, и медленно пошел по коридору в сторону туалета, того самого, куда, по его словам, ходил Валентин. Мне нужно было провести так называемый хронометраж – сколько шагов было до туалета, сколько обратно. Дойдя до указанной двери, я обернулся и заметил, что напротив туалета есть еще одна дверь. Я приоткрыл ее. Это была небольшая подсобка, где стояли швабры, веники. Вероятно, это комната уборщиц. Но самое интересное было впереди.

Рядом с туалетом была еще одна дверь. Я приоткрыл и ее. Бог ты мой – это же запасной выход! Таким образом, получалась версия, что человек, который мог совершить убийство Кузьмина, вошел в кафе через черный ход, спрятался в комнате уборщиц, а потом мог спокойно проникнуть в зал и нанести смертельный удар. При этом мой клиент мог находиться в туалете. «Хорошая версия, – подумал я. – Молодец, адвокат, хорошо работаешь! А если этого не было?» Если брать за основу, что мой клиент действительно не совершал убийства, – а это, судя по всему, так и есть, – то убийца воспользовался именно этим путем… Ну что же, прекрасно, возьму это на вооружение!

Я уже хотел вернуться к выходу, но неожиданно у меня возникла мысль: а вдруг предполагаемый убийца в туалете или в какой-нибудь каморке оставил орудие для убийства, что-то еще, кроме ножа? Я стал обшаривать помещения, но короткий досмотр туалета и комнаты для уборки ничего не дал, никаких улик я не заметил.

Я вышел в зал и, попрощавшись с официантом, направился к выходу.

– Ну как? Все в порядке? – спросила Жанна.

– Да, все нормально. Теперь твоя очередь, – ответил я.

Жанна вошла в кафе. Через несколько мгновений я увидел, как она подошла к официанту за стойкой бара. Они о чем-то говорили минут пять. Потом Жанна протянула что-то. Я понял, что это были деньги. Официант начал что-то писать на бумаге.

Вскоре Жанна вернулась.

– Поехали быстрее, – сказала она. – Нами уже интересуются.

– Кто? – спросил я.

– Да вон там братва сидит, уже взгляды кидают в нашу сторону.

Я быстро завел машину. При этом я даже не стал включать габариты, чтобы не освещать машину и номерные знаки. Вырулив из дворика, я погнал к центральной улице.

– Куда едем?

– Вот адрес этой Веры, официант дал.

– Так прямо сразу и дал?

– Да уж! Купила. Что сейчас можно бесплатно получить? Ничего. Только сыр в мышеловке…

– Мы прямо сейчас к Вере поедем? – спросил Паша.

– А что терять? Все равно потом ее на допрос вытаскивать.

– Надо с ней сейчас переговорить, – сказала Жанна. – Буду говорить я. Мне все равно ничего не будет за это.

Я пожал плечами.

– Конечно. Никто же не знает, кто к ней приходил.

– Это точно.

Минут сорок мы плутали по пустынным люберецким улочкам. Наконец подъехали к пятиэтажному блочному дому. Жанна сверилась с запиской.

– Вот тут, на четвертом этаже, она и живет, – сказала она. – Вон и свет в окнах горит. Ну что, я пойду?

– Может быть, мне проводить тебя? – предложил Паша сонным голосом.

– Нет, кто мне там может угрожать? Пойду без свидетелей поговорю, с глазу на глаз. Если, конечно, дома она одна.

– Будь осторожна, Жанна! – предупредил я.

– Я всегда осторожна. Да, я сумочку на всякий случай в машине оставлю, – она достала из сумки кошелек и пересчитала лежавшие там долларовые купюры. Я понял ее намерения.

Вскоре она вошла в подъезд. Отсутствовала Жанна минут тридцать. Появилась же веселая, с улыбкой на лице.

– Поехали, мальчики, все в порядке, – сказала она.

Я быстро завел машину и тронулся с места.

– Ну что, контакт состоялся?

– Состоялся, и очень удачно. Молодец, что подсказал именно сегодня с ней поговорить, не откладывать!

– А в чем дело?

– Ее завтра на допрос вызывают, в три часа.

– Куда?

– В прокуратуру.

– Погоди, ведь завтра с двенадцати до пяти следственный эксперимент?

– Я не знаю, но ее повесткой вызывают в три часа. С ней, кстати, ребята уже говорили.

– И что же они ей сказали?

– Они сказали ей, чтобы она была готова дать показания, что якобы видела, как Валентин ударил ножом Кузьму.

– Но это же…

– Она сказала, что на это дело не пойдет.

– А ты ей что сказала?

– Я сказала, пусть она говорит правду, как все было.

– А как было? – спросил я тут же.

– Очень просто. Все это происходило в ее отсутствие. Она уже попрощалась и вышла из кафе.

«Правильно, – думал я, – значит, мы ничего противоправного не совершили, просто предупредили человека, чтобы он не совершил еще одного преступления, не давал ложных показаний».

– Все правильно, – сказала Жанна. – И, как ни странно, даже деньги не понадобились. Только очень уж она напугана.

Вскоре мы добрались до пансионата. Там мы посидели в ресторане, поужинали, долго обсуждали недавние события.

В номер я поднялся очень усталый. Сел в кресло и начал чертить схему этого злосчастного кафе, просчитывая шаги, время, за которое Валентин мог вернуться, и время, которое мог затратить предполагаемый убийца, который должен был выйти из подсобных помещений и скрыться через черный ход. За этими расчетами меня и застала Жанна.

– А почему вы не спите? – спросила она.

– Сижу, готовлюсь.

– К чему?

– К следственному эксперименту.

Жанна удивленно посмотрела на меня.

– А что, завтра вам это может пригодиться?

– Вполне возможно, что ничего не пригодится. Но у меня есть кое-какие мысли, кое-какие разработки, нужно, чтобы все осталось в голове. Это может на суде пригодиться.

– Вообще-то мы планируем, что дело до суда не дойдет, – неожиданно сказала Жанна.

– Как это? – удивился я. – Ничего себе планы! Вы хоть представляете себе, во что влипли? Вы что, считаете, что при том раскладе, что имеется сейчас, удастся спокойно избежать суда?

Жанна улыбнулась.

– Но вы же – сильный адвокат, вы же многое можете!

– Я не волшебник, я не могу раздвинуть стены камеры и выпустить Валентина на свободу!

– Что-то я устала, – резко сменила тему Жанна, – я бы выпила чего-нибудь.

– Бар уже закрыт, – сказал я.

– А у вас ничего нет?

– Да я ничего особо не пью, – словно оправдываясь, ответил я.

Но Жанна уже подошла к бару и открыла его. Там стояла бутылка итальянского вермута, бутылка шампанского и коньяк.

– Ну что, может, шампанского? Или нет, лучше вермута с соком?

Жанна быстро достала вермут «Чинзано», пакет сока, открыла его.

– Вам в какой пропорции? – спросила она у меня.

– Больше сока, меньше вермута.

– А что так? Вы вообще не пьете?

– Да, давно уже отвык.

– А как же вы усталость снимаете?

Я пожал плечами.

– Да есть средства.

– И не курите?

– Да, не курю.

– Совсем положительный! – улыбнулась Жанна.

– Но у меня есть другие недостатки, – сказал я.

– Какие же?

– А это уже адвокатская тайна, – улыбнулся я.

Жанна выпила бокал, закурила и посмотрела на меня.

– Я все хочу сказать, может, нам на «ты» перейти? А то все как-то путаемся, – сказал я неуверенно.

– Я не против, – кивнула головой Жанна. – Можно и на «ты». За это не мешает выпить! – И она налила себе в бокал новую порцию выпивки.

– Конечно, – согласился я.

Мы отпили понемногу из бокалов.

– Ладно, целоваться не будем, – улыбнулась Жанна и продолжила: – Я нахожусь в таком стрессе, в таком напряжении! Не знаю, выдержит ли моя нервная система. Мне пришлось столько пережить за последние дни!

– Ничего, думаю, все будет хорошо, – сказал я. – Мне интуиция подсказывает. Хотя, конечно, выход из этой ситуации еще достаточно туманен. Но, может быть, завтра нас ждет первая удача?

Но удача пришла не сразу. Во-первых, была проблема с доставкой Валентина. Следователь оказался прав. Очень сложно доставить подозреваемого на следственный эксперимент. Сначала долго не могли найти конвой, затем по дороге сломалась машина. Валентина доставили на место только к четырем часам вечера. Мы ждали его у кафе три с половиной часа.

Жанна с Пашей сидели в другой машине. Время от времени мы переговаривались по мобильному телефону. Жанна уже стала волноваться.

– А вдруг бандиты приедут и пристрелят Валентина?

Я успокаивал ее:

– Во-первых, это просто невозможно, так как будет большая охрана. Видимо, ОМОН подтянут, конвойная служба, милиция подъедет. А во-вторых, смысла нет. Он нужен им живым, чтобы они могли получить свои деньги. Так что пока они не убедятся в том, что он им денег не даст, ничего не случится. А к этому времени может многое измениться.

Наконец привезли Валентина на обычном «рафике» с надписью «Милиция». За ним шла еще одна машина – такой же «рафик» с милиционерами. Несколько автоматчиков в бронежилетах сопровождали его. Сам Валентин был прикован наручниками к какому-то оперативнику. Они быстро вышли из машины и, не останавливаясь, прошли в кафе.

Кафе к этому времени уже закрыли, никого постороннего там не было, за исключением двоих понятых, которые заранее были приглашены для эксперимента и сидели в сторонке. Кроме следователя, было еще несколько сотрудников прокуратуры. Это были оперативники и, вероятно, еще следователи, которых направили для проведения эксперимента. Кроме того, был мужчина с видеокамерой.

Сначала все сели за столики. За столик, где сидели Валентин с оперативником, подсели и мы со следователем. Следователь достал бланк протокола допроса и стал что-то писать, заполнять графы. Затем начался традиционный допрос: где сидел Валентин, когда он пришел, где сидел Кузя, о чем они говорили – то есть сначала было словесное описание эпизода убийства. Затем, когда следователь закончил это описание и Валентин ознакомился с записями – а после него записи прочитал и я, – были поставлены подписи: сначала – Валентина, потом – моя.

После этого следователь предложил обыграть все вживую, то есть Валентин встал, прошел под объективом видеокамеры от входа до столика, сел. Затем к нему подсел еще один человек. Вероятно, это был статист – так называемый воображаемый погибший. Они о чем-то говорили. Наконец Валентин сказал, что он разговор закончил, встал и подошел к стойке. Он стал показывать, что там стоял телевизор с видеомагнитофоном. Но в настоящий момент там ничего не было. Валентин стал показывать, как он возился с видеомагнитофоном. Затем он пошел в сторону туалета. Теперь необходимо было проверить по часам, сколько времени он отсутствовал. Следователь включил свой хронометр, фиксируя время.

Наконец Валентин выполнил еще какие-то действия, и уже, казалось, следственный эксперимент был закончен. Следователь обратился к присутствующим:

– Есть ли у вас какие-то вопросы к следствию?

– Да, я хотел уточнить, – сказал я. – Я хотел бы, чтобы вы записали мой вопрос по поводу освещения. – И я задал вопрос: какое освещение было в кафе в двадцать три пятьдесят?

Валентин пожал плечами. Следователь записал вопрос и удивленно посмотрел на меня:

– А какое это имеет значение? Вроде это к предмету не относится.

– Нет, это не так. Меня очень интересует освещение, потому что с помощью этого можно выяснить, как хорошо было видно помещение кафе снаружи.

Валентин сразу сообразил, к чему я клоню.

– Освещение было плохое, – сказал он, – свет приглушенный, да и к тому же никого из посетителей не было и зажигать много света не было нужды.

Я проследил, чтобы этот ответ был занесен в протокол. Следователь кивнул головой, как бы говоря, что он понимает, что я задумал.

– Есть еще вопросы?

Я хотел спросить по поводу комнаты уборщиц, о возможности проникнуть через черный ход посторонним, а потом подумал, что пока не стоит раскрывать свои карты.

– Вопросов нет, – сказал я.

– Тогда мы прощаемся, – обратился к нам следователь. Он посмотрел на Валентина. – Через три-четыре дня я навещу вас в следственном изоляторе. – Он перевел взгляд на меня. – Мы с вами созвонимся. Дело в том, что к этому времени уже будут результаты экспертизы, так что я обязан приехать и ознакомить с ними вас.

– А что, пока предварительных результатов нет? – Я намекнул ему на то, что обычно следователи заранее знают результаты экспертизы.

– Нет еще, – он покачал головой. – Ладно, я вас больше задерживать не буду.

– А вы еще останетесь здесь?

– Да, останусь. Мне нужно еще поработать со свидетелями.

– Какими свидетелями?

– Свидетелями этого преступления.

Мне стало интересно. Следователь определенно намекал на охрану Кузи и официантку Веру.

Я попрощался с Валентином, а сам направился к выходу. Мне было ясно, что сейчас следователь вызовет сюда свидетелей, которые будут давать показания по поводу этого происшествия в кафе. Я прекрасно понимал, что братва снова захочет поговорить с Веркой. Теперь мне необходимо было это запечатлеть. Как назло, у меня не было с собой фотоаппарата, и я очень ругал себя за это – вот, считаю себя опытным адвокатом, ношу с собой «Полароид» – очень удобная вещь, мало ли, что-то срочное нужно будет снять: факты избиения своего подзащитного, какие-либо документы. А тут, как назло, его нет!

У меня мелькнула мысль: наверняка в этом городе есть какой-то магазин, где можно купить фотоаппарат. Я быстро сел в машину и, сообщив Павлу и Жанне по телефону, что скоро вернусь, направился в сторону центра города. Там я без труда нашел фотомастерскую. Почти бегом ворвался в нее.

– У вас одноразовые фотоаппараты есть?

Мужчина удивленно посмотрел на меня.

– Какие?

– Ну, «Кодак», «Фуджи»?

– «Кодак» есть, – сказал мужчина, доставая одноразовый фотоаппарат, уже заряженный пленкой.

– Прекрасно. Сколько он стоит?

Мужчина назвал цену. Я достал из кармана деньги. Прекрасно! Только бы теперь он заработал!

Вернулся к кафе. Я не ошибся в своих предположениях. Вскоре к кафе подъехали ребята. Я заметил девушку в спортивной куртке и в платке. Судя по всему, это была Верка.

Поставив машину поближе, я стал ждать. Двое ребят подошли к Верке вплотную и стали о чем-то разговаривать. Это был именно тот момент, который мне необходимо было запечатлеть. Я быстро нажал на газ и подъехал к ним почти вплотную. Нажав на кнопку, я опустил левое стекло. Навел объектив на Верку, стоящую рядом с ребятами, и сфотографировал их. Ребята удивленно посмотрели в мою сторону. Тут же я поднял стекло машины.

Я уже хотел ехать домой, но вспомнил, что забыл самое главное и следователь тоже об этом забыл. Я быстро набрал номер мобильника Жанны.

– Жанна, вы где находитесь?

– Мы ждем в переулке.

– Послушай, постарайся сосредоточиться и ответить мне на вопрос точно: в какой костюм был одет в тот вечер Валентин?

– Я уже не помню.

– Жанна, дорогая, вспомни! Это очень важно!

– По-моему… Погоди, он приехал с работы. Следовательно, он был в темном костюме в полоску.

– А рубашка какая?

– Белая рубашка.

– Галстук?

– Вот этого я не знаю.

– Жанна, постарайся вспомнить – темный, светлый?

– Он никогда не носит светлые галстуки.

– Значит, темный. Ясно. Теперь возвращайтесь в пансионат и ждите меня там. А я еще немного поработаю.

– А зачем вы интересуетесь костюмом? – спросила Жанна.

– Они могут костюм подменить. Ведь, по утверждению Валентина, никаких пятен на нем не должно быть.

– И что же? Вы думаете, что они могут другой костюм подсунуть, с пятнами крови?

– Вполне возможно. Хотя, с другой стороны, вряд ли они пойдут на такое. Но мы должны быть готовы к любой ситуации.

Вскоре я вернулся в кафе. Следователь удивленно взглянул на меня.

– Что, опять что-то случилось?

– Да нет, ничего особенного. Просто я хотел, с вашего позволения, присутствовать до конца на следственном эксперименте.

– Но, извините, уважаемый господин адвокат, эксперимент проводится уже в присутствии свидетелей, и ваше присутствие на нем необязательно.

Я посмотрел на ребят. Они стояли и улыбались, как бы говоря – ну что, адвокат, получил свое? Облом тебе? Я заметил, что они изменились внешне – были причесанные, одеты в светлые рубашки с галстуками. «Как будто на торжество пришли, – подумал я. – Надо же!»

Я перевел свой взгляд на Веру. Она выглядела испуганной и уставшей. Во взгляде чувствовалось напряжение. Наверняка ее уже напугали ребята, представители братвы. Но что я могу сказать следователю? Какие у меня есть доказательства, что осуществляется давление на свидетеля? Никаких, кроме единственного снимка, который потом, возможно, придется обыграть в суде.

Переминаясь с ноги на ногу и ругая наше несовершенное законодательство, в котором нет четкого определения действий адвоката, я решил все же уехать. Я сел в машину и направился в сторону пансионата. Что мне еще оставалось делать?

Когда я вернулся в пансионат, мы собрались в номере Жанны, который превратился в штабной. Мы долго сидели и обсуждали возможные варианты дальнейших событий после следственного эксперимента. Я устал высказывать свои предположения. Особенность адвокатской работы заключается в том, что если клиент бывает настойчивым, то он заставляет тебя как бы предугадывать течение следствия и ход событий. Если сравнивать нашу работу с работой врача, то можно представить такое. Приходит больной к врачу и спрашивает у него: скажите, как я могу заболеть – так или так? А вдруг я так заболею? А вдруг этак? Ведь такого никто у врачей не спрашивает. А адвоката, получается, терзать можно?

Жанна помучила нас серьезно, перебирая различные варианты. Наконец я решил остановить ее.

– Жанна, – сказал я, – в конце концов, мы не бюро прогнозов, чтобы предугадывать дальнейшие события.

Она согласилась с нами.

– В конце концов, – сказала она, – я могу сейчас тоже получить кое-какую информацию. – Она взяла трубку мобильного телефона и хотела набрать номер.

– Погоди, – сказал я, – ты куда собираешься звонить?

– Верке, – ответила Жанна.

– Она тебе телефон дала?

– Да, и сказала, чтобы я ей позвонила после следственного эксперимента.

– Не вздумай звонить с мобильного!

– Почему?

– Мало ли что – телефон ее может прослушиваться. Пойдем поищем телефон-автомат.

Мы вышли на улицу. Но никакого телефона-автомата там не было. Тогда мы сели в машину и отъехали от пансионата. На обочине дороги стояло здание, похожее на кафе. Около него мы заметили телефон-автомат и подошли к нему. Но, как назло, этот автомат работал только с жетонами. Мы зашли в кафе и купили жетоны.

Жанна набрала номер Веры.

– Алло, узнала меня? – спросила она. – Только не называй меня по имени. Как дела? Что, можно подъехать? Отлично, мы подъедем, – Жанна взглянула на часы, – минут через сорок. Ты одна? Все, подробно поговорим при встрече. Пока!

Жанна положила трубку. Лицо ее было довольным.

– Отлично! – сказала она.

– Что отлично?

– Вера мне очень важную информацию обещала передать. Говорит, что эта информация может полностью изменить все дело. Поехали к ней!

– Уже поздно, – сказал я, – может, завтра с утра?

– Нет, поехали сейчас! Неужели ты не понимаешь, что я ночь спать не буду?

Мы сели в машину и поехали в сторону Люберец. Жанна очень нервничала. Она курила сигарету за сигаретой. Тут и пригодились сигареты, которые я купил в кафе.

Вскоре мы были у подъезда дома, где жила Верка.

– Не включай габариты, – сказала Жанна, выходя из машины.

– Почему?

– Вдруг действительно какая-то слежка. А так – я приехала, ты меня подвез, я ищу знакомую.

– Если так, то хотя бы придумай заранее, кого именно ты ищешь.

– Сейчас придумаю, – улыбнулась Жанна. Она закрыла дверцу и пошла к подъезду. Я стал внимательно наблюдать за ней, проверяя, нет ли слежки. Над входом в подъезд горела тусклая электрическая лампочка.

Неожиданно дверь подъезда открылась, и оттуда вышел мужчина небольшого роста, в темном пальто, в надвинутой на глаза то ли кепке, то ли берете. Увидев Жанну, он остановился и еще ниже опустил голову. Определенно, он сделал это, чтобы Жанна не увидела его лица. Мне стало ясно, что он знает Жанну. А может, мне все это кажется, я преувеличиваю? Наверное, уже какая-то шпиономания у меня началась!

Тем не менее я решил принять меры предосторожности. Я включил приемник, вмонтированный в машину. У меня была специальная приставка к нему, позволяющая улавливать сигнал милицейской рации на диапазоне FM. Если сейчас в засаде есть какие-то менты, то я наверняка услышу их переговоры. Однако ничего, кроме разговоров с пролетающего самолета, шедшего на посадку, и нечетких указаний диспетчера летчикам, я не услышал. Я облегченно вздохнул.

Неожиданно дверь подъезда распахнулась, и оттуда выбежала Жанна. Она быстро влетела в машину. Я обратил внимание, что ее трясло, как в ознобе.

– Быстрее поехали отсюда! – выдохнула она.

– Жанна, что случилось?

– Потом объясню. Быстрее поехали!

Я нажал на газ и рванул вперед.

– Включи габариты и сверни налево. Теперь направо! – командовала Жанна.

Что за гонки?

– Что же случилось? – снова спросил я.

– Веру убили!..

Глава 5
Рэкет

Люберцы – Москва, 1988 год

Прошло десять лет. За это время произошли серьезные изменения. Страна из развитого социализма шагнула в первобытный капитализм. Второй год действовал закон о кооперации. Практически во многих местах стали появляться первые кооперативы – первые кафе, первые видеосалоны, платные туалеты и прочее.

Из подполья вышли цеховики, спекулянты, фарцовщики, которые теперь стали легально заниматься бизнесом, превратившись в кооператоров.

Движение люберов постепенно угасло. Практически все молодежные банды расформировались. Некоторые участники уже ушли в мир иной и лежали на люберецком кладбище как память о прошлых сражениях, о потерянном времени и жизни. Другие, которые пошустрее, сумев скопить кое-какой капитал, открыли небольшие кооперативные палатки, вообще отошли от шпаны, стали заниматься серьезными делами.

Некоторые же, посчитав, что научились хорошо драться – а за идею драться уже не было смысла, – стали заниматься новым промыслом, именуемым иностранным словом «рэкет», а в просторечии – вымогательством.

Валентину Сушкову к тому времени было двадцать четыре года. Страсть к самбо взяла верх, и Валентин заканчивал институт физкультуры, который находился в Москве в районе Измайлова.

Его друг, Макс, решил не поддаваться уговорам Валентина поступать в институт физкультуры, а пошел в другой институт – народного хозяйства имени Плеханова, где также учился на последнем курсе. Кроме того, Макс сумел поднакопить немного деньжат и открыл напополам с одним коммерсантом кооперативный киоск, который находился недалеко от их дома и торговал разной мелочовкой.

Как ни странно, коммерсантом, с которым Макс открыл киоск, оказался бывший работник райкома комсомола Сергей Воробьев.

От молодежной группировки, которую возглавлял Кузя, а впоследствии Макс, практически ничего не осталось. Группировка раскололась. Часть пацанов погибла, другие были осуждены и отбывали наказание по разным колониям, третьи посчитали, что драться не имеет смысла. Да и драться было не с кем – такая же участь постигла и другие группировки.

Иногда ребята встречались вечерами. Часто на такие встречи приходили Валентин, Макс. Но формально никто никому никаких приказаний не давал. Так, сидели, вспоминали былое. Кто-то читал письма, которые получал из зоны от ребят.

О Кузе толком ничего не было известно. Вначале Кузя писал письма часто, и ребята первое время достаточно активно читали их. Из писем его следовало одно – что и там жизнь есть. Кузя особо не расписывал, да и лагерная цензура не позволяла углубляться в тонкости и нюансы тюремного романтизма. Единственное было ясно, что Кузя часто менял колонии, а может, колонии часто меняли Кузю, направляя его с одного этапа на другой. Затем, года через четыре, переписка вовсе прекратилась, и многие стали думать, что Кузя либо погиб в лагерной разборке, либо его скосила болезнь – в последнее время Кузя отбывал наказание где-то на Севере. Кое-кто ждал, что через девять лет Кузя вернется, однако по прошествии

этого срока он не появился. Все стали думать о том, что скорее всего Кузи на самом деле больше нет.

В семье Валентина тоже произошли изменения. Мать все же сумела выйти замуж, и удачно, на сей раз – за настоящего военного, точнее, бывшего военного, потерявшего свою семью в авиакатастрофе. Сходились они постепенно, очень долго встречались. Потом мать уехала к нему на родину, куда-то на Украину, под Одессу. Валентин от такого переезда отказался, так как был уже взрослый. Жил Валентин один в двухкомнатной квартире, которая досталась ему в наследство от умершей бабушки.

Спортивная карьера, на которую рассчитывал Валентин, у него не сложилась. Точнее, звание мастера спорта он добыл, участвовал даже несколько раз в международных соревнованиях. Но затем он получил сильную травму – вывих сустава. Была операция, и после этого врачи вынесли вердикт: большим спортом заниматься не может.

Надо было как-то заканчивать институт. Валентин с головой ушел в учебу. У него теперь была единственная цель – стать тренером детской спортивной школы или, еще лучше, спортивного общества.

Но попасть в спортивное общество было очень тяжело. Нужно было иметь спортивную славу, чемпионские звания, медали. А у Валентина этого не было. Значит, единственное, что было для него достижимо, – тренерская работа в спортивной школе. Да и этот путь иногда казался нереальным, поскольку при кооперативном движении почти все детские спортивные школы, существовавшие раньше на бюджетной подпитке, просто распались.

Теперь Валентину светила только должность учителя физкультуры в школе, что совершенно его не радовало.

Каждый раз, собираясь вечером с ребятами, Валентин слушал различные рассказы о том, кто как живет. Иногда он встречал своих бывших ребят, которые уже стали удачливыми коммерсантами. Некоторые занимались рэкетом и уже купили себе первые автомобили.

Жизнь у всех складывалась по-разному. Денег, которые Валентин получал в стипендию, катастрофически не хватало. Цены в кооперативных магазинчиках и палатках были высокие, не для простого студента. А ему хотелось надеть и красивую кожаную куртку, и хороший спортивный костюм. Но денег не было ни на что, даже на то, чтобы посидеть с девушкой в кафе. Хотелось купить видеомагнитофон с импортным телевизором, да мало ли чего еще хотелось!

Каждый раз Валентин составлял список – купить то, другое. Но список приходилось выбрасывать, так как осуществить мечты было совершенно нереально. Денег-то не было.

Несколько раз Валентин одалживал деньги у Макса. Тот давал без проблем, без процентов, без сроков – отдашь, когда будет возможность. Но бесконечно одалживать деньги у Макса Валентин не хотел, да и не было смысла.

Однажды вечером во дворе за столиком в небольшой компании, в которой были Валентин, Макс и еще несколько человек из их молодежной группировки, ребята лениво перебрасывались отдельными фразами. Неожиданно к ним подъехало такси. Оттуда вышел парень. Его лицо показалось Валентину знакомым. Да это Сергей Воробьев, коммерсант, партнер Макса!

Сергей вытащил несколько бумажных пакетов. По звону стекла нетрудно было догадаться, что в пакетах стеклянные бутылки. Отпустив такси, Воробьев подошел к ребятам и стал выставлять на стол бутылки пива, достал воблу, несколько бутылок водки. Потом появились пластмассовые стаканчики. Молча откупорив бутылки, он разлил водку и пиво в стаканы, как бы предлагая всем выпить.

Ребята смотрели на него настороженно. Так же удивленно смотрел на своего партнера и Макс. С чего это Воробьев, который считал каждую копейку и был прижимистым, вдруг приехал и стал всех угощать?

Когда все понемногу выпили, наступило молчание, потому что никто не знал, о чем говорить, и Воробьев обратился к Максу:

– Послушай, партнер, у нас с тобой возникли проблемы, которые нам нужно решить в ближайшие пару дней.

Макс вопросительно взглянул на него:

– Что еще за проблемы?

– Наезд, – коротко ответил Воробьев.

Все ребята стали внимательно смотреть на него.

– Кто? – спросил Макс.

– Бригада на нас наехала, требует, чтобы мы им ежемесячно от наших с тобой доходов двадцать процентов отстегивали. Выручку будут забирать еженедельно.

– Да они что, оборзели, что ли? Какие двадцать процентов? – сказал Макс. – Мы и так с тобой копейки имеем! Ментам приходится отстегивать, исполкомовским, которые к нам приходят, да еще и эти! Что за люди?

– Я их не знаю. Тебе лучше знать, – ответил Воробьев.

– Тогда расскажи про наезд, – потребовал Макс.

И Воробьев стал рассказывать. В то время, как он сидел в палатке – тогда еще не было наемных продавцов и владельцы дежурили сами, – приехали шестеро крепких, накачанных ребят на старой «трешке», сразу же дали Воробьеву кулаком в лицо и сказали, что теперь он будет отдавать деньги им, так как это их территория.

– Ну, вообще! Какая это их территория! Это же наша территория, пацаны! – возмутился Макс, обращаясь к ребятам, напоминая им, что в прошлом эта территория принадлежала их молодежной группировке.

– Они хотя бы назвались, кто они?

– Я же сказал тебе, что это твои бывшие, не знаю, как сказать – друзья или враги. В общем, они сказали, что вроде бы про тебя слышали. Так что давай завтра подтягивайся проблему решать. Только имей в виду, Макс, что тебе одному с ними не справиться. Может, ребята поедут?

Теперь всем стало ясно, для чего Воробьев привез угощение. Получается – я вас угостил, а теперь будьте любезны отработайте! Ребята зашумели.

Но Валентин сразу оборвал все разговоры.

– Конечно, поможем, – сказал он. – Ведь не зря же в свое время мы давали клятву! Никто ее не отменял.

Все закивали согласно головами.

– Во сколько они завтра приедут?

– Точно не сказали, к вечеру ближе.

– Значит, с пяти часов будем все киоска держаться. Как только они появятся – будем разговаривать, – сказал Валентин.

– А о чем вы будете с ними разговаривать? – поинтересовался Воробьев.

– О чем? Разговор будет конкретный, только не на кулаках.

Около пяти часов следующего дня все участники вчерашнего застолья были на месте. Они забились в палатку, словно селедки в бочку. Все ждали, когда же подтянется группировка.

Примерно около шести часов к палатке подъехала далеко не новая «трешка» синего цвета. Из нее вышли не спеша четверо парней, одетых в спортивные костюмы и кроссовки. Кто-то был в кожаной куртке, кто-то просто в спортивной куртке фирмы «Адидас», которые в последнее время стали шить самопальные цеховики. Подойдя к палатке, они бесцеремонно рванули дверь на себя. Но дверь была закрыта. Тогда они стали громко стучать.

– Воробей, выходи! Разговор есть! – раздались голоса.

Поскольку Воробьева не было, вышел Макс. За ним шел Валентин и остальные ребята.

– В чем дело, ребята? – строго спросил Макс.

– А где ваш коммерсант, Воробей? – спросил один из парней.

– А зачем он вам?

– Да он нам деньги должен, мы приехали получить.

– Какие деньги, пацаны? За что? – спросил Макс.

– Он на нашей территории торгует, – сказал парень, взявший на себя роль лидера.

– А ты кто такой? Ты хоть представься мне, – спокойно сказал Макс.

– Я? – парень произнес это таким тоном, будто удивлялся, как это Макс его не знает. – Я Коля Мальвина. Слышал про такого?

– Что еще за Мальвина? Та, что у Буратино, что ли? – заулыбался Макс.

– Ты что, пацан? Мы – люди серьезные. Мы из бригады Пирожка.

– Какой такой бригады Пирожка? – продолжал улыбаться Макс.

– Послушай, ты Макс, что ли? – спросил Мальвина.

– Да, я Макс.

– Так мы же с тобой кореша! Помнишь, стенка на стенку ходили? Ты, кажется, синий был?

– Точно. А ты?

– «Теплоцентраль», обижаешь! – И быстрым движением парень вытащил из кармана цепочку, вероятно, для драки.

Макс тут же быстро намотал на руку резиновый жгут, которым в последнее время часто пользовались в драках.

Неожиданно в машине гостей открылась дверца, и оттуда вылез толстый парень в спортивном костюме, подстриженный под машинку. Он медленно подошел к стоящим друг против друга ребятам.

– Пацаны, одну минуточку! – сказал парень. – Я смотрю, знакомые лица! Здорово, Макс! – И парень протянул руку Максу. – Помнишь меня? Я Пирожок.

– Пирожок?

– Ты что, забыл, как мы с тобой махались?

– Да, было время, – неопределенно ответил Макс. – Так что за проблемы, Пирожок?

– Точка, что ли, твоя?

– Моя, конечно.

– Так сразу бы и сказал! А то твой коммерсант, – сказал Пирожок, – какую-то непонятку понес. Братве ничего толком объяснить не мог. Мы ему – какая крыша, предъяви, а он – вот, сейчас не могу, завтра приедут, назвать ничего не мог. Только пацанов зря от дела оторвали! А ты сейчас чем занимаешься, с кем работаешь? – продолжал интересоваться Пирожок.

Макс кивнул в сторону Валентина.

– Вот с ним работаю.

– А у тебя какая кликуха? – повернулся Пирожок к Валентину.

– Сушок, – ответил Валентин.

– Что-то имя незнакомое.

– Мы с Кузей работали.

– Кузя? Миша Кузьмин? Как же не знать! Знаем. Так он же, говорят, по зонам сейчас сидит…

– Да, но скоро вернется, – сказал Макс, – снова вместе будем работать.

– Кузя – человек авторитетный, кто его не знает! Говорят, он какого-то жулика в Москве, в кафешке, на глазах у ментов порезал? – говорил Пирожок. – Ладно, братва, извините, что так получилось. Короче, мы не знали, что это ваша точка.

И, пожав друг другу руки на прощание, ребята стали разъезжаться.

– Да, ловко мы их развели! – сказал Валентин, как только гости уехали.

– Ловко! – сказал Макс.

– Ну что, коммерсант, – с улыбкой сказал Валентин, – теперь тебе нужно нам двадцать процентов платить!

Макс заулыбался.

– Ладно, мы свои люди, сочтемся! Я вам угощение выдам.

Ребята зашли в палатку, и он выдал кому бутылку ликера, кому пиво, кому сигареты – каждый брал что хотел. Вскоре все разошлись.

Но через некоторое время у Макса начались новые неприятности. Неожиданно в его палатку пришли с проверкой милиционеры. Долго обыскивали, искали какие-то документы, краденые вещи, как они объясняли. Потом стали проверять патент, регистрацию кооператива и прочее. Потом они все же нашли какую-то зацепку, что, мол, не так какой-то документ оформлен, и палатку опечатали, предупредив, что Макс торговать не сможет, пока все юридические накладки в оформлении документов не устранит.

Пока Макс носился по исполкомам, по комиссиям по кооперативному движению, собирал все подписи, через два дня его палатка неожиданно сгорела.

Зашел на следующий день Макс к Валентину расстроенный.

– Ну вот, Валя, на бобах я остался! Ничего у меня нет! Толком сделать ничего не могу да еще денег должен.

– Денег должен? – удивился Валентин.

– Да. Я же многое на реализацию брал. Теперь на меня кредиторы наезжают. Что делать, посоветуй!

– А черт его знает! – пожал плечами Валентин и включил видеомагнитофон.

– Откуда у тебя видик? – удивился Макс.

– Ребята из института дали на три дня посмотреть. Глянь, какие боевики – «Команда» со Шварценеггером, много фильмов про карате, «Одинокий волк» с Чаком Норрисом и другие. А есть один очень любопытный фильм.

– Что за фильм?

– Про рэкетиров американских. Посмотри, что они делают!

Друзья стали смотреть фильм про американский рэкет, который облагал данью всех подпольных торговцев наркотиками, владельцев казино, сутенеров проституток и прочий нелегальный подпольный бизнес.

Друзья смотрели этот фильм несколько раз.

Вскоре, кстати, вышел фильм российского режиссера Юрия Кары «Воры в законе», где показывали деятельность российских рэкетиров, как они наезжали, как обкладывали данью цеховиков, кооператоров, как пытали утюгами и прочее.

Валентин отлично знал, что многие ребята в свободное от учебы время также промышляют рэкетом. Именно тогда начало появляться новое звено российской преступности – объединения спортсменов, занимающихся рэкетом.

Профессиональный же уголовный мир, живший старыми традициями, к этому движению отнесся достаточно равнодушно, посчитав, что это не конкуренты.

Но они глубоко заблуждались.

Вечером Валентин сидел дома в одиночестве. После того как он вернул видик друзьям, вечерами стало нечего делать. Валентин лениво перелистывал какой-то старый журнал и думал о предложении войти в бригаду, которое ему сделали ребята из института.

Неожиданно кто-то позвонил в дверь. Валентин увидел на пороге Макса. Тот со скучающим видом молча вошел в квартиру, держа в руках бутылку недорогого вина.

– Что-то ты в последнее время на винишко налегать стал, – сказал Валентин.

– Да, а что еще делать? – ответил Макс, махнув рукой. – Неприятности за неприятностями!

После того как сгорел кооперативный киоск, Макс совсем пал духом. Делать ему было нечего, и он не знал, чем заняться. Одалживать деньги и строить новый киоск, организовывать торговлю у него не было сил. К тому же на нем висели старые долги, которые он должен был вернуть. Макс был в тупике.

Молча сев за стол, Макс взглянул на раскрытый журнал.

– Что делаешь? – спросил он Валентина.

– Да ничего, просто журнал смотрю.

– А видик где?

– Ребятам отдал. Вот, посмотрел несколько фильмов.

– Как жить дальше думаешь? – неожиданно спросил Макс, наливая в стакан вина и подвигая второй Валентину.

– Не знаю, – пожал плечами Валентин. – Тут ребята, мои однокурсники, в бригаду зовут.

– В бригаду? – переспросил Макс. – А что делать? Ты ведь по строительной части не особо…

Валентин усмехнулся.

– При чем тут строительство? В бригаду зовут деньги вышибать, кооператоров охранять, короче, крышу делать.

– Крышу? – задумчиво произнес Макс. – В последнее время много об этом пишут.

– И не говори! Только и пишут, что про рэкетиров, запугивают простого обывателя.

– И что ты об этом думаешь?

– Там деньги неплохие дают.

– Какие?

– Все зависит от выручки. Доход делится на какие-то части. Мы имеем процентов двадцать-тридцать от общего дохода бригады. Часть идет в общак, как обычно, – Валентин намекнул на их прошлое. Макс задумчиво посмотрел на него.

– Я тоже начинаю думать об этом.

– О чем? Кооперативный киоск опять открыть хочешь?

– Нет, я не для этого.

– А для чего же?

– Послушай, Валя, давай сами бригаду сколотим! Пацаны вроде с нами в нормальных отношениях. Начнем вместе работать.

– Я тоже думал об этом, – сказал Валентин. – Но дело в том, что в нашем городке никаких особо серьезных кооператоров нет, да и делить тут нечего. И посмотри, как бригады с «Теплоцентрали» поднялись, те же зеленые. Сейчас у них серьезные команды. Мне даже ребята из моего института говорили о серьезности этих структур.

– А кто же тебе предлагает бомбить наш городок? – неожиданно проговорил Макс. – Тут есть возможность покруче, Москва, например.

Валентин усмехнулся.

– Ты что, Макс, какая Москва? Мы наберем шестнадцать, пусть даже двадцать человек. И ты считаешь, что с этим количеством можно в Москву соваться?

– Подожди, у меня схема уже разработана, – сказал Макс. – Вот глянь. – Макс взял листок бумаги, ручку и стал что-то чертить. – Вот мы с тобой, два лидера. Только мы имеем право делить общий доход команды. Все остальные будут работать по найму.

– Что значит по найму?

– На зарплате сидеть. Им гарантирована ежемесячная заработная плата.

– И какая же?

– Я тебе позже скажу. Это зависит от доходов. Плюс премии за участие в каких-нибудь акциях, плюс больничные…

– Что еще за больничные?

– Мало ли: у кого травма, кого в КПЗ менты возьмут, на адвоката…

– Короче, опять общак получается? – уточнил Валентин.

– А куда без него денешься! Вот такая ситуация получается.

– И как ты все это себе представляешь?

– Сейчас в Москве много кооператоров. Они все тусуются на Рижском рынке. Слышал про такое место?

– Да, что-то про него недавно писали.

– Вот мы с тобой создаем бригаду, наедем на кооператоров, предлагая свои услуги. Все будет построено на психологии запугивания.

– Кто же нас испугается? – удивился Валентин.

– А вот тут мы, братишка, должны этого добиться. Это наша профессия. А потом, может, кого на охрану возьмем, будем получать свои проценты. Тут вот в чем вся штука заключается: сначала нужно немного поработать, а потом каждый день будем ездить и долю снимать то с одного кооператора, то с другого. Я даже придумал, как сделать свою карту.

– Какую карту? – спросил Валентин.

– Карту всех своих торговых точек. А когда мы кое-какие деньги заработаем, тогда сможем сами их крутить.

– Да, Макс, не зря ты в Плешке учишься! Ты на каком факультете, я все время забываю?

– Как на каком? Общественного питания.

– Тебе, по-моему, нужно на другой переходить.

– На какой же? – удивился Макс.

– На криминальный факультет.

Оба засмеялись.

Именно с того вечера группировка, которую должны были возглавлять Макс с Валентином, и взяла свое начало. Уже на следующий день друзья пригласили на квартиру Валентина всех ребят, которые раньше входили в их молодежную группировку. Здесь Макс и Валентин стали убеждать всех в необходимости создания группировки. Макс даже стал всех уверять, что есть готовые коммерсанты, которые сами просят, чтоб их охраняли.

– А зачем им это нужно? – поинтересовался невысокий щупленький паренек по кличке Колобок.

– Как зачем нужно? Неужели ты не понимаешь простую схему? Любой коммерсант понимает, что рано или поздно к нему придут рэкетиры и будут его трясти, причем трясти по жесткому варианту. Понимаешь, Колобок?

– Понимаю. А мы тут при чем?

– Мы – вроде бы хорошие, крыша. Мы его защищать будем. Ему лучше с нами дело иметь, чем с плохими бригадами. Согласен?

Колобок как-то неуверенно пожал плечами:

– В принципе согласен.

Тут Валентин взял инициативу в свои руки.

– Братва, вы ничего не понимаете! У нас есть самое главное – наша прежняя слава, плюс опыт, смелость, отвага! Ведь то, что мы раньше, когда крутились в нашей качалке, проворачивали дела, никого не боялись, – все сейчас нам пригодится. Но мы уже стали поум-

нее, просто так идти на дело, ради идеи нет смысла. Если уж идти на разборку, то только за деньги. Согласны со мной?

Ребята закивали:

– Конечно, согласны!

– Или кто-то хочет просто так помахаться?

– Времена те уже прошли, – сказал кто-то из ребят.

– Ну вот! Ежемесячно каждый будет получать заработную плату, – снова вступил в разговор Макс. – Кроме этого, будем создавать общак. Каждый будет иметь право брать из него деньги. Естественно, с согласия других товарищей.

– А кто старший у нас будет?

– Старший? А как вы думаете?

– Наверное, вы с Валентином, – сказал тот же Колобок.

– Правильно понимаешь. Но мы не просто старшие, мы ваши отцы.

– Папы, что-то типа крестного, – сказал один паренек, намекая на фильм «Крестный отец» о жизни итальянской мафии в Америке.

– Да, что-то типа того. Если что случится с кем, то все проблемы ложатся на нас. Это не означает, что мы с Максом не будем ходить на дело. Мы будем ходить, иногда. А всю остальную подстраховку – если кого пуля заденет, то больницу организуем, если менты кого примут, адвокатов нанимать будем – одним словом, будем осуществлять прикрытие.

– Таким образом, получается, что вы будете нашей крышей? – спросил Колобок.

– Можно понимать и так.

– Ну что, братва, – Колобок неожиданно встал и расправил свои узкие плечи, – даем согласие?

– А чего ж тут не соглашаться? Макса с Сушком я лет десять знаю, – сказал один из ребят.

– А я и того больше, – добавил второй. – Ребята они надежные, положиться на них можно. Я лично – за.

– И я тоже… И я, – раздались голоса.

На следующий день Макс с Валентином обработали еще нескольких ребят. Через несколько дней костяк группировки составлял примерно двенадцать пацанов, включая Макса и Валентина. С этим коллективом уже можно было ехать на первое дело.

Пожалуй, символом московских кооператоров в середине восьмидесятых годов был знаменитый Рижский рынок, расположенный в середине проспекта Мира, возле метро «Рижская».

По субботам и воскресеньям на это когда-то совершенно пустое место устремлялись массы народу. Это были и кооператоры, которые торговали своими изделиями, и покупатели кооперативных товаров, и просто зеваки. Рынок представлял собой площадь с огромным количеством народу. Пройти между торговыми рядами было очень трудно. Все толкались, протискиваясь в толпе.

В тот день, когда ребята впервые приехали на Рижский рынок, Валентин сразу ощутил какое-то необычное чувство нового, граничащее с чувством страха – а вдруг их сейчас повяжут? Уж больно часто в последнее время газеты стали печатать репортажи из зала суда о рэкетирах, вымогателях и прочих. Но Валентин понимал, что береженого бог бережет и вымогать тоже надо умеючи, намекать.

Приехали с бригадой из восьми человек на двух такси. Ребята вышли из машин и, расплатившись с таксистами, уже хотели идти на рынок, как Валентина кто-то окликнул. Валентин посмотрел в ту сторону. На противоположной стороне из новых вишневых «девяток» вылезали крепкие ребята в спортивных куртках. Один из них улыбался.

– Валек, привет! Ты не узнаешь меня?

Валентин смотрел на говорившего. Макс подошел к нему и тихо спросил:

– Кто это?

– Эдик, ты, что ли? – сказал Валентин.

– Я, конечно, – улыбнулся парень.

– Это Эдик, – сказал Валентин Максу, – мой сокурсник, тот самый, который звал меня в бригаду.

Эдик уже шел по направлению к Валентину. Они обнялись, как будто виделись не два дня назад, сидя рядом на лекции, а лет десять.

– Какими судьбами тут? – спросил Эдик.

– По делам приехал. Знакомься, мой друг Макс.

Макс протянул руку.

– Эдик из Долгопрудного, – представился Эдик.

– Так, значит, вы долгопрудненские?

– А вы кто? – улыбнулся Эдик.

– Мы – люберецкие, – ответил Макс.

– О, серьезное название! – сказал Эдик. – Ну что, работать будете?

– Конечно, – сказал Валентин.

– Братишка, если у тебя будут возникать какие-нибудь проблемы, можешь на нас рассчитывать, – сказал Эдик, похлопав Валентина по плечу.

– И ты тоже можешь на нас рассчитывать, – в ответ сказал Валентин.

– Значит, мы заключили с вами союз о ненападении и поддержке? – Эдик протянул руку Валентину. Тот крепко пожал ее. Все остальные ребята, которые приехали с Максом и Валентином, также пожали руки всем долгопрудненским.

– Значит, если что, то друг друга выручаем, – сказал Макс.

– Договорились, – на прощание кивнул головой Эдик.

Все разошлись по рядам. Первый ряд, который выбрали Валентин с Максом, был забит в основном самопальными джинсами, спортивными куртками и костюмами «Адидас». Это был так называемый швейный ряд.

Кроме того, в этом ряду было бесчисленное множество разных наклеек зарубежных фирм. Чуть поодаль в отдельных лотках продавали карты метро, сделанные фотографическим способом, где были изображены все крупнейшие магазины города, начиная от «Детского мира» и заканчивая «Лейпцигом».

Говорят, впоследствии люди, которые занимались изготовлением таких схем, очень разбогатели.

Немного дальше торговали шашлыками, напитками.

Пройдя через ряды, можно было выяснить ассортимент рынка. В основном это были дешевые польские товары, всевозможные ленточки, резиночки, кое-что из косметики, джинсы, одежда и самодельные куртки под странным названием «варенка».

Обойдя все ряды, Валентин с Максом заметили, что, помимо них, по рядам ходят и другие ребята, коротко стриженные, крепкие. Нетрудно было догадаться, что это были их конкуренты, такие же бригады рэкетиров, которые приехали бомбить кооператоров.

Необходимо было вычислить первого коммерсанта и осуществить на него наезд. Макс выбрал первую пару. За прилавком, торгуя самодельными куртками, стояли два достаточно крепких паренька. Макс медленно подошел к прилавку. За ним следовали Валентин и остальные ребята.

– Почем курточки? – спросил Макс.

Ребята, словно почувствовав что-то неладное, сказали:

– Вам можно и подешевле.

– И все же, почем курточки?

– Сто десять рублей, – сказал один паренек.

– Что-то больно дорого, – сказал Макс.

– Я же сказал, что вам можно и подешевле. Хотите, по девяносто отдадим, – вмешался в разговор второй паренек.

Валентин стал мысленно подсчитывать количество курток, выложенных на прилавок. Их было штук пятнадцать-двадцать.

– А откуда у вас куртки? Сами, что ли, шьете?

Парни молча кивнули.

– Вы что, швейники, что ли?

– Вообще-то нет. Мы тренеры из спорткомплекса «Олимпийский», он тут рядом.

Валентину стало как-то не по себе. Выходит, эти парни его коллеги, спортсмены. Только он будет сейчас у них деньги вымогать, а ребята честным путем их зарабатывают.

– Когда же вы куртки шьете? – спросил Макс.

– По выходным, по ночам. Жить-то надо, – сказал парень. – А ты что, тоже спортсмен? – обратился он к Валентину, глядя на его широкие плечи.

– Да, я самбист. Институт физкультуры заканчиваю.

– А я два года назад его закончил!

– То-то, смотрю, мне твое лицо знакомо, – улыбнулся Валентин и первым протянул ему руку. – Как тебя зовут?

– Юра.

– А меня Валя.

Макс смотрел на эту сцену, ничего не понимая. Взгляд его говорил: что же ты сделал, ты же все испортил! Дружишь с кооператорами, а надо их трясти!

Валентин понял взгляд Макса.

– Ребята, – сказал он, – а у вас крыша есть?

– Нет, как-то никто нас не обижает, – пожал плечами Юра.

– Ну, это пока. Сейчас сюда приехали долгопрудненские, – продолжал Валентин, – крутые ребята. Они будут на всех наезжать, и на вас могут наехать. Короче, если что – говорите, что под люберецкими стоите. А старшие у них – Макс и я, Сушок. Так и говорите. Хорошо?

– Хорошо, мы скажем. А сколько мы будем вам за это должны?

– Ладно, ребята, потом сочтемся, – сказал Валентин, отходя в сторону.

– Ты что, парень? – сразу налетел на него Макс. – Ты же все испортил! Мы бы сейчас деньги срубили, а ты какую-то дружбу затеваешь! Завтра они не придут!

– Спокойно, – сказал Валентин, – я насчитал у них пятнадцать-двадцать курток. Куда они снимутся? Тем более мы ничего плохого им не сделали.

– Вот именно! Ты бы еще с ними целоваться полез! Какая сентиментальность – в одном институте учились! Спортсмены! – начал напирать Макс.

– Ладно, Макс, клянусь, больше не буду ни во что вмешиваться! Пошли к следующему кооператору!

Следующий кооператор продавал спортивные брюки. Макс, разозленный предыдущей неудачей, подошел к нему с агрессивным видом и начал сразу:

– Слышь, землячок, это ты в прошлое воскресенье моему младшему братишке брюки продал?

Кооператор непонимающе взглянул на него.

– А какой он из себя был, твой братишка?

– Какая разница! Ты брюки продал? Точно, ты! – напирал на него Макс. – Ты знаешь, что с этими брюками получилось?

Кооператор замотал головой.

– А что с ними могло случиться? Распоролись, что ли, по швам?

Но Макс не успокаивался. Валентин смотрел на эту сцену с большой заинтересованностью и ждал, что произойдет дальше.

– Ты знаешь, что с этими брюками приключилось? Они оказались ворованными. Брательника моего менты повязали!

Кооператор вытаращил глаза.

– Он в КПЗ три дня просидел, его жестоко избили! Короче, за большие деньги мы его выкупили оттуда. С тебя за это двести рублей.

– Сколько? – переспросил кооператор. – Двести рублей? За что?! Какие брюки, какой брат, какие менты? Вы что, ребята? Я сам шью эти брюки! Вон смотрите! – И он стал доставать из кармана свой патент. Но не успел он достать бумагу, как получил сильный удар по челюсти.

– Ты что, не веришь мне? – зло сказал Макс.

Теперь Валентин понимал, что это был настоящий жесткий рэкет – просто повод его развести.

– Значит, так, – сказал Макс, – ты нам должен двести рублей. Это сейчас. А еженедельно будешь по двадцать пять отдавать, понял меня?

Кооператор закивал, сглатывая кровь.

– Понял меня? Это я тебе говорю, Макс из Люберец! На тебя люберецкие наехали. Каждую неделю – двадцать пять. И если свалишь с этого рынка – мы тебя везде найдем. У нас везде связи!

– Нет, что вы, ребята, я все понимаю! – сказал кооператор, отсчитывая деньги. Две сотенные бумажки Макс положил в карман.

Когда они отошли от прилавка, Макс с силой схватил Валентина за рукав.

– Видел, как нужно работать? Только жестко, только страхом брать! Ты пойми психологию кооператора! Он запуган, и нужно ему показать, что ты – крутой рэкетир. Вот его психология, и ты должен это знать! Пошли дальше!

Затем было еще несколько наездов. Некоторые из них были удачными. Кто-то платил двадцать рублей, кто-то сорок, кто-то пятьдесят, а кто-то выложил и сто.

В конце дня ребята сумели набить шестьсот рублей. Это были большие деньги. Макс настолько гордился своей ловкостью, безнаказанностью, а главное – легкостью добывания денег, что сказал:

– Друзья, всех приглашаю на шашлык! Фирма платит!

Все пошли в небольшую стекляшку. Там хозяева-азербайджанцы торговали зеленым чаем, шашлыком, какими-то напитками. Спиртного не было – было запрещено им торговать.

Заказав салаты, сациви, ребята уселись за столик и стали обсуждать подробности того или иного эпизода, происшедшего сегодня на Рижском рынке. Разговаривали они так громко, что многие посетители кафе стали потихоньку покидать зал.

Насторожились и хозяева – два азербайджанца, стоящие за стойкой в белых халатах.

– Слышь, – сказал Макс, показав на азербайджанцев, – может, и на них сейчас наедем? Смотри, какая точка прибыльная!

– Ну, у них уж точно крыша есть, – сказал Валентин, – наверное, своя, азербайджанская.

– Попытка не пытка, – хохотнул Макс, – давай попробуем! – И он махнул рукой хозяину, чтобы тот подошел. Азербайджанец подошел и молча стал рядом со столиком.

– Тебя как зовут? – спросил Макс.

– Алик, – ответил хозяин.

– А почему у тебя русское имя? Почему не азербайджанское?

– Да уж так родители назвали.

– Скажи, Алик, у тебя есть какая-то крыша?

– Есть крыша.

– Кто твоя крыша?

– Как кто? Наша, азербайджанская. Таги-заде возглавляет.

– А, Таги-заде! Конечно, слышал про Таги-заде! Тогда все нормально. Иди, Алик, отдыхай!

– А вы-то кто? – спросил Алик.

– Мы – люберецкие.

– Конечно, слышал про вас, – и Алик отошел в сторону.

Затем Валентин увидел, как Алик стал шептать что-то на ухо своему напарнику, показывая в сторону ребят.

– А ты что, этого Таги знаешь? – спросил Валентин.

– Да откуда? – улыбнулся Макс. – Конечно, не знаю. Но нужно показать, что мы знаем всех. Мы же люберецкие!

Все дружно засмеялись.

Когда, расплатившись с Аликом и получив соответствующую скидку, все уже собрались уходить, Алик взял за рукав Макса. Валентин тоже остановился.

– У меня к вам дело есть, уважаемый, – сказал Алик. – Если вы заинтересуетесь, можете мне помочь.

– А что за дело? – спросил Макс осторожно.

– Понимаете, тут один человек должен мне большие деньги.

– И за что же он тебе их должен?

– Ты знаешь, он мне мясо поставлял на шашлыки.

– Откуда?

– Он раньше рубщиком мяса был в одном гастрономе, сейчас у него кооператив по мясу. В общем, он поставил мне один раз мясо, как это сказать… бракованное.

– Некачественное? – поправил его Макс.

– Да, некачественное. После этого он мне денег должен. Я ведь то мясо выбросил, а деньги за него заплатил. А он их не возвращает.

– А сколько он тебе денег должен? – уточнил Макс.

– Две тысячи рублей, а если точно – две триста.

– И что ты нам предлагаешь?

– Хотелось бы, конечно, если вы можете и вам это интересно, деньги с него получить. Хотя бы половину.

– А половина наша? – улыбнулся понимающе Макс.

– Да, половина ваша.

– Как ты думаешь, Валентин, – обернулся Макс к Валентину, – можно попробовать?

– Попробовать-то можно, – осторожно сказал Валентин. – А где живет твой мясник?

– Это Слава Милославский.

– Мне это имя ничего не говорит, – сказал Макс. – Где его магазин? Как его найти?

Азербайджанец стал на листке записывать адрес магазина, где работал его должник. Но Макс остановил его.

– Не надо писать никакого адреса. Поедешь вместе с нами, покажешь магазин. Так сказать, на очную ставку.

Алик упирался и ехать не хотел. Но угрожающий вид ребят заставил его согласиться.

Через несколько минут они сели в машину Алика, те же, кому места не хватило, поймали такси. Вскоре машины вырулили на проспект Мира и направились в сторону ВДНХ. Ехать пришлось недолго – пересекли Большой Крестовский мост, затем еще пару светофоров проехали и повернули направо, на Мало-Московскую улицу. Где-то в середине улицы и находился небольшой гастроном, где работал Слава.

Остановившись у гастронома, Алик сказал:

– Вот этот магазин. Тут он работает.

– Точно здесь? – переспросил Макс.

– Да, точно.

– Тогда пошли с нами, покажешь нам его.

– Может, я тут останусь? – осторожно произнес Алик.

– Как это? А мы что, от дяди Васи пришли? Пойдем с нами! У тебя к нему претензии – вот ты их ему и выскажи.

Через несколько минут все дружно выскочили из машин, кроме одного паренька, который держал такси – на всякий случай.

Все вошли в гастроном. Там уже практически никого не было, так как до закрытия оставалось около пятнадцати минут. Позевывая, кассирши сидели за своими аппаратами, поглядывая на часы. Продавцов за прилавками почти не было, как и покупателей в зале. Пройдя через служебный вход, вся группа оказалась в подсобке.

Но навстречу неожиданно пошел полупьяный мужчина в синем халате. Нетрудно было догадаться, что это был грузчик, который одновременно был кем-то типа вышибалы, телохранителя. Но, попав под мощные удары молодых ребят, грузчик сразу же оказался на полу у деревянных ящиков. Один из пацанов наклонился к нему.

– Говори быстро, падла, где Милославский?

– Он в разделочном цехе, – еле выдавил из себя грузчик.

Ребята направились к разделочному цеху. Вычислить его было несложно. Пройдя по длинному коридору, они услышали музыку и глухие удары топора. Макс посмотрел на Валентина и с улыбкой сказал:

– Маэстро под музыку работает! Бетховена небось любит!

Все дружно заулыбались.

Слегка приоткрыв дверь, Валентин увидел, что в небольшой комнате, от силы шестнадцать квадратных метров, на полу, выложенном белым кафелем, посередине стояло круглое бревно, являющееся разделочным столом, на котором лежала большая туша. Рядом стоял топор. У туши возился здоровый мужчина, одетый в белый халат, выпачканный в крови. Вдоль стен на крюках висели туши.

Макс быстро подтолкнул к двери Алика.

– Он?

– Он, он, Милославский, – закивал головой Алик.

– Ты отдохни тут пока, – сказал Макс и, оставив его с ребятами, взял за руку Валентина и скомандовал еще двоим: – Заходи!

Ребята вошли в зал.

Милославский, ничего не подозревая, продолжал рубить мясо. Но тут он увидел, что в зал вошли незнакомые люди, и спросил:

– Вам чего, пацаны, мяса, что ли?

Макс, ничего не говоря, подошел к нему вплотную. Милославский опустил топор.

– Мы тебе от Алика привет привезли, – сказал Макс.

– От какого еще Алика?

– От Алика, который шашлыками торгует на Рижском рынке, которому ты мясо поставляешь недоброкачественное. Тут с тебя должок, две тысячи, нащелкал! Как, добровольно отдашь или поможем? – сказал с усмешкой Макс.

Милославский начал было отговариваться:

– Почему некачественное мясо? Я нормальное мясо ему поставил! Врет он все!

– Ты ему деньги должен? – неожиданно вмешался в разговор один из пареньков, стоящий недалеко от Макса.

– Какие деньги? Ничего я ему не должен! Я ему мясо поставил, а он куда-то налево это мясо пустил, а теперь говорит, чтобы я ему еще деньги платил! Ничего я платить не буду! – сказал Милославский.

– Значит, не будешь? Значит, тебе же хуже, – и Макс со всей силы ударил Милославского. Тот отлетел в сторону. Тем временем два пацана нагнулись к нему и приставили острый нож, который взяли с разделочного стола, к горлу. Показалась кровь.

– Ну что, платить будешь или нет? Говори быстрее, у нас времени мало! – сказал парень.

– Да чего с ним канителиться! Видишь, он платить не собирается? Режь его, Васек! – сказал Макс.

Тут Валентин испугался, что Васек все поймет в буквальном смысле и резанет Милославского по горлу. Он-то отлично понимал, что Макс никакой крови не хотел, просто брал Милославского на понт.

Но с Васьком была проблема. Он все делал так, как ему приказывали. Он уже хотел надавить на нож, как к нему рванулся Валентин.

– Подожди, спокойно! Я по глазам вижу, что он заплатит. Ты ведь будешь платить? – обратился он к мяснику. Тот со страхом закивал головой. – Вот видишь – все в порядке!

Милославский быстро полез в карман. Он достал оттуда несколько сторублевых бумажек и протянул их Валентину. Тут в разговор снова вступил Макс. Он взял эти триста рублей и швырнул их на стол.

– Ты что мне какие-то паршивые три сотни суешь! – закричал он. – Ты нам две штуки давай! Или ты не понимаешь?

– Я ему ничего не должен! – опять начал говорить Милославский.

– Ах, не должен? Ну, сейчас мы тебе устроим! – Макс схватил Милославского, но поднять с пола его не смог. – Васек, помоги!

Васек подскочил. Они приподняли Милославского и повесили его на крюк, на котором только что висела туша. Валентин видел эту странную картину – среди коровьих туш висело крупное тело мясника.

Макс посмотрел на Милославского оценивающе. Валентин не понимал задумки Макса. Но тот заранее уже придумал, как в этой ситуации надавить на клиента психологически. Он стал прохаживаться мимо Милославского. Тот висел неподвижно.

Тут Макс заметил небольшую кастрюльку, наполненную кровью, стоящую около туши. Вероятно, туша только что была разделана, и кровь еще стекала с нее в кастрюльку. Макс медленно подошел к кастрюльке, взял ее в руки и прикинул ее вес. Потом, неожиданно повернувшись к Милославскому, резко выплеснул содержимое кастрюльки мяснику в лицо.

Моментально этой кровью покрылось лицо Милославского, его рубашка, брюки. Создавалось такое впечатление, что лицо Милославского было изрезано. Затем Макс взял лежащий рядом все тот же нож для разделки мяса, обмакнул его в кровь и поднес к горлу Милославского.

– Последний раз спрашиваю – будешь платить две штуки или нет?

– Буду, только не делайте ничего! – закричал Милославский. – Все заплачу!

– Очень хорошо, – сказал Макс. Он направился к двери, открыл ее. Валентин смотрел на него. Неужели Макс что-то задумал?

Макс вышел в коридор и втолкнул в комнату перепуганного азербайджанца.

– Ну вот, Алик, смотри, что случилось! Посмотри внимательно!

Валентин видел глаза азербайджанца, полные ужаса. Он, наверное, уже был не рад, что привел ребят сюда. Перед его глазами предстала страшная картина – тело, висящее на крюке, все окровавленное. Создавалось такое впечатление, что Милославский мертв.

Дав посмотреть на Милославского буквально пятнадцать-двадцать секунд, Макс вытолкнул Алика обратно в коридор. Валентину было любопытно, что же будет дальше. Он пошел за ними. Макс о чем-то говорил Алику, азербайджанец кивал послушно головой.

Через несколько минут все было закончено. Испуганного Милославского сняли с крюка, помогли вытереть кровь с лица, принесли воды, чтобы он мог умыться и привел себя в нормальное состояние.

Привели одну из перепуганных кассирш. Милославский приказал ей выдать из кассы еще тысячу семьсот рублей. Кассирша начала упираться.

– Пойди в кабинет директора, возьми у него тысячу! Быстро! – кричал Милославский. Было видно, что на самом деле хозяином этого магазина был не директор, а именно Милославский. Он распоряжался всеми делами, а может, и магазин существовал на его деньги. Кассирша убежала. Через пару минут она вернулась с деньгами.

Взяв все деньги, ребята похлопали по плечу Милославского.

– Молодец, – сказал ему Макс, – мужиком держался! Мы тебя больше беспокоить не будем. Отдыхай спокойно!

Выйдя в коридор, Валентин увидел испуганного азербайджанца.

– Ну что, Алик, делать будем? Мои ребята немного перестарались, – сказал Макс. – Замочили они твоего Милославского!

– Ребята, послушайте, мне ничего не надо! – еле выговорил азербайджанец. – Давайте мирно разойдемся! Вы тут не были, я вас не знаю…

– Как это ты нас не знаешь? – сказал Макс. – Ребята на мокрое дело пошли, завалили мясника, а он нас не знает! А кто моральные издержки нам будет оплачивать?

– Мы так не договаривались! – сказал Алик.

– Как не договаривались? Хорошо, бери труп на себя. Нас-то не найдут, а на тебя все стрелки спишут.

– Ребята, что вы хотите? Все отдам, только не губите! – стал бормотать азербайджанец.

– Ну что, ребята, вывезем отсюда тело мясника? – спросил Макс. Теперь Валентин понял его замысел. Макс сымитировал убийство Милославского, и азербайджанец этому поверил. Теперь нужно было разыграть вывоз тела.

– Васек, – сказал Макс, – иди посмотри в подсобке лопату! Где-нибудь во дворе его закопаем!

– Поехали быстрее! – стал торопить их азербайджанец. – Поехали ко мне в стекляшку, я вам все заплачу!

Через несколько минут они сели в машину Алика. Он быстро включил двигатель. Машина рванулась с места. На высокой скорости она летела к Рижскому рынку. Подъехав к стекляшке, Алик выскочил из машины, побежал к себе в подсобку. Через несколько мгновений он появился на улице, держа в руках деньги.

– Вот тысяча рублей, больше нет! – сказал он.

– Сколько тут? – переспросил Макс.

– Тысяча, может, чуть больше, может, чуть меньше.

Макс медленно положил деньги в карман.

– Ладно, конечно, за такие дела с тебя гораздо больше причитается.

– Правда, у меня больше ничего нет! – азербайджанец зачем-то стал выворачивать карманы.

– Ладно, пока отдыхай, – сказал Макс, – мы тебя через пару недель навестим. – И он, похлопав Алика по плечу, направился к выходу.

Когда ребята сели в машину, Валентин не смог сдержаться и засмеялся. Засмеялся и Макс.

– Ну что, здорово мы развели этих лохов? – сказал он.

– Здорово. Классно ты с Милославским придумал! – сказал Валентин. – Неужели Алик и вправду поверил?

– Конечно, поверил! Все в натуре было!

Когда машина пересекла Кольцевую дорогу и въехала в Люберцы, Макс остановил такси.

– Мы же не доехали, – сказал Валентин.

– Так надо. – И Макс, расплатившись с таксистом, вышел на улицу.

Все стояли в недоумении. Макс остановил частника. Валентин понял, что Макс путал следы. Таксист мог о чем-то догадаться. Мало ли что может случиться! Хотя, с другой стороны, никакого убийства не было, все живы-здоровы. «Просто имело место мошенничество», – думал Валентин. Но в любом случае Макс поступил правильно.

Вскоре ребята подъехали к дому, где жили Макс и Валентин.

– Ну что, пойдем к тебе? – спросил Макс.

Валентин кивнул головой. Когда все расположились в квартире Валентина, Макс вывернул все свои карманы. Общая сумма денег составила около четырех тысяч рублей.

– Ну что, – сказал Макс довольно, – я считаю, что за день мы неплохо денег срубили!

Все обрадовались.

– Здорово, Макс, ты работаешь! Теперь можно и в ресторан сходить! Погулять от души! – сказал кто-то из ребят.

Но Макс сердито сдвинул брови.

– Вам бы только погулять, пацаны! Нам надо купить нормальную тачку, а то несолидняк с таксистами разъезжать.

Разложив деньги и вытащив оттуда по двадцать пять рублей каждому, Макс раздал деньги пацанам. Валентину же и себе взял по сотне. Остальные деньги он протянул Валентину.

– Держи! Надо тачку купить.

– А почему деньги мне? – удивился Валентин.

– А ты кассой заведуй, общак держать будешь.

Прошло несколько недель. Все это время ребята по выходным ездили на Рижский рынок. Клиентура их расширилась. Теперь уже Макс с Валентином разделились по стилю работы с коммерсантами. Если стилем Макса были грубость, страх, то Валентин, наоборот, должен был быть душой-парнем, защитником, симпатизирующим коммерсанту, и ненавязчиво предлагать свою крышу. И такой стиль имел большой эффект. Тот же спортсмен Юра привел своих ребят, которые попросились под защиту группировки Макса с Валентином, поскольку посчитали, что люберецкая группировка имеет уже достаточный авторитет, да и ребята не слабые.

Как-то на Рижском рынке ребята встретили бригаду Пирожка, которая прибыла в полном составе бомбить коммерсантов. Пирожок, увидев Макса, приветливо заулыбался и поздоровался с ним.

– Что ты тут делаешь, Макс?

– Как что? То же, что и ты.

– Ты что, тоже этим промышляешь?

– А чем мы хуже тебя, например? – сказал с усмешкой Макс.

– Как твоя палатка? – неожиданно спросил Пирожок.

Валентину показалось, что палатку сжег именно Пирожок, по крайней мере его люди, а теперь он подкалывает Макса. Макс сделал вид, что все нормально, и махнул рукой:

– Тут дело покруче будет, чем какая-то палатка!

– Это верно, – сказал Пирожок. – Слушай, может, объединимся?

– С чего это вдруг? – удивился Макс.

– Как с чего? Расширим географию своего влияния. Деньги-то увеличатся! Вот наша бригада, например, контролирует 4 магазина, 6 автосервисов, 1 автосалон, 12 коммерческих фирм, 6 парикмахерских и даже одну поликлинику. Кроме того, к нам скоро должны примкнуть две бригады с серьезной молодежью, такими, как Муха и Ворона. За ними будущее.

– Нет, мы уж сами, – сказал Макс.

– Зря ты так, – усмехнулся Пирожок, – все равно придется объединяться. Время придет – все равно под кого-то встанешь.

– Может, и придет такое время. А может, и вы под нас встанете, – ответил Макс спокойно.

– Я тебя умоляю! – засмеялся Пирожок.

После этой встречи Валентин почувствовал, что тут что-то не так.

– Макс, прошу тебя, – сказал он другу, – держись подальше от этого Пирожка!

– Я знаю, – сказал Макс, – поэтому держу ушки на макушке.

Но сбор денег с коммерсантов на Рижском рынке не давал такого хорошего улова, как первое вышибание денег. Поэтому Макс с Валентином все время старались через своих коммерсантов предлагать им помощь в вышибании долгов. Через две недели к ним обратился Юра.

– У меня есть один приятель, – сказал он, – у него соседка заняла деньги на машину и очень долго не отдает, каждый раз находит разные причины. Возьмешься за это дело?

– А денег она много взяла? – спросил Макс.

– Тысячи три или четыре, я точно не знаю.

– Хорошо, пусть твой знакомый придет завтра.

– Завтра воскресенье?

– Да, рынок завтра работает.

Так и договорились. В воскресенье у места, где Юра торговал куртками, появился еще один парень, небольшого роста, рыжеватый, с веснушками.

– Как тебя зовут? – спросил Макс.

– Виктор, – представился он.

– Ну что, Виктор, пойдем побазарим, – сказал Макс. Все направились в кафе к Алику. Азербайджанец, увидев ребят, тут же засуетился, давая какие-то указания своему напарнику. Сам же Алик завел свою «шестерку» и понесся в неизвестном направлении.

– Стесняется, – в шутку сказал Макс, – или боится.

Валентин пожал плечами:

– Наверное, и то и другое.

– Ну что, Витя, рассказывай, какие у тебя проблемы, – сказал Макс.

– Собственно, проблемы не такие уж и сложные, – сказал Витя. – Соседка моя одолжила у меня под расписку четыре тысячи рублей. Но время идет, а деньги она не возвращает.

– Так, может, денег у нее нет? – предположил Макс.

– Деньги у нее есть. Недавно купила себе стенку, японский телевизор. Все покупает, а долг возвращать не собирается. Я уже несколько раз с ней говорил. А она говорит: нет денег, и все. Не драться же мне с ней?

– А муж-то у нее есть?

– Да, есть, но он не при делах. В основном решает все она.

– Значит, муж объелся груш, – сказал с улыбкой Макс. – Ну что, Витя, условия наши знаешь? Работаем наполовину.

– Да вы что, ребята? Я думал, рублей за пятьсот, максимум за тысячу, а тут две тысячи!

– Ты, Витюша, смотри, – сказал Макс с улыбкой, – а то и двух тысяч не получишь! Мы-то что, у нас работа есть. Твоя проблема – мы ее решаем.

– Да вы что, ребята! За такие деньги…

– А что, Витек, – перешел на более серьезный тон Макс, – пойми, что мы за эти две тысячи подставляемся под срок за рэкет, да еще немалый! Или ты сам хочешь это сделать? Да ради бога!

– Ладно, – махнул рукой Витя, – выхода другого у меня все равно нет. Я согласен.

– Ну, давай показывай свою расписку!

Витя полез в боковой карман и вытащил оттуда листок бумаги. Расписка была написана от руки.

– Так она тебе еще полгода назад должна была деньги вернуть?

– Да, и не вернула.

– А проценты ты никакие с ней не обговаривал?

– Нет, вроде соседи, дружно жили.

– А сейчас как?

– Да никак.

– Ладно. Где она живет? – спросил Макс. – Точнее, где живешь ты, Витя?

Витя стал объяснять, где он живет.

– Как нам лучше ее поймать?

– Лучше у подъезда.

– Ладно, поехали ловить ее у подъезда! Мы еще пару часиков поработаем тут, на рынке, а через пару часов будь у своего дружка. Поедем в твои края.

Макс с Валентином встали и пошли по направлению рядов Рижского рынка. Время от времени они встречали знакомых ребят. Валентин – из института физкультуры, встретил еще одного паренька-спортсмена, он был из Измайлова. В принципе все достаточно тепло относились друг к другу. В этом плане все жили по одному принципу: нам чужого не надо, но и своего не отдадим. У каждого уже были свои дойные коровы. Время от времени все тот же Колобок выполнял роль связующего курьера. В его обязанности входило находиться все выходные около тех коммерсантов, которых они опекали и которые платили дань группировке. И как только появлялась чужая бригада и спрашивала коммерсанта, где его крыша, а коммерсант либо невнятно говорил, либо бригада была слишком крутая, то тут же назначалась стрелка, и на Рижском рынке, вернее, недалеко от Рижского рынка, встречались две бригады.

В основном разговоры были мирные: привет, ребята, – привет, братва. А вы откуда? А мы оттуда. Кого знаете? А мы того-то, а мы этого. Вот и весь разговор. Заканчивался он похлопыванием друг друга по плечу – ладно, мол, ребята, обознались, виноваты, кто знал! Так постепенно росли связи группировки. Макс с Валентином знали многие действующие московские группировки, точнее, пока еще бригады.

В большинстве случаев рэкетом занимались либо бывшие спортсмены, либо фарцовщики и картежники, иногда встречались бывшие афганцы. Но чистых уголовников, которые отматывали свои сроки по лагерям, пока еще не встречалось.

Выходной день уже подходил к концу. Многие коммерсанты и покупатели стали уходить с рынка. Макс хотел уже идти к машине, купленной недавно у одного люберецкого знакомого – подержанной «трешке», как Валентин остановил его.

– А к Юре? – напомнил он.

– Какому Юре?

– Нам же проблему еще надо решить.

– А, да, а я и забыл, – улыбнулся Макс. – Послушай, давай сделаем так. Чего нам туда всей кодлой тащиться? Отпусти ребят, а человек пять – мы с тобой и еще трое, кто в машину влезет, – поедем. Остальных отпусти.

Так и сделали. Подойдя к прилавку Юры, они увидели уже стоящего там Виктора.

– Ты на тачке?

– Да, у меня «восьмерка», – ответил Виктор.

– Поехали!

Вскоре они направились в сторону Медведкова. Дорога заняла не более тридцати минут. Машины подъехали к почти такому же, как в Люберцах, двору. Только если в Люберцах стояли пятиэтажки, то дома в этом микрорайоне были девяти-, двенадцати– и четырнадцатиэтажные.

Остановившись у подъезда, Виктор сказал:

– Вот тут я и живу.

– Очень хорошо. Теперь поставь свою машину подальше от нашей, а сам садись к нам, – сказал Макс.

Виктор так и сделал. Посадив его на переднее сиденье, Макс сказал:

– Теперь будем ждать, пока не появится должница. Как ее зовут?

– Галя, – ответил Виктор.

– Хорошо. Значит, будем ее ждать, твою Галю.

Ждать пришлось долго, почти два часа. Из подъезда выходили разные люди, но Галя не появлялась. Виктор стал волноваться.

– Послушайте, ребята, – сказал он ни с того ни с сего, – вы ждете, время свое теряете, можно сказать, как в такси сидите. Я должен за это платить?

Макс улыбнулся. Валентин подумал: «Сто процентов, Макс сейчас еще деньги с него сшибет! Он своего не упустит!»

Но Макс неожиданно ответил:

– Ты ничего больше нам не должен. Мы же договорились – деньги наполовину. Так что все входит в эту сумму. Дождемся или нет, потеряем время – ничего страшного. Мы же не повременно у тебя работаем!

Виктор немного успокоился. Неожиданно из подъезда вышла женщина в длинной дубленке. Остановившись, она открыла сумку и стала там копаться, видимо, проверяя, взяла что-то или нет.

– Вот она! – сказал Виктор.

– Прекрасно! Сиди тут, – сказал Макс и скомандовал: – Все за мной!

Через несколько секунд Макс уже вплотную подошел к женщине.

– Галя, добрый вечер! – сказал он.

– Добрый вечер, – так же дружелюбно ответила Галя, внимательно всматриваясь в лица Валентина и других ребят. – Что-то я вас не припоминаю.

– А мы много слышали про вас, Галя, – сказал Макс.

– А вы меня ни с кем не путаете? – спросила она, почувствовав что-то неладное.

– Нет, ни с кем мы вас не путаем. Мы к вам насчет денег, по финансовым вопросам пришли.

– Насчет каких денег? – удивленно спросила Галя.

– Насчет четырех тысяч, которые вы должны одному человеку.

– А, вот оно что! – сказала Галя. – Так у меня денег нет.

– Это понятно, что нет, – сказал Макс. – Поэтому мы и пришли.

Валентин внимательно следил за Максом и за его психологическим давлением на жертву. Ему казалось, что с этой женщиной они справятся в течение нескольких секунд, если сумели обработать Алика с мясником Милославским. А уж с женщиной справиться пара пустяков.

Но Галя и не думала сдаваться.

– Ребята, вы что-то путаете, – сказала она. – Я ничего никому не должна.

Тогда Макс достал из бокового кармана расписку, которую он взял у Виктора.

– А это чья расписка? – спросил он и протянул Гале листок, где было написано, что она такого-то числа взяла деньги у такого-то и обязуется их вернуть.

– Так это же простая бумажка, – улыбнулась Галя. – Она ничего не стоит. – И она протянула расписку обратно Максу.

– Может быть, в суде она ничего не стоит, – сказал Макс, – а для нас она много стоит. По существу, это самый главный для нас документ. Напрасно вы, Галя, так с нами разговариваете. Мы, между прочим, ничего плохого пока вам не сделали и хотим с вами разобраться по-мирному, спокойно.

– Да что вы, ребята, меня пугаете, что ли? – сказала Галя. – Я никого не боюсь. Кто вы, откуда?

– Мы люберецкие, – сказал Макс. – Слышали про нас?

– Ну и что? Подумаешь, люберы. Ничего у меня нет, и я платить не буду.

– Хорошо, Галя, – сказал Макс, – а что это мы тут на улице стоим? Пойдемте в квартиру, чайку попьем, спокойно поговорим.

– Да никуда я с вами не пойду!

Но не успела она это сказать, как Макс втолкнул ее в подъезд.

– Вы что, ребята? – проговорила Галя.

Но Макс схватил ее рукой за горло.

– Пойдем, пойдем, Галя! Где твоя квартира?

Слава богу, что никого в этот момент в подъезде не было. Конечно, они знали, в какой квартире живет Галя. Виктор сказал им номер своей квартиры, а ее квартира находилась напротив.

Быстро поднявшись на шестой этаж, Макс подвел Галю к двери ее квартиры и сказал:

– Ну что, Галя, открывай квартиру! Сейчас мы с тобой спокойно договорим.

Наступила тишина. Галя открыла сумочку и медленно полезла туда за ключами. Все напряженно следили за ее движениями. Наконец Галя достала ключи и медленно стала открывать замок.

Вдруг резким движением она дотянулась головой до звонка соседней квартиры и нажала на кнопку. Когда послышались шаги, Галя стала кричать:

– Помогите! Вызовите скорее милицию! На меня бандиты напали, деньги вымогают!

– Ах ты, падла! – прошипел Макс. – Что ты, сука, делаешь? – И он сильно ударил ее в живот. Женщина скрючилась от боли.

– Егорка, Колобок, хватайте ее! – скомандовал Макс.

Ребята подхватили Галю и поволокли ее в лифт. Уже перед самым выходом из подъезда они увидели, что навстречу идет мужчина, выгуливавший собаку. Увидев, как ребята ведут скрюченную Галю, он удивленно посмотрел на них. Галя пыталась что-то сказать мужчине, но Макс сказал:

– Гуляй, мужик, спокойно! Тебя не трогают, и ты никого не трогай!

Мужчина кивнул и пошел в сторону лифта.

Быстро вытащив на улицу Галю, ребята посадили ее в свою машину.

– А ты, – обратился Макс к Егорке и что-то прошептал ему на ухо.

Егорка остался. Остальные поехали. Макс сидел за рулем, рядом с ним – Валентин, сзади сидели ребята, а между ними – Галя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.